

голубые старты лета

Олимпик

№ 12 июнь 1983

«...У меня четверо подшефных мальчишек. У всех нет отцов. Все на учете в милиции. Сейчас я стараюсь пробиться к ним. Вопреки отзывам в школе, дома. Вопреки их собственному мнению о себе... Мне очень трудно писать вам это письмо... Если б вы приехали к нам, в Киров. Хоть на три денька, а?»

И еще одно письмо:

«Ситуация такая: помните, я вам рассказывала о подвале, в котором подростки оборудовали помещение под секцию культуризма? Так вот, возникла идея — кустарную секцию превратить в спортивный дворцовый клуб для подростков. Туда пришел наш парень, кандидат в мастера по дзюдо. Ребята встретили его как представителя комитета комсомола, понадеявшись, что он поможет с оборудованием. А он раз пришел, два и больше не появлялся. Мальчишки остались одни.

Когда я обратилась за помощью в партком завода, мы поехали с заместителем секретаря парткома, инструктором, проектировщиком, заглянули в этот подвал. Секретарь парткома обещал помочь, но ведь и комитет комсомола тоже обещал... полгода назад.

Если б мальчишки знали, что приходится пробивать формализм не где-то, а в комитете комсомола...»

Честно сказать, что это за подвал, о котором Рая рассказывала в письме, я представляла себе плохо. А вот Раю я уже знала хорошо — как добровольного, никем не избранного и не назначенного комиссара, которая просто душой приняла добровольную ношу. Это в ее характере: всякое поручение, связанное с подростками, она воспринимала как подарок жизни.

«А теперь — радостные вести. Райком организует военно-спортивный трудовой лагерь для подростков! И взял за это хороший парень, который 10 лет назад организовал заводской лагерь для «трудных». Все-таки не зря я рассказала о нем на конференции. Он берет меня в помощники... На днях едем искать место для высадки стройдесанта. Хотим начать по принципу ленинградского клуба «Прометей». Сами с ребятами будем строить. Но брать будем ребят не только «трудных». Нужен здоровый костяк из комсомольского школьного актива. Рада, что не лишняя в этом деле...»

После этих писем была еще и встреча. Раю отправили в отпуск, и она решила «прокатиться» на велосипеде от Москвы до Ленинграда. Из Кирова до Москвы она ехала поездом и возникла у меня неожиданно, прямо с вокзала. Разговор у нас был долгий, но какой-то абстрактный. Она с волнением расспрашивала меня: что я думаю о том, о другом... А то, и другое, и третье в конечном счете сводилось к одному: все к тому же подвалу, который комсомол обещал ребятам оборудовать и превратить в клуб, но так до сих пор ничего не сделал.

— Нет, вы мне скажите все же определенно, — на-

подростками? Я как приехала, ей позвонила первой, — кому еще доложить? Вот все и сошлось... Ой, нет, вы правда в Кирове?! Ну, все, сейчас захожу за вами, и мы едем к ребятам, в подвал, а вечером — к Бессоновой. Я уже ей сказала!

Ну, Райка!..

День позавчерашний

Поздним вечером, когда размытые сумерки сгустились уже до полной темноты, она бесцельно шла по улице. Время было самое подходящее для разных неожиданностей. Все улицы города она хорошо знала — вернее, их ночную жизнь. На одних окна наглухо закрыты ставнями, собаки во дворах. Но были и настоящие магистрали приключений: света мало, проходные дворы по обеим сторонам и даже подъезды сквозные, на два выхода.

Из темноты вынырнула девчонка, чуть не столкнувшись, и Рая, схватив ее за сумочку, сказала машинально, подпустив в голос хрипотцы: «Давай деньги!» И хрипотца и фраза — вроде бы неплохо сыграно, как всегда. Но вышла осечка:

— А ты что, не работаешь? — вроде бы спокойно, без страха, с доброжелательным интересом спросила девчонка, не вырывая и не отдавая сумочки. Так и стояли, держась за нее с двух сторон, как две подружки, которые давно не виделись и рады поболтать.

— Конечно, не работаю, я же под следствием, — уже с сознательным ехидством сказала Райка.

— Да? — просто спросила девчонка. — Ты приходи ко мне завтра в обед, я тебя к нам на завод устрою. Смотри, буду ждать. — Она назвала адрес, фамилию, имя, потянула к себе сумочку и нырнула в темноту.

Назавтра Райка пошла из чистого любопытства: как это ее, такую тертую, какая-то девчонка так ловко одурачила.

Райке было семнадцать лет. Ей нравилось видеть страх в глазах малодушных, когда они с компанией шли по улице.

А иногда с отвращением ко всем думала: да что ж вы, труссы, боитесь? Хоть бы сдачу кто дал!

...Дверь открыла немолодая женщина. Ну, точно, обман...

— Проходи, — сказала женщина, пропуская ее в комнату. — Мне Таня о тебе рассказала.

КАК СЛОЖИ

О НЕСЛОМЛЕННОЙ СУДЬБЕ ПОДРОСТКА, О ТРУДНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЕГО

Клара СКОПИНА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

День сегодняшней

Город встретил неожиданным солнцем и теплом, будто и не было перед тем ранней хмурой осени, по-северному скупой на краски. И сразу отлегло от души, спало напряжение: показалось, что тихий, спокойный город с нелюдными улицами даст передышку. Пролетело лето, оставалось всего десять дней от отпуска, и они были тоже спланированы, но тут — не в первый уже раз — перечитала я последние Райны письма. И купила билет до Кирова. Если сейчас не поехать, то еще полгода не соберусь.

Письма ее были полны тревоги и гнева. А я, уловив «внешний» сюжет событий, никак не могла понять: что же такое жжет Раю? Именно жжет, другого слова не найдешь.

жимала на меня Рая, — может ли комсомольский работник (заметьте — освобожденный комсомольский работник!) назначить ребятам встречу — и не прийти! Ну, как это понять?! Собралось около сотни мальчишек. Они ждали его час. У них — масса вопросов. А Сергей Шмидт просто не пришел! И это комсомольский комиссар!

— Ну, Рая, может, у него что-то случилось? Нельзя же сразу — гвоздиком к стенке. Он же живой человек! Семья, ребенок, да?

— Ну и что?.. Я узнавала — он в этот день уехал в отпуск. Нет уж, если ты комиссар, все отодвинь. Ведь не насильно тебя поставили, а избрали. Знал, что это за работа! Не можешь — не берись. А взялся — забудь о себе, такое это дело.

...Рано утром она уезжала. О делах мы уже не говорили. Хватило и предыдущего дня. Остался ее царяющий вопрос: «Да можно ли вообще кому-то верить? Все говорят и говорят... Почему же дело-то не сдвинешь?»

И последняя фраза: «Приедете к нам?»

И вот он, Киров.

С легким сердцем раскладывала в гостиничном номере книги, блокноты. Свобода! Профессиональный закон: в первый день — никаких плановых встреч. И вдруг зазвонил телефон — Рая.

— Как же ты меня нашла?

— Из обкома комсомола Бессоновой на завод позвонили — вы же им сказали, что интересуетесь

«Ловушка», — подумала Райка. А уже не убежишь. Да и что бежать-то, ведь и так уж поймана.

— А вот и я, — выглянув из комнаты, сказала Таня. — Давай обедать...

Вот так и возник в ее жизни первый заслон от темного мира, с которым она считала себя уже связанной накрепко.

Была, правда, и собственная попытка вырваться, да вышла, однако, глупость, за которую ей и предстояло теперь отвечать...

...Через несколько лет она напишет: «В эти дни читаю Сухомлинского и Корчака. Почему лет десять назад эти книги не попались мне?! Почему никто не посоветовал мне их прочитать? Это ерунда, что возраст — преграда для понимания педагогики. У Сухомлинского я читала о себе. Если бы я знала, что хоть один человек мог меня тогдашнюю понять, сколько бы не было плохо!»

Уже попав на завод, куда устроила ее Танина мама, и лучше узнав Таню, насколько позволяла ей тогдашняя ее настороженность понимать людей, она спросила Таню:

— А ты не испугалась тогда — ну, с сумочкой?

— От испуга и позвала тебя к себе. Сразу поняла, что не шутишь.

— Но могла же чужой адрес назвать. Свой-то зачем?

— Вот чудачка! Я за тебя тоже испугалась — такая молоденькая, и вон чего... Что же я за педагог, если о своей сумочке больше, чем о тебе, думать буду...

Таня, оказывается, заочно училась в пединституте.

На заводе Райка только и успела, что чуть-чуть вокруг себя взгляд кинуть, лица некоторые запомнить. Она жила как во сне и делала все как во сне — вяло, не вникая в суть, потому что эти дни и жизнью-то не считала: впереди был суд, до суда ее и отпустили. Верилось и не верилось, представить было трудно, что же впереди.

«Мне уже было на все наплевать, никто не существовал для меня».

Когда это началось? Уже и не скажешь. Если и было что хорошее, все из памяти вымели годы отрочества. Ссоры, ссоры, ссоры — это дома, и ни слова по-хорошему, никогда рука матери не легла на безрассудную ее голову, чтоб утешить, приласкать. А как любила и умела мать ехидно высмеять все, что в ней, Райке, еще оставалось хорошего — во всяком случае, так ей казалось. Только много лет спустя Райка поймет, что мать, молоденькой девчонкой пережившая ленинградскую блокаду, всех оставившая на Пискаревском кладбище и уже после войны приехавшая в Киров, — мать без опоры и защиты плыла в послевоенном потоке бедности, скорби, усталости. Отца Райка не знала. Может быть, и это стояло между ними. Каково живет матери — думать об этом она тогда не умела. Да, наверное, все равно ничего бы не изменилось — отношения в семье раз навсегда определила мать. А может, Райка просто не привыкла слушаться материнского слова, долго в детстве жила?

А школа? Чего можно было ждать от школы, если она приходила туда уже с чертями в глазах, и черти недвусмысленно предупреждали каждого: «Только тронь!»

«Трудная!» — с этим клеймом она привыкла жить. Трудная так трудная. Значит, так уж предписано судьбой.

И все же она иногда удивляла. В шестом классе еле на тройки тянула, особенно по математике. А в седьмом — нате вам: именно по математике — 5! А объяснение было простое: после сухого, неинтересного человека в седьмой класс пришла новая учительница — молодая, веселая, умная. Всем классом в факультатив к ней пошли.

«В восьмом классе она ушла. Это единственная учительница, с которой было интересно мне. Теперь я понимаю, что в подростковом возрасте авторитет старшего иногда важнее, чем свой. Особенно если еще не понимаешь, что учеба нужна тебе, а не учителю. Так что мои оценки — это мое отношение к учителям».

равно, били стекла, давая понять: просто так от них не вырваться.

Вот тогда Райка и приняла решение, перевернувшее, по сути, всю ее жизнь.

Она любила проводить время в тире. Пристрелилась стрелять. И тут ее осенило: ведь в тире ружья! Решила ночью одну взять: тогда попробуйте ко мне сунуться!.. Она не знала, что ружья на ночь оставляют на цепях. Открыла ключом от своего сарая дверь и заплакала от досады: с цепями ей не справиться...

В углу увидела приемник, забрала его. Он был не нужен ей, но ведь должно же было чем-то разрешиться это ее ночное вторжение.

Приемник она поставила в сарай.

Она, конечно, не думала, что так ее будет мутить от этого «приключения». Доигралась! Сорвала злость! А что дальше делать? Как жить? Хоть волком вой — куда пойти за спасением?

На третий день Райка открылась матери.

Чего ждала Райка? Откуда она знала... Она так устала от своей неприкаянности, что просто захотелось прислониться к матери. Пойдут, думала, вместе, отдадут этот дурацкий приемник, попросит Райка прощения. Они же взрослые, поймут, придумают что-нибудь... Хотела, чтоб мать разделила с ней этот страшный час пробуждения, помогла с ним справиться. А мать просто вызвала милицию.

И даже это, может быть, Райка поняла бы когда-нибудь и спасибо сказала — если б видела, что у матери сердце от боли рвется, и, бессильная сама, та в отчаянии бросилась к карающей руке правосудия, чтобы спасти дочь на краю пропасти. Этого не было.

Студентка Таня — одна она, пожалуй, осталась самым живым и тревожащим воспоминанием страшных предсудных дней, которые Райка переносила как сознательный больной, знающий, что операция неизбежна.

Из воспитательно-трудовой колонии она вернулась через два года.

Дружки ее ждали: ну как же, девочка с опытом! Закалилась, с чужими университетами познакомилась, теперь ей цены нет. Не учли дружки одного: была уже в Райкиной жизни студентка Таня. Ах, Таня, храбрый зайчик, ведь могла тогда Райка сильно обидеть, да вот судьба какая-то руку остановила. Не судьба, а Танина простая душа... Теперь уже Райку нелегко было загнать в угол.

Т С Я

Ж И З Н Ъ

ХАРАКТЕРА И О РОЛИ, КОТОРУЮ СЫГРАЛ В ЭТОМ КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Последнюю оценку всем учителям она поставила в восьмом классе: бросила школу.

Она была девочка крепкая, рослая, и ей удалось устроиться на маленькую фабрику. Но и там услышала: «Трудная!» Нет, не вырваться, видно, из очерченного круга. Не щадили люди. И обязательно каждый позорит, нет чтоб с глазу на глаз поговорить. Все время как на суде. Ее хватило на год. Через год ушла с фабрики.

После очередной дикой ссоры дома она рванулась ночью на улицу. Бежать, бежать, только бы мать не догнала, не вернула. Ей хотелось одного: пусть ее обидят, пусть случится что-то страшное, лишь бы как-то взорвать это спокойствие, безразличное течение пустых, одинаковых дней.

Но никто не обидел ее в ту ночь. Ничего не случилось. А дома получила причитающееся ей...

Но теперь ее уже было не остановить. Это стало вроде игры — она так и росла в своих глазах: смелая, сильная. Теперь ждала ночи с удовольствием, уходила с вечера, чтобы мать не задержала.

Потом появилась компания. «Один раз на вокзале у девчонки, ровесницы, сняли шарф. Нет, мы его не унесли. Просто другая девчонка из нашей компании реала его на мелкие куски на глазах у этой девчонки. А та плакала и говорила: «У меня же больше нечего надеть, я из интерната». Тогда я возненавидела свою «подругу» по компании, сама ведь до десяти лет по детдомам да интернатам жила. Решила уйти от них, но куда? К кому? С кем?»

После этой истории Райка стала уходить из дома, чтобы ее не нашли приятели. Но они приходили все

На третий день после возвращения Райка поехала в центр города. Это был первый выход в люди, в жизнь. Выход к самой себе.

Первое, что она сделала, — пошла в музей изобразительных искусств.

Зал старых европейских мастеров смотрел на нее глазами загадочных, не поддающихся времени портретов. Вот он, суд, в этих глазах, которым ничем вечность, потому что люди, писавшие их, вложили в них свою жизнь, переплавили, перелили себя. А во что переплавилась твоя собственная девятнадцатилетняя жизнь?.. В девятнадцать — все с нуля. Ни друзей, ни дома настоящего, ни дела.

Что искала она в этих глазах тогда? Чего ждала от них? Подсказки? Успокоения? Она смотрела в них смятенно, пытаясь разобраться в себе. И потеряла сознание... Упала посреди безмолвного, безлюдного зала.

Через два дня, набрав сил, она стала стучаться в отдел кадров. Нет, не спешили они протянуть ей руку. Кому охота брать такую обузу: все зыбко, ненадежно, ни навыков, ни умения, сама, небось, не знает, чего хочет. И тогда она пошла к своей Тане. А с ней — в комитет комсомола электромашинно-строительного завода имени Лепсе. К Люде Бессоновой.

Вот с этой минуты начался новый день Райки — день вчерашний. День, который растянулся на несколько лет.

День вчерашний

...Почему Райка, в жизни которой мелькнуло немало людей самоотверженных, которым она, оцетинившаяся и недобрая, цены тогда не знала и знать еще не могла, приклеилась, примагнитилась к Бессоновой, секретарю заводского комитета комсомола? И не только к ней — Бессонова стала символом целого мира, открывшегося Райке.

Вот как объясняет это сама Людмила: — В ноябре семьдесят пятого года, в один из будничных рабочих дней, когда одно дело надвигается на другое и никак не решить, какое нужно сделать первым, ко мне в комитет зашла наша активистка Таня Огородникова. Попросила принять на работу девочку, которая раньше работала на заводе, в литейном цехе. Очень удивилась я, что в литейный — и не берут. Цех один из трудных, там люди всегда нужны. «Почему?» — спрашиваю.

Таня долго и сбивчиво рассказывала об этой девочке, но я так ничего и не поняла, кроме того, что девочка вернулась из колонии.

Первое решение было — отказать. На заводе в то время было и без того много нарушителей производственной дисциплины и общественного порядка. На каждой оперативке у директора поднимались эти вопросы. Очень волновали выпускники ГПТУ... А тут я еще одну «подарю» заводу...

И все же я попросила Таню завтра прислать ко мне в комитет девочку: надо же поговорить с ней.

Сели мы у меня в кабинете друг против друга. Мне прямо не по себе стало: злой взгляд из-под шапки словно предостерегал от лишних слов, вроде девочка сказать хотела: «Что ты мне нового скажешь? И так все наперед знаю». Я попросила рассказать о себе. В ответ злая усмешка. Спрашиваю: «Чего хочешь?» «Хочу работать, а мне не дают».

Разговор не клеился. Поинтересовалась анкетными данными, сказала, что должна поговорить в отделе кадров, и попросила зайти завтра. Она так же усмехнулась, а уходя, еще и дверью хлопнула.

На следующий день пошла я к заместителю директора завода по кадрам обсудить вопросы шефской помощи ГПТУ и школам микрорайона. Тут-то и попросила взять Раю на работу. Заместитель директора удивился: «Люда, у тебя столько нарушителей среди молодежи, неужели тебе еще один понадобился?» Я: «Где много, там один погоды не делает».

Позвонил заместитель директора начальнику цеха, где начинала два года назад работать Райка, тот наотрез отказался. Вслед за ним отказал и замдиректора.

В тот же день в кабинете директора завода разгорелся настоящий бой. Ругали директора базового ГПТУ за то, что он главный поставщик «трудных». А он говорит: «Это школа сбрасывает нам тех, кто учиться не может!» Директор завода: «А ты не принимай таких!» Тут уж я пошла в атаку: «А куда «таким» деваться?» — и выложила Райкину историю. «А теперь скажите, куда идти человеку? Люди заводу нужны, это всем известно. А стоит ей документы показать — от ворот поворот. Такие не нужны! А какие нужны? Идеальные, сверхспособные? А ей куда? Опять к старым друзьям?»

Директор попытался смягчить обстановку:

— Что, очень хочется девочке помочь?

— Да не знаю я эту девочку! Но вы мне, пожалуйста, ответьте: куда ей сейчас идти?

Замолчали все. Директор говорит: «Возьми ее на штамповку».

Так и решили. Честно сказать, сомневалась я, что Рая придет. Но на душе стало спокойней — все-таки хоть что-то могла предложить.

А Рая пришла. Молча выслушала. Встала и так же молча ушла. Да, что и говорить, характер не мед и даже не сахар...

Вызвала я секретаря комсомольского бюро штамповочного цеха Олега Вылегжанина. Отличный парень — заядлый турист, умеет организовать вокруг себя людей. Рассказала ему о девочке, попросила быть к ней особенно внимательным.

Недели через две спрашиваю Олега: пришла ли Райка?

— Пришла. Несколько дней отработала, а сейчас по справке дома...

— В чем дело?

— Подралась с кем-то.

...Никак не везло нам с Раей! Как-то около одиннадцати ночи — звонок. Открываю — Рая. А у меня день рождения, друзья еще не разошлись. Рая хотела уйти, но я ее не отпустила. Так она оказалась в кругу моих друзей — в нашем комсомольском кругу.

На следующий день снова пришла, и наконец-то мы были вдвоем. О себе Райка рассказывала скупо, односложно, трудно было из рассказа понять, какая она сама, Райка, но вот какая у нее была нескладная жизнь, это было ясно, и как ей эта жизнь переметила душу, тоже было очевидно. Несет ее поток, и хочется ей из него выбраться, а вот за что ухватиться — не поймет никак.

Тяжело стало Рае на штамповке — помогла перевести ее в кладовицы. Потом попросила замдиректора дать ей место в общежитии. Очень я боялась, как она там уживется с девочками, как будет себя вести...

Рая: В общежитии соседями у меня были девочки из комитета. Они здорово помогли. Деньгами я совсем не умела распоряжаться, на еду не хватало иногда. Выручали. Училась у них многому. Сразу в школу рабочей молодежи пошла. Правда, полгода в цехе никого не знала. Боялась людей. Потом легче стало. Просто интересные люди окружали меня, а именно этого мне всегда и не хватало.

Бессонова: Все чаще стала Рая заходить в заводской комитет комсомола к Ире Хлебниковой, которая жила вместе с ней в общежитии. Иногда нам казалось: Рая нарочно хочет нас «подзавести», вызвать на спор. Ну, например, вопросы: «Зачем нужен комсомол и какой от него толк?» Разговоры были долгие, горячие, Райка не боялась обидеть нас насмешкой, резким словом (а ведь сама-то она так помнила свои обиды!), думалось даже, что она это делает с каким-то мстительным удовольствием, с наслаждением наблюдая, как мы выходим из себя.

И вдруг: «А что будет, если и я подам заявление в комсомол?»

Я, стараясь не выражать никаких чувств, объясняю: «Это должна решить твоя цеховая организация». Очень я рассчитывала на умницу Олега Вылегжанина: понимает он людей, умеет ладить с ними. Райку он

сразу же привлек к туризму, поскольку сам заядлым путешественник.

Перед приглашением Раю на бюро поговорила со всеми ребятами: мы все должны понимать особую ответственность за ее судьбу, сложную, путаную, но жаждущую ясности, смысла.

Вопросы Рае задавали обычные, «под кожу» не лезли. Легче было объяснить, не за что мы ее принимаем, а ради чего. Проголосовали единогласно.

Ну, и взяла Райка за дело! Все ей было в охоту, да еще и мало. Решила поступать в художественное училище — рисует здорово с детства. Поехала без подготовки — и недобрала балла... Вернулась удрученная, конечно, но перенесла неудачу стойко: работа с людьми все больше становилась для нее главной целью в жизни.

Через полгода комсомольцы цеха избрали Раю в бюро. Поручили ей шефский сектор. Засучила Райка рукава — все бы перевернула разом. Начала готовить большой вечер в ГПТУ — в том самом, к которому у завода столько претензий. А вечер сорвался. Райке казалось, что именно она, как организатор, слаба оказалась; кроме нее, никому ничего, мол, не нужно, — это вообще для нее самое страшное, прямо пунктик.

Тяжело далась ей первая неудача, ох, тяжело! Ведь она шла в комсомол, как в союз одержимых. И никак не могла понять, что и в комсомоле за каждую свою идею надо побороться, убедить людей, зажечь их, уметь организовать дело. И сорвалась наша Райка. Тут еще в цехе у нее не все ладно пошло, стал на нее мастер жаловаться: не здороваешь Райка. А она объясняет: здороваться можно лишь с тем, кого уважаешь. Вот сменный мастер ей нравился. Она и стала выходить в ту смену, которая ей удобна. А то и вообще после обеда уходила с работы.

Что делать? Новый секретарь цеховой комсомольской организации пришел ко мне посоветоваться. «А что бы ты делал в другом случае? Обсуждайте на собрании как прогульщицу и выводите из бюро. Дисциплина для всех одинакова».

На бюро ребята ей, конечно, здорово поддали. Но, похоже, мало в чем убедили, потому что они не были для нее авторитетом, как она сказала.

После вывода из бюро Раю подала заявление об увольнении с завода.

День вчерашний

Рая: Та осень была для меня нелегкая. Я ведь уже привыкла быть с людьми. А тут видеть не могу никого. Отгородилась. Душой — с заводской «комсой», а выйти к людям не могу.

Вывод из бюро — это еще не самое страшное. Ребята из заводского комитета комсомола отвернулись — вот беда, даже Бессонова моя растерялась. Бюро было 4 октября, а 5-го я уехала в Рязань. Встретилась с очень хорошим человеком, бывшим работником воспитательно-трудовой колонии Еленой Петровной Фастович. Если в моей жизни и были хорошие друзья, то эта женщина — одна из первых.

...Домой приехала, мозги на свое место встали. Вот тут и начали меня «бить». Оформляю документы на рабфак, а Бессонова: «Не такие у нас ребята в комитете сидят, чтобы после всего, что ты наделала, давать тебе характеристику. Ты сама все хорошо перечеркнула. Не имеешь сейчас права идти в институт». В общем, за этот месяц многое перевернулось во мне. Решила готовиться в институт самостоятельно и работать...

Бессонова: После двухнедельного срыва нашлось для Райки новое дело, и опять все встало на место.

А душа и ум ее все время требовали от нас ответа — по полной правде. Бесконечные споры и разговоры о смысле жизни. Вот здесь плохо и здесь плохо, а куда же смотрят комсомольцы? Почему они не помогают исправлять ошибки? Вечные эти «почему», с которыми она может прийти и ночью и на которые нужно отвечать на пределе серьезности, привлекая все свои знания — и жизненные и книжные...

Через меня, через Иру Хлебникову, которая стала работать в райкоме комсомола, Райка стала входить во все двери, и они перед ней безотказно открывались. Райка стала будить некоторых заснувших за своими столами комсомольских работников. Сначала они смотрели на нее удивленно, потом старались помочь...

Но чуть что не так — хмурость ли на Райку найдет, погорячится ли где не в меру, дело ли сорвется, в себе ли засомневается, — тут уж, Бессонова, будь начеку. Если не сама Рая объявится, так со стороны тут же сообщат. Поверите, нет дня, чтоб о Райке не подумала: как у нее сегодня жизнь идет? Ну, а как только открывается дверь и за ней стоит Райка, значит, опять будет спор, опять нужно искать ответа. Десять раз объясняла, что не все могут быть Островскими, героями, но Раю это не устраивает. Каждый раз, когда она приходит, поражаюсь ее энергии и

настойчивости в достижении цели. Неужели эта красивая, подтянутая, современная девушка — та Райка, которая пришла к нам семь лет назад?

Рая: Две необыкновенные удаchy выпали мне в жизни — завод (наша «комса») и клуб самодеятельной песни (наш Маэстро, который знал обо мне все, но никогда не дал мне этого понять, только раз сказал: «Знаешь, разное о тебе говорят. Расскажи-ка, душа, все сама, люблю все ясное и открытое...»).

Живу с каким-то ощущением, что мне привалило, наверное, пока еще не заслуженное счастье. Это счастье — встречать хороших людей. За что мне такое? Ведь я сама хорошего еще так мало сделала.

А как мне помогает жить понимание друзей... Вот я пришла к Маэстро, рассказала о том, что пока сорвалось с институтом, что душа моя с детьми. Знаете, что он сказал? «Для механической работы есть руки, а вот для работы с людьми нужна душа. У тебя она есть, ты знаешь, от чего убережь человека». Выбор мой одобряет. Клуб наш сейчас забросила, а он так много мне дал! Занимаюсь много, изучаю английский, историю. Художественную литературу читаю только по ночам, а в выходные — лес и читальный зал.

Между девочкой, выходившей в ночь «на дело», и этой — всего десять лет, наполненных заводской жизнью, комсомольскими заботами, волшебством музыки, радостью общения с талантливыми, самозабвенно увлеченными людьми.

И вдруг эту гармонию, упоенность полнотой жизни стала разъедать какая-то тревога. Рая сначала не поняла, в чем дело. Так же чуть не каждый вечер они собирались вокруг своего песенного кумира и так же самозабвенно разучивали новые песни. В один из таких вечеров она сказала своему руководителю:

— А знаешь, почему бы нам с нашими песнями не пойти к ребятам? Ну, ты понимаешь, о каких я говорю. К трудным. В детдома, интернаты. Петь для них. Ведь наша песня столько говорит уму и сердцу. Лучше всякого поучения.

— Да зачем это? Мы не воспитатели. Там есть кому с ними заниматься. Что мы можем изменить в их жизни? Мы не педагоги...

Действительно, он не был педагогом. Он работал слесарем на заводе, растил троих детей, гордился своей женой, портрет которой красовался на городской Доске почета. Счастливые часы их жизни прошли в походах и песнях, которые с ними разделяли уже и дочка. А петь он стал, потому что вырос под песни. Пели его мать и ее деревенские подруги. Мать «запевала» свое горе: на фронте погиб ее муж и пятеро братьев, а женщины пели, чтоб слезами не захлебываться. Так же просто, «для себя», пел он, ни о какой педагогике не думая.

А Райка настаивала:

— Еще как можем изменить их жизни! Разве мало песни изменили в моей?

— Ну о чем ты говоришь... Ты просто талантливый человек. Музыкальный. Для нас песня — отдушина. Мы поем для себя, понимаешь? Как только начнем петь для других, все уйдет! Доверительность, простота. Придут пафос, агитация. Нет, это совсем другое.

— Но мы начинаем задыхаться, как ты не понимаешь! «Для себя» и «для себя». Мы уже переросли это. Мы уже можем другим принести радость, поделиться... Вот мы придем к ним и будем петь как бы для себя, а они будут сидеть вокруг нас. Как вокруг костра... Ну что ты, действительно не понимаешь?

— Не понимаю! Человек должен развиваться без вмешательства, сам тянуть себя за уши. Если упадет, крепче будет, когда встанет.

— А встанет ли? И будет ли у него уважение к другому и желание помочь слабому, раз ему не помогли? А мы-то сами, выходит, просто мешаем — над нами не каплет, нам хорошо, чего еще?!

Это был новый этап ее жизни: сотворив себя, она хотела теперь войти творцом в жизни других, как в ее собственную когда-то вошли Таня, Бессонова, а потом Маэстро.

«Крепко я залпнула. Но, кажется, впервые поняла, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. И еще. Если человек понял, где его место в жизни, то искать лазейки, отдалать решительный шаг, который все равно придется сделать, — глупо и непростительно. А я все последние месяцы тем и занималась. Теперь точно решила: надо уходить с завода на подготовительное отделение исторического факультета пединститута. Завод много дал, но мне нужно учиться».

О нашем клубе. Мы ищем контакты с клубом туристов. Но это все же не то. Чувствую, мы должны нести свою песню ребятам — тем, кому она откроет новый мир. Мне уйти от наших нельзя, они ведь тоже ищут правильный путь, и именно сейчас уйти — это предать все, о чем сама думаю».

Ища наставников, она и не заметила, как сама дозрела до права наставлять других, потому что все больше ее заботила всеобщая ответственность перед юными: «Расхождение с Маэстро меня сначала крепко свалило. Но сейчас я начинаю глубже его понимать. Если бы я его потеряла, мне было бы трудно с другими. Люди перестали бы быть интересными, нужными. А тогда ушел бы и главный смысл жизни — узнавать людей и помогать им».

Я имела возможность видеть, с чего начиналось падение, преступление, и чем кончилось. Первые ростки плохого

человек сам в себе заметит, важно другое — оправдает он себя, свою слабость или будет бороться? Если оправда-ет — этим надолго и, может быть, на всю жизнь, покалечит свою судьбу. И всю жизнь будет обвинять всех, только не себя».

День сегодняшний

— Рая, ну что же ты отпуск-то не догуля-ла? — спрашиваю я, когда она заходит за мной в гостиницу.

— А... — машет рукой. Выглядит Рая отлично: све-жее; загорелое лицо, светлые, коротко стриженные волосы упругой челкой прикрывают лоб. — Ну, чего тут объяснять? Знаете, в этот раз даже Ленинграду не могла так радоваться, как всегда... Лето уходит, а все наши планы с переоборудованием подвала на нуле. Мальчишки поверили нам. Представляете, что это такое — обмануть их веру в наше слово. В общем, не гуляется, все мысли в этом подвале.

— Рая, да ведь я не представляю, о чем идет речь. Давай сначала твой подвал посмотрим, а потом уже подумаем, что делать.

...Почему я представляла их тринадцатилетними пацанами?

Это были ребята с широченными плечами, мощны-ми бицепсами и заметно выделяющимися буграми шейных мышц, бледные, мокрые от пота.

Просторный подвал, в который мы спустились по крутой лесенке-трапчику, находился в доме, принадле-жащем Райному заводу. Правда, последние не-сколько месяцев Рая работала уже не на заводе, а в Доме культуры, в секторе политмассовой работы, куда она с радостью перешла, хоть и потеряла чуть не половину в зарплате. Но это дела не меняло: она все равно была со своей заводской «комсой», и душа ее по-прежнему была объята тревогой за мальчишек. Только теперь у нее появилось больше и причин и прав заниматься ребятами: раз уж у нее политмассовый сектор, так какой же «массой», если не этой вот, неприкажной, ей в первую очередь и заниматься?

А тревога была истинная. Рая сидела напряженная, взгляд колючий, сверлила меня взглядом — я почти сразу поняла, чего она хочет. Чтоб кто-то еще так же, как она, кожей почувствовал опасность.

Опасность была явная.

Не в том только, что эти крутоплечие мальчишки занимались силовым спортом в плохо приспособлен-ном помещении — без вентиляции и пожарного выхо-да. Они уже многое сделали здесь сами: половину помещения, разделенного на несколько отсеков, за-стелили полом. Были в подвале шведская стенка, боксерские «груши». Стояли станки для накачивания мышц (забыла сказать: то, чем они занимаются, называется культуризмом).

В Райном подшефном подвале мы застали троих мальчишек. Они охотно дали пояснения: здесь зани-маются 70 человек, кому когда удобно. Приходят и тренируются. Есть три лидера. Правда, один женился и отошел; второй в армию собирается, ему 19 лет. Третий — основной лидер.

— Андрюша, — спросила я шестнадцатилетнего, серьезного, совершенно взмокшего собеседника, — а под чьим наблюдением вы занимаетесь?

— ?

— Ну, тренер, врач есть у вас?

— Я же сказал: у нас есть лидер.

— Но ведь существуют спортивные нормативы. Вы же можете просто сорвать здоровье! А бывают у вас соревнования?

— Нет! Мы занимаемся для себя.

— Ну, а если для себя — зачем, например, такие бицепсы? Это как-то связано с твоей будущей про-фессией, жизненными интересами? Ты учишься?

— Да, в техникуме легкой промышленности, буду закройщиком.

— Зачем же тебе такая гипертрофия мышц?

— Просто для себя.

Другой мальчик учился в восьмом классе и еще не знал, кем он будет. Третий учился на механика. Лидер подвала работал слесарем в жэке.

Потом, в следующие дни, я задавала этот вопрос в других подвалах: зачем вы занимаетесь культури-змом? Все ребята произносили одну и ту же фразу: «Мы занимаемся для себя». И только один, собира-ющийся в армию лидер, ответил, не вставая, продол-жая «качаться» на станке: «Хочу быть сильным».

И вот, отстранив от себя на время Раю, я неделю кружила по городу: подвалы, комитет ВЛКСМ завода, райком комсомола, опять комитет, агитплощадка, библиотеки, музеи, опять райком.

Эта мозаика пестрых впечатлений уже обнаружива-ла свой внутренний смысл и характер. Узнаю: в прекрасном новом Дворце культуры (стекло, дерево, модная мебель) зимой на танцах культуристы отламы-вали ножки от столов и стульев... Там же возникла драка: группа девочек («элита» танцевальных вече-ров) избивала новенькую, которая наивно затесалась в их круг.

...В один из вечеров — темный, сырой, душный после дождя — отправляюсь в популярное в городе место отдыха — парк имени Степана Халтурина. Рая без долгих расспросов присоединяется ко мне. «Мало ли что...» — говорит она.

После восьми вечера вся парковая работа законче-на: закрыты аттракционы, малолюдно в аллеях — царит танцплощадка. Гремит и грохочет цветомузыка, за деревянным барьером, отгораживающим музыкан-тов от танцующих, несколькими кругами, вплотную подходящими друг к другу, топчутся ребята и девуш-ки. Ребята — отдельно, девушки — отдельно.

Танцы кончились какой-то тревожной нотой. Мы уже собирались с Раей уходить, шли по аллее к главным воротам; вдруг раздался пронзительный свист, Рая сказала: «Подождите» — и плбжала обрат-но к площадке. Она и в течение вечера несколько раз неожиданно убегала от меня — «поговорить». Здесь было много ребят из ее «подшефного» подвала, культуристов, и несколько раз возникали понятные ей признаки назревающей драки. Рая самозабвенно бросалась «оттаскивать» своих, если что... На этот раз все обошлось.

Но слово «тревога» так и рвется из-под пера чуть не через строчку.

Разве это отдых? — думалось мне. Да будь он неладен, такой отдых, где каждый нерв, как струна, звенит.

И от чего отдых-то? От чего они все отдыхают, эти мальчишки и девочки? Уж не оттого ли они ищут сейчас этих искусственных нагрузок (штанга — просто так, «для себя») и искусственных напряжений (поживи-ка в этом зудящем ожидании драки!), что не хватает им настоящих, неподдельных нагрузок и напряжений?

Разговаривая со многими и разными мальчишками, которых объединяла принадлежность к культуризму, функционирующему в подвалах (и только в них), я так и не могла пробиться к их представлениям о жизни, идеалам, планам — дальше односложных ответов они не шли. Правда, один раз в разговоре с подвальным лидером щелочка в мир их ценностей все же приот-крылась. С тремя ребятами из райкома комсомола мы спустились в один из наиболее благоустроенных подвалов и, застав «накачивающего» силу лидера, спросили его:

— А если б вам предложили объединиться с юношеским спортивным клубом, вы приняли бы такое предложение?

— Отчего бы и нет... Приходит, например, какой-нибудь хилляк, мы бы его сначала туда, ведь не все же сразу могут штангу качать. — Он выразительно по-смотрел на моих спутников. Слова его били прямой наводкой: один из них был худой и длинный, другой худой и невысокий, третий с нездоровой полнотой. Они могли быть шахматными королями, поэтами или песенными кумирами — это не имело значе-ния — здесь, в подвале, котировалась только сила.

Куда же ее понесут эти ребята? Я уже не могла смотреть на них иными глазами, чем смотрела Рая. Мир прекрасен и неохватен — вот что хотела она им внушить. И как сделать, чтобы раздвинуть те глухие стены, которыми ребята из подвалов себя огороди-ли, — вот что жгло ее сердце.

Она видела один выход: к ним должен прийти комсомол. Вот в этот подвал. Как ходит она. Но что она одна может? Она с ними разговаривает, спорит. А надо делать. Надо оборудовать этот подвал, превра-тить его в клуб. Да, да, в молодежный клуб (ведь Дом культуры завода закрыт из-за аварийного состояния). Чтобы сюда пришла и песня ее любимого Маястро (он, рабочий завода, занимается со студентами, но разве не важнее сейчас прийти спорт к этим?), и поэзия, и живопись, и настоящий спорт...

Да, не зря рвется Райкина сердце! Знает она, что значит и путь в никуда и путь к собственному самораскрытию, к богатству жизни.

И потому так хочет достучаться до тех, кто может и должен объединить усилия многих, — до комсомоль-ских вожakov завода, района, города.

...В назначенный час Рая привела меня к Бессоно-вой. Еще на лестнице мы услышали смех, дверь была распахнута, так что и звонить не пришлось.

— Входите, входите, а на них не обращайтесь внима-ния, их не звали, пришли сами, — смеясь, сказала невысокая, худощавая, стройная женщина с умными глазами. И усталые, все понимающие глаза, и веселый смех, и неожиданная строгость голоса, и прямота слов — все это было так знакомо! Жарилась картош-ка, кипел чайник, а мы слегка задирали друг друга «разведывающими» репликами, чтобы поскорей по-нять, кто есть кто. «Нечаянно» собрались здесь четыре секретаря комитета комсомола завода раз-ных лет, и среди них самый молодой, сегодняш-ний — Сережа Шмидт. У бывших были свои проблемы, они забежали к Людмиле посоветоваться о делах, а Сережу Шмидта Бессонова позвала, понимая, что будут к нему вопросы.

Слово за слово мы, конечно, добрались и до подвала. Сережа во всех подробностях рассказал, что уже сделали комсомольцы завода и что собира-ются сделать, и мы уже договорились о завтрашней

совместной поездке ко всем причастным к этому делу лицам, и уже пришла та прекрасная минута, без которой я бы просто не узнала своего родного комсомола — Сереже Шмидту передали гитару... И вдруг Рая, молчавшая весь вечер и только сверлила взглядом, как меня в подвале, спросила негромко, но так, что все замерли:

— А почему ты, Шмидт, тогда к мальчишкам на собрание не пришел? Они ведь тебя ждали.

Я боялась, что сейчас ее одернут. Те минуты, когда этот вопрос был бы к месту, уже миновали. Другая была сейчас минута. И она ее испортила. Так мне казалось.

Но Сережа, высокий парень с лицом интелли-гентным и застенчивым, только голову опустил.

— Виноват, Рая. Замотался. Уезжали мы в тот день — и не успел.

— Вот видишь, — непрячающе сказала Рая.

Были потом и песни, принесенные ребятами от летних костров, и полуночное сидение у телевизора: узнав о космическом полете Светланы Савицкой в составе мужского экипажа, уже не могли разойтись, не дождавшись подробного сообщения... Но самым поразительным впечатлением этого вечера была Рая. Ее уверенность в своем праве спрашивать и требо-вать. Ее равенство со всеми остальными: ведь окру-жали ее люди много старше и опытней. Сколько же вложено в эту судьбу Людмилы Бессоновой, чтобы пришло к Рае осознание права на равенство перед лицом дела, а к другим — признание этого права!

Я спросила Бессонову: откуда в ней это материн-ское терпение, и понимание, и эта способность к отчаянной тревоге за человека, которая заставляет ее, забыв об усталости, стучаться в любую дверь, спорить и настаивать, убеждать и требовать? Она, человек несентиментальный, прямой, резковатый, ответила сдержанно, но очень определенно. Думаю, монолог ее важен не только для понимания таких людей, как Бессонова, а и для понимания многих ценностей, которые мы иногда не бережем:

«... всю жизнь в нашем доме были люди, которые шли к отцу, директору завода, коммунисту, за помощью в том или ином вопросе и к матери — по житейским делам. Все усажи-вались за стол, первый вопрос, как только открывалась дверь, — не голоден ли человек, а там уж все остальное. Дом служил «гостиницей», где находили приют все, кому это было нужно».

С первого класса у нас почти постоянно жила девочка, у которой была родная мать и неродной отец. Они ее обижали, а приласкать было никому. Вот она и жила у нас.

Наша бабушка была в деревне самым нужным человеком, к ней тоже шли с любой заботой. Видя все это, разве можно самому потом жить по-другому?

Комсомольская работа была мечтой моей жизни. Мне казалось, что в комсомоле работают люди необыкновенные. Всегда с интересом и уважением смотрела на пионерских и комсомольских вожakov, но никогда не думала, что самой выпадет такая участь. Когда избирали, очень боялась. Но училась всегда у ребят, они шли ко мне, я — к ним. И вместе мы делали дело. Работала легко, даже не думала, что так получится. Хотя характер ужасный...

И вот теперь другие ребята в комитете, а я все равно вроде нештатного секретаря у них, никуда не могу от комсомола уйти — все в нем волнует, тревожит, потому и в доме моем часто все комсомольские поколения собираются».

Давно знаю: существует цепная реакция добра, правды, справедливости.

Добро и справедливость заразительны. Как зарази-тельны здоровье, оптимизм, духовная бодрость. Нравственное здоровье, идейная заряженность соз-дают вокруг человека силовое поле. Благо — попасть в это поле вовремя.

Вот и зазвенел колокольчик — Райн голос, заря-женный бессоновским полем, энергией и силой.

...Вот из райкома комсомола месяца через два после моей поездки и наших с Раей хождений по подвалам и разговоров пришло официальное пригла-шение на пленум «по вопросу организации досуга молодежи по месту жительства» (а до него райком провел глубокое исследование жизни подростков).

...Вот Сережа Шмидт звонит и с застенчивой радостью сообщает: дело с подвалом сдвинулось, будем создавать клуб...

Вот и возникла цепная связь — служба добра: от Бессоновой — к Рае, от Раи — к другим...

Вот она — дорога надежды.

На этом и кончается мой рассказ о Рае. Кончается, к сожалению, немного на грустной ноте: недавно она приехала ко мне в отчаянии: сокращают ее долж-ность. А она не может без этого Дома культу-ры — именно этого! — потому что здесь все родное: Бессонова, завод, ребята.

Я знаю: снова будет биться Бессонова. Для кого-то работа — это заработок, а для Раи работа — это судьба, вот потому и будет биться за нее Бессонова.

Но и Бессоновой не все удается. Все-таки сократи-ли должность. И Рая снова вернулась на свой завод. И вот она уже едет на конкурс политической песни и собирается летом работать вожакотой

Ну, а на нашей с вами, читатель, дороге разве не штормит? Никто ни на какой дороге не застрахован от студеного ветра. Главное, чтоб дорога под ногами была надежная.

И чтобы не один и не вслепую ты шел по ней.

ЭТОТ ДОМ

Он никогда не был тесен,
этот дом!

Василий БЕЛОВ
«ЛАД».

1
Не бывает тесен дом родной.
В детстве был он целою страной.
Сколько бы ни жило в нем народа,
он огромен, как сама Природа.
Путь твой от окошка до порога —
как же это бесконечно много!
Все пути, что сбудутся потом, —
это продолжается твой дом,
если даже после всех дорог
ты увидишь, как он невысок.

2
Ничего не осталось,
только память о том,
что когда-то случилось
в старом доме моем.
Как там жили да были,
говорили ладком,
что там пели да пили —
не опишешь пером.
Только я это помню,
только это — во мне,
и совсем не легко мне
вспоминать в тишине...
Но закон есть железный
для всего бытия:
если память исчезнет,
то исчезну и я.

По окошку дождь нещадно лупит,
словно он на целый мир сердит...
«Почему меня никто не любит?» —
у окошка девочка твердит.
Осень, что ли, сердцу нашептала,
удлинив дождями вечера,
что пришла, нахлынула, настала
в жизни неминуемая пора?
Где же знать девочке этой глупой,
что живет вон там, наискосок,
тот, кто обязательно полюбит,
царь-царевич, парень-паренек?!
Где же знать девочке глупой этой,
что слезам завидует ее
мирозданье,
нашею планетой
утвердив бессмертие свое?!

Ярый ветер шумел на яру.
Разгулялся к полудню Ярило.
Остывали слова на ветру.
Я не слышал, что ты говорила.
Снег в тени еще плотно лежал.
А на том берегу то и дело
поднимались грачи,
и дрожал
лес от их крикотни оголтелой.
И речные набухшие льды
поднимались,
ломались со скрипом,
из-под них от тяжелой воды
доносились неясные всхлипы.
Все трещало, шуршало вокруг,
клокотало, росло, бунтовало
оттого, что,

отбившись от рук,
на неделю весна запоздала.
Но под снегом ярилась трава.
Почки листья

А слова...
Были только слова,
и они ничего не решали.

И вот мы
на сороковинах!
Помянем друга, как должно.
Какие старые мужчины
со мною рядом пьют вино!
А мы солдатские пилотки
носили с ними в срок один.
И это все —

мои погодки.
И я — один
из тех мужчин!

Ну что ж,
помянем юность нашу.
Хоть жизнь не всем
дала сполна,
как говорится, тризны чашу
осушим все-таки до дна.
Пусть недолог этот час...
Мы здесь, как прежде, —
тесным кругом.
А многие в последний раз
вот здесь
увидятся друг с другом...

Надежда

Не надо, не вини
лукавый случай
и мысль похорони,
что невезучий.
Ведь если жизнь хлестнет
бедой по сердцу,
то после распахнет
к надежде дверцу.
И, памятью морщин
ту боль отметив,
ты снова не один
на белом свете.

Был набело день переписан:
сменилась гроза тишиной,
как пух, по оконным карнизам
лепился полуденный зной.
И только чуть слышно, устало
в саду, у села на краю,
колодец поскрипывал старый,
с трудом поднимая бадью.
В холодную темную воду,
пришедшую из глубины,
хотелось упасть небосводу,
да стенки у сруба тесны!

Полночь.
Царапаясь о темноту,
очередной приземляется «ТУ».
Сколько прошел
временных поясов?
Время на миг
не закрыть на засов.
Вот человек потянулся и встал:
час обогнал иль на час опоздал?
Только минуты текли и текли,
только деревья росли и росли,
камни молчали,
и птица, вздохнув,
прятала в перья
натруженный клюв,
волны морские чуть-чуть шевеля,
в космосе тихо вращалась Земля.

Чуть дрожит, затуманившись, купол
потускневших к рассвету небес.
Жить, не веря в возможность чудес,
очень просто.
Но все-таки глупо.
Говорить не устану о том,
не устану землей любоваться.
Чудесам незаметно рождаются!
Их оценивать будут потом.

Что я найду в осенней этой роще,
в давно остывшей на песке золе?..
Любить и быть любимым —
что же проще
и что сложнее права на земле?
И сколько б лет ты ни прошел уже,
ты снова — как на первом рубеже.
За Волгой город в тусклой полумгле.
Твой вижу дом, твое окно не вижу...
Любить и быть любимым —
что же ближе,
что недоступней права на земле?

Чем больше лет и зим
живем на этом свете,
тем чаще говорим
о будущем столетии.
Другим, конечно, там
работать и влюбляться,
но хочется и нам
с тем веком повстречаться!
Остаться хоть на час,
хотя б единым словом,
потомки, среди вас
в тысячелетии новом!

Люблю костер.
Люблю смотреть в огонь.
И подставлять ему
свою ладонь.
И чувствовать,
пока не рассветло,
его ночное
грустное тепло.
И вспоминать,
согретый тем теплом,
то, что не вспомнишь,
возвратившись в дом.
И блики пламени
на листьях тополей,
как будто отблески
невозвратимых дней.

С луной,
приклеенной на уголке окна,
ночь зимняя светла,
но холодна.
Как это было
все-таки давно:
ночь,
и луна,
и стылое окно!
И это мы
или совсем не мы
из той
сегодня
проступаем тьмы?

Нерасторжимость

В светлый праздник и в горе
этот миг не исчез:
три березки на взгорье
в обрамленьи небес.
Полевые тропинки
вновь приводят туда,
где пылают кувшинки
в обрамленьи пруда.
И сегодня мне снится,
от невзгод уводя,
золотая пшеница
в обрамленьи дождя.
Люди прошлые,
то есть
те, что путь свой прошли,
спят, навек успокоясь,
в обрамленьи Земли.

Какой веселый ледоход!
Забыв дела, бегу на берег,
и речку слушаю,
и верю,
что эра шлягеров пройдет,
что даже где-то среди них
уже сейчас она таится,
та песня,
что не повторится
и будет жить в сердцах людских.

Овидий ЛЮБОВИКОВ

На Шукшинских чтениях

Был день как день,
 когда на Сростках
 Сошелся клином белый свет.
 Машины шли от перекрестков
 К подножию горы Пикет.
 Потом крутою стезжкой пехом
 Взбирался каждый, как умел.
 Злой табакур надсадно охал,
 И птицею летел пострел.
 Поэты выступали смело,
 Слагали славу сей земле.
 Калины веточка краснела
 На председательском столе.
 Приветно взглядывая в лица,
 Чуть устоялась тишина,
 Каррюк сказал: «Рад поклониться
 Односельчанам Шукшина».
 Земле алтайской благодарен,
 Припал мой друг губами к ней.
 «А жест, пожалуй, театрален...» —
 Заметил кто-то из гостей.
 В сороковом году подпольщик,
 Упрятан был на долгий срок
 Он за решетку в панской Польше, —
 Юнец перехитрил острог.
 Когда мышинные мундиры
 С мечом вломились в наш Союз, —
 Стал партизанским командиром
 Непокоренный белорус.
 Из сечи в сечу честь по чести,
 Себя не милоя, шагал.
 Науку театральных жестов
 В суровой школе постигал:
 Когда под пытку картинно
 Безмолвствовал разбитый рот,
 Когда над бруствером призывно
 Всей грудью выдыхал: «Вперед!»
 Когда он был в Берлине ранен —
 Красиво, что ни говори...
 «А жест, пожалуй, театрален...»
 Да, театрален, черт дер! —
 Он, битый, стрелянный и жженный,
 Вблизи алтайского села
 Стоит коленопреклоненный,
 И голова белым-бела.

Сосед

Подойдет весна к проулку,
 Лед растопит горяча,
 Он выходит на прогулку,
 Толстой палкою стуча.
 Не с пижонской легкой тросткой,
 А с надежным посошком
 Взад-вперед до перекрестка,
 Тук да тук — и будит дом.
 Всех жильцов тревожит рано,
 Поднимает их чуть свет.
 Может, беспокоят раны —
 Память огнестрельных лет.
 Или же в рассветной дреме,
 Возле тихих тополей,
 Легче дышится и кроме —
 Вспоминается светлей.
 Оглядит из-под ладони
 Зоревую ширь и даль,
 Кошку-хищницу прогонит,
 Голубей беспечных жаль.
 И опять не ненароком,
 Озабоченно весьма,
 Тук да тук у сонных окон,
 Как история сама.

Письмо с курорта

Пью минералку,
 тропкой торной
 Потом плетусь на перевал...
 Не по путевке санаторной
 Владимир Жуков здесь бывал.
 В тот год стреляли эти горы
 И этот лес прицельно бил,
 Большой войны коварный порох
 Еще чадил,
 еще слепил.
 Последний бой осилив с ходу,
 Он пил с друзьями заодно
 Не исцеляющую воду —
 Победы терпкое вино.
 Свистали птахи над привалом.
 Дождь пыль войны
 смывал с колес.
 И было в том вине немало
 Счастливых слез,
 горячих слез...
 Живу, смущенный разноречьем,
 Из дома тщетно жду вестей.
 Здесь вся Европа нынче лечит
 Свои недуги всех мастей.
 Но самый грозный из недугов,
 Европу он терзал и жег,
 Мой побратим Владимир Жуков
 Свалил в том сорок пятом с ног.

Рябово

В селе Рябово прошло
 детство художников
 В. М. и А. М. Васнецовых

Рябиновый взрыв
 над обрывом.
 Тропа увлекает к реке.
 Батариха вяжет игриво
 Петлю
 за петлей в ивняке.
 Щуренок за вспененным бродом
 В осоке малька сторожит.
 Быть может,
 за тем поворотом
 Аленушкин камень лежит.
 Как дрогнут зеленые склоны
 И туча падет на бугор,
 Так вынесут крепкие кони
 В простор богатырский дозор.
 На травы и на мелколесье
 Малиново брызнет восход, —
 Тогда воспарит в поднебесье
 Забавный ковер-самолет.
 ...Биограф поймает на слове,
 Решительно бросит упрек:
 Не эта натура в основе,
 Не здесь вдохновенья исток.
 Но голуби прыгнут с насеста,
 И пух с тополей полетит, —
 Художника зоркое детство
 На мир изумленно глядит.
 Судьба вознесет и накажет
 Вдали от родимых ворот.
 А память
 счастливо подскажет,
 А сердце тоскливо замрет...
 Кусты раздвигая руками,
 В воде по колено бреду
 И верю: Аленушкин камень
 Над заводью тихой найду.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
 ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1346) ИЮНЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
 фотозвод
 Александра
 НАГРАЛЬЯНА
 и Виктора
 ЯКОБСОНА.

- 1 Клара СКОПИНА, лауреат премии Ленинского комсомола.
«КАК СЛОЖИТСЯ ЖИЗНЬ».
- 4-5 Стихи Бориса СОКОЛОВА
и Овидия ЛЮБОВИКОВА.
- 6 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ, мастер спорта.
«УРОК ФИЗКУЛЬТУРЫ».
- 8 Рассказы Анатолия МАРКУШИ.
- 10 Дмитрий ХОЛЕНДРО.
«ГЕРОИ? НУ, НЕТ!»
- 11 УРАЛМАШЗАВОДУ — 50.
«СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА
и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 18 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 20 НОВАЯ РУБРИКА: «ХРЕСТОМАТИЯ «СМЕНИ»».
«ГУСАРСКАЯ БАЛЛАДА ДЕНИСА ДАВИДОВА».
- 23 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 24 «Я — СТЮАРДЕССА».
- 25 ЦРУ ПРОТИВ НАС.
Николай ЯКОВЛЕВ.
«О ТЕХ, КТО ОТРАБАТЫВАЕТ
ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕНИКОВ».
- 28 Политический детектив
Леонида МЛЕЧИНА
«ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
 А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
 главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь),
 И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
 Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
 В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
 Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
 О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

УРОК ФИЗИКУЛЬ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
мастер спорта

Школа была математическая, а мальчик — необычайно одаренный. И все же по одному предмету он отставал. Он очень старался на уроках, не пропускал ни одного дополнительного занятия, много работал дома. Учитель давал серьезные домашние задания, столь же серьезно спрашивал на уроке. На каждом уроке. И, наконец, дела пошли на лад.

Однажды к учителю пришел отец мальчика, всемирно известный математик, академик.

— Я искренне сожалею, Михаил Михайлович, — сказал ученый, — что у меня не было такого учителя, как вы. Сейчас у меня так много идей и так мало сил, чтобы воплотить их в жизнь.

В математической школе №2 Михаил Михайлович Боген работал к тому времени около двух лет, а до этого преподавал в 585-й московской школе, методы его работы были широко известны. Потому-то директор школы №2 Владимир Федорович Овчинников и пригласил его к себе. Служебный роман начинался так.

— Математическая школа? Что ж, это очень интересно, — сказал учитель. — Однако я поступил в аспирантуру. Вот закончу и, если не передумаю, встретимся.

Когда же по окончании аспирантуры снова встретились, учитель выдвинул жесткие условия:

— Вы, Владимир Федорович, поддерживаете меня абсолютно во всех начинаниях, какими бы абсурдными они вам сначала ни показались. Далее. Ежегодно несколько человек, возможно, не будут переведены в следующий класс, им придется пересдавать мой предмет осенью. Бессспорно, у нас обоих будут конфликты с родителями. На меня и на вас станут писать жалобы, к нам будут приезжать различные комиссии...

Нелегко, конечно, директору школы принять такие условия. Условия учителя физкультуры.

Михаила Михайловича знало двадцать семь лет, с того самого дня, когда я, пятнадцатилетний, маленький и нескладный, пришел на свою первую тренировку по легкой атлетике к нему, тренеру детской спортивной школы Ленинского района Москвы. Не имел я тогда даже третьего разряда, да и со способностями — тоже не очень. К тому же долгое время перед этим я по причине тяжелого ревмокардита от уроков физкультуры освобождался. Помню, каких мучений стоило мне подняться на третий этаж. Помню, как, слушая меня фонендоскопом, не могла сдерживать слез мама, работавшая тогда начальником терапевтического отделения военного госпиталя. Сумасшедший, рваный стук сердца гулко отдавался во всем теле. Иногда оно на несколько секунд замирало, потом начинало бешено стучать, словно догоняя самое себя. Для меня же еще печальней было то, что задолго до заболевания ревмокардитом я заболел... легкой атлетикой.

Лишь с третьей четверти восьмого класса меня, наконец, допустили до уроков физкультуры, что, конечно, никак еще не предполагало серьезных занятий спортом. Однако спустя полгода я все же решился и пришел в детскую спортивную школу, разумеется, тайно от родителей. Михаил Михайлович сразу направил меня во врачебно-физкультурный диспансер к Леониду Аркадьевичу Иоффе, ныне доктору медицинских наук, известному спортивному физиологу. Тот взялся за меня крепко и надолго.

Через два года я стал чемпионом Москвы среди юношей в беге на 800 метров, а потом уже среди взрослых — победителем и призером крупных всесоюзных соревнований в беге на 800 и 1500 метров, выполнил норму мастера спорта.

Впоследствии Леонид Аркадьевич рассказал:

— Приехали к нам американские кардиологи и попросили показать кардиограммы идеально здорового человека. Я выбрал тебя. Они удовлетворенно посмотрели пленки и были поражены, узнав, что знакомятся с кардиограммами человека, которого ранее считали сердечным больным.

...Штатным тренером Михаил Михайлович вскоре работать перестал, а со мной и с другими возился уже «за так», не имея взамен ничего, кроме благодарно-

сти наших душ и недовольства своих домашних, потому как мы, переростки ДСШ, занимали все свободное время школьного учителя физкультуры.

В его школе я бывал часто: жил недалеко, да и вообще все мы со своими радостями и бедами обращались к нему, к нашему учителю. Но зато и о школьных делах Михаила Михайловича мы знали все.

А дела были такие. Вскоре после того, как из тренеров он пошел в учителя, его 585-я школа, безнадежно отстававшая по спорту даже в нашем Ленинском районе, вдруг стала победительницей городских школьных соревнований по легкой атлетике на приз журнала «Огонек».

Тогда-то и подошел к Михаилу Михайловичу директор математической школы и пригласил работать к себе. Истину ради добавлю, что не просто, мол, прочитал статью в журнале директор Владимир Федорович Овчинников. Он дружил со своим коллегой из 585-й школы Львом Мартыновичем Степаньяном и слышал от него про учителя физкультуры давно: «Пылливый, ищущий, большой внутренней культуры человек, требовательный. Ну, и фанатик, конечно».

Побаиваюсь, правда, я этого слова — «фанатизм», особенно если речь идет о педагогике. Нередко за ним кроется тайная жажда скорейшего табельного выражения своего рвения.

Но Михаил Михайлович совсем другой человек. Сколько души и времени отдавал он совсем бесперспективным только за их преданность спорту, за увлеченность. А немало весьма одаренных вызвали его возмущение только за то, что дар у них был лишь в ногах, но не в душе.

Как уже говорилось, школа №2 была не простая, а математическая, что, разумеется, отменяет основную заповедь ее директора в желании прославить ее знаками спортивной доблести. Овчинников рассуждал так: ученики у меня особо одаренные, занимаются много, а двигаются мало, и потому для профилактики умственного переутомления нужна повышенная двигательная активность. Причем не простая, а умная, рациональная. Так директор нашел учителя.

Словом, после аспирантуры, подготовки диссертацию, Михаил Михайлович стал вновь преподавать физкультуру в школе.

И вот к нему на урок физкультуры приехала комиссия Академии педагогических наук во главе с Метой Васильевной Антроповой, ныне членом-корреспондентом академии. Учителю казалось, что урок прошел хорошо, и он спокойно подошел к членам комиссии. Но вдруг услышал:

— Товарищ Боген, мы, конечно, понимаем ваше стремление показать товар лицом, но зачем же принимать нас за профанов? Вы полагаете, что если вы и ваш директор собрали под флагом так называемого девятого «А» сборную команду школы... В общем, будем разбираться.

Разобрались быстро. После того, как по просьбе учителя остались сначала еще на урок, потом на следующий. А те, следующие ребята, оказались посильнее первых.

Уезжали — разводили руками: «Ничего не понимаем...»

Сейчас, когда я пишу о системе школьного физвоспитания доцента Богена, я так и не могу ответить себе на вопрос: а можно ли назвать ее принципиально новой? Ведь если оценивать ее, не отводя взора от школьной программы физической культуры, то все в порядке, отношение к документу достаточно почтительное. Да и нагрузка преподавателя тоже без «общественных инвестиций». Все дело в том, КАК оценивать.

Для Михаила Михайловича важно было не согрешить против первоисточника, коим в данном случае и выступала программа обучения, хотя собственное отношение его к ней было не слишком-то восторженное. Но, повторяю, буква параграфа он читал. Читал, потому что... А как же иначе?

В программе, в частности, говорилось, что контрольные нормативы у учащихся должны приниматься после того, как они сдадут нормативы по ТЕХНИКЕ выполнения основных физических упражнений. И вот эту самую технику учитель поставил во главу угла своего отношения к вопросу физического воспитания, точнее, физического образования своих питомцев.

Вот, к примеру, прыжок в высоту. Норматив для девятого класса — 1 метр 20 сантиметров. Иной акселерат перемахнет ее, и от земли не оттолкнувшись. Но не тут-то было.

— Ты не перемахни, а нарисуй, — говорил учитель. — Ритмично разбегись, выведи таз вперед, сделай мах с отведением плеч назад, да так, чтобы перевести горизонтальную скорость в вертикальную без потерь.

А верзила подчас лишь хлопал глазами и тихо строил в адрес «физкультурника» нелестные слова, и тогда ему приходилось являться на дополнительные занятия. Более того, ежедневно разучивать упражнения дома.

Обучение движению велось поэтапно — от простого к сложному, так же, как ведется любое другое обучение по любому школьному предмету. Без усвоения предыдущего последующий материал тебе не освоить. На уроке учитель показывал упражнение, объясняя его суть, механику. Закладывал в сознание детей образ движения. И выходило так, что, не сделав домашнего урока, ученик являлся на физкультуру неподготовленным, что неминуемо грозило двойкой по технике. На этот счет учитель был строг, скидок никому не делал. А дополнительные занятия раз в неделю — по этой ли, иной ли причине — стали всеобщей потребностью.

Чтобы успешно освоить технику и получить за нее хорошую оценку, нужно было систематически заниматься дома. Впервые, разучивать элементы движений, с которыми учитель познакомил на уроке, а во-вторых, повышать свои физические кондиции — развивать силу, гибкость, выносливость. Ученикам предлагалась система заданий по общефизической подготовке с постоянно возрастающими требованиями. Это был комплекс, который ежемесячно сдавался на оценку, после чего лишь сдавалась техника. Справедливости ради добавим: в том было единственное расхождение с официальным документом. Но именно оно и позволило связать в единую логическую цепь занятия по общефизической подготовке, усвоение материала программы, сознательную учебу на уроке, консультации во внеурочное время и, наконец, участие в ежемесячных общешкольных соревнованиях.

Учительский и тренерский опыт подкашивал Михаила Михайловича, что физических способностей у человека гораздо больше, чем это предполагает школьная программа, нужно только их пробудить, дать им правильное развитие. И он убедительно это доказал.

Получилось так, что средний результат по выпускным классам в беге на сто метров был равен 13,2 секунды при нормативе на «отлично» — 13,8 секунды, на 800 метров — 2 минуты 29,1 секунды (2 минуты 35 секунд). В прыжках в высоту — 139,8 сантиметра (130 сантиметров). В метании гранаты — 47 метров (35 метров). Только вдумайтесь: средние результаты превысили норматив для отличников. Эти данные опубликованы в журнале «Физкультура в школе».

Абсолютно все ученики оканчивали школу значками ГТО, а подавляющее большинство — спортсменами-разрядниками по двум минимумам видам спорта (легкой атлетике и лыжам). Общешкольные соревнования проводились каждый месяц. И это был обязательно праздник. Участвовали не только все школьники, но и все учителя — такая массовость требовала четкой организации судейства. Так же ежемесячно выпускалась школьная спортивная газета — на пяти ватманских листах.

Что же касается соревнований, то их формула, своеобразная система зачета, ну, и конечно, продуманная, целенаправленная пропаганда предопределяла престижность коллективной как более значимую, чем личностную. Так, например, командный зачет для класса выводился только при стопроцентном участии всех, кто в данный момент здоров. Или еще важный пункт — очки за прогресс в результатах. Пусть, скажем, в пятикилометровой лыжной гонке ты занял общее тридцатое место, но если улучшил свой прежний результат сразу на семь минут, то в командную копилку могли быть начислены едва ли не такие же очки, что и у самого победителя. В общем, стремились прежде всего к победе классом. О личных успехах заботились постольку, поскольку это нужно было для команды.

Неудивительно, что пришли успехи и на «высоком уровне». Математическая школа стала победительницей в общесоюзном кроссе школьников, ее питомцы выиграли все четыре дистанции. Вошла она в число десяти лучших школ Москвы в соревнованиях по лыжам. О шахматном же чемпионстве математиков, думается, и говорить излишне.

Все шло хорошо. В математическую школу «с физкультурным уклоном» приезжали специалисты, а то и просто любопытные, ведь слух о ее учителе

ТУРЫ

физкультуры шел по Москве. Уважаемая всеми Мета Васильевна Антропова и ее коллеги посвятили его опыту не одну серьезную публикацию. Опыт обсуждался на коллегии Мосгороно, где Георгий Леонидович Асеев, заведующий городским отделом народного образования, сказал:

— Ну, товарищи, если родители стали жаловаться на то, что приходится нанимать репетиторов по физкультуре, то, слава богу, лед, кажется, тронулся.

Все же репетиторство по физкультуре было редкостью, в основном ребята справлялись сами, лишь иногда с помощью родителей.

Помню скромного, старательного мальчика Сережу Макаревича. В очках со стеклами толщиной с учебник математики. И вот приходит к учителю папа Сережи, профессор:

— Я к вам на консультацию, Михаил Михайлович. Дело в том, что у сына никак не получается выполнение маха в прыжках в высоту. Он так старается, что вчера два раза налетал на шкаф, разбил даже вазу. Ну, да я не о вазе — о технике. Помогите, пожалуйста, разобраться...

А вот что рассказывает М. В. Антропова:

— Во второй школе мы работали два месяца. И, в частности, установили, что иммунная реактивность мышечная работоспособность, сопротивляемость утомлению, восстановление после физических нагрузок умственной работоспособности — все эти показатели у учащихся данной школы заметно выше, чем у других. Мы считаем, что огромной заслугой Богена явилась организация системы домашних заданий. Причем он сумел так поставить дело, что невыполнение их просто исключалось.

Что же касается оговоренных Михаилом Михайловичем в «контракте» с директором переэкзаменовок и конфликтов с родителями, то и они, конечно, были. И хотя позже их количество заметно поубавилось, но совсем они не исчезли, что в конце концов и предопределило невеселый финал нашей истории, к чему я вскоре и перейду.

— Зачем моему сыну правильно отводить плечи назад; высоко поднимать бедро или своевременно включать нужные группы мышц? — возражали домашние воспитатели школьному. — Мальчику нужна полноценная циркуляция в сосудах головного мозга, а не в камбаловидной мышце.

— Нужно, поймите, нужно высоко поднимать бедро. — убеждал учитель. — Жизнь человека многопланова, требует множества навыков. Человек, умеющий управлять своим телом, всегда ЖИЗНЕСПОСОБЕН. И неизбежно крепче физически. Тогда он будет лучше исполнять и главное дело своей жизни. Мы же с вами обязаны растить полноценных членов нашего общества. И полноценных защитников своей Родины.

С некоторых пор все же физкультурные дела в математической школе резко пошли на убыль. Азарта и отваги у учителя, конечно, не поубавилось, просто у отдельных весьма влиятельных родителей так и осталась своя точка зрения на физкультуру в школе. Они-то и сказали учителю: «Видимо, вам для своих экспериментов придется подыскать другую базу, во всяком случае, не математическую».

Когда же стало известно, что девять человек из одного выпуска математической школы подали заявления в институт физкультуры (такова — увы, для математиков! — была сила личного обаяния учителя), не выдержал директор школы Овчинников: «Я предлагаю вам остаться, но работать так, как все».

Но учитель ушел. Спасибо, конечно, Овчинникову. Он держал осаду, сколько мог. И нельзя осуждать его за то, что математическое дело было для Владимира Федоровича дорожно. Видимо, он решил, что время для осуществления идей учителя физкультуры еще не настало...

С тех пор прошло много лет. Михаил Михайлович, доцент кафедры теории и методики физвоспитания Центрального института физкультуры, работает над докторской диссертацией. В ней он дает обоснование теории обучения двигательным действиям, той же технике с принципиально новых позиций, в основе которых — современные достижения советской педагогики и психологии. Его работа должна позволить любому человеку осваивать даже самые сложные технические движения быстро и безошибочно.

На факультете усовершенствования тренерских кадров он читает курс основ спортивной педагогики. Занимается и со студентами старших курсов, ведет у них педагогическую практику в школе.

Как я уже говорил, принципы его педагогической работы основаны на понимании максимальных физических возможностей человека. Он максималист и в своем нравственном отношении к делу. Да, так работать трудно. «И зачем? — возражали и возражают ему. — Этого же никто не требует...»

Сама же школьная программа по физкультуре изменилась существенно. Но как? Нормативные требования по физической подготовке, а значит, и требования к физическому развитию детей снизились. И это в наш-то век акселерации!

— На успеваемость ученика по физкультуре, — говорит учитель-доцент, — как это следует из нынешней программы, не должны влиять состояние его здоровья и уровень его физического развития. И получается, что учитель уже не может, не должен формировать физический статус человека. Если один, скажем, настолько толст, что не может от земли оттолкнуться или подняться по канату, а другой не способен сделать то же самое потому, что хрупок и слаб, то учитель — смирился?

— Но, Михаил Михайлович, — возражаю я ему, — есть же ведь болезненные нарушения.

— Для больных в школах действуют специальные группы. Я — о здоровых, но запущенных. Мы же должны бороться за каждого. А нынешняя программа не поощряет учителя в такой борьбе.

— Вы имеете в виду только упомянутые строки программы?

— Если бы только их... Ведь почему я так вознес технику? Благодаря технике можно просто чудеса творить, и дети в этом убеждаются сами. Слабый может выиграть у сильного, а для ребенка так важно побеждать. Пусть даже не всегда соперника, но обязательно себя вчерашнего. Вот мальчишка наконец-то правильно поймал движение, понял его суть и, глядишь, сразу прыгнул на полметра дальше. То есть техника как бы раскрывает физические возможности человека. А что в школьной программе? В основном то, что можно проделывать самостоятельно дома или во дворе, как домашнее задание. Двадцать — сорок минут, но ежедневно. За это же время отработываются и элементы техники, которые можно освоить лишь с помощью учителя на уроке. Значит, на уроке как раз и важнее заниматься техникой, чем расходовать время на то, что ученик в состоянии самостоятельно делать дома или во дворе.

Еще о расхождении между программой нынешней и старыми. Берем, к примеру, шестьдесят третий год. Программа состоит из двух частей. Первая — общий для всех школ материал. Вторая — материал для углубленных занятий по одному из разделов программы, по выбору учителя. В те годы мы имели возможность до тридцати процентов времени уделять углубленным занятиям. Я выбирал легкую атлетику, вид спорта, максимально гармонично развивающий человека. Теперь смотрим нынешний документ: ни слова об углубленных занятиях.

— Создается впечатление, что составители программы просто не хотят утруждать себя, а также учителей физкультуры.

— Верно. И никакая инициатива от учителя теперь не требуется, никакого творчества.

— Но все же есть учителя, работающие с азартом, с искрой?

— Конечно. И таких немало. Вот «Советский спорт» недавно опубликовал большой очерк о замечательном человеке Иване Ивановиче Должикове. Ты его помнишь?

— Еще бы! Я учился у него с первого по четвертый класс.

— Или вспомни моего коллегу по школе №2 Анатолия Михайловича Воеводина. Он и сейчас в работе горит.

И я поехал в школу №15 Севастопольского района Москвы. Анатолий Михайлович проводил лыжный урок во втором классе на школьном стадионе. Красиво, размашисто, грамотно катил ребятня.

После урока мы с Анатолием Михайловичем зашли в физкультурный зал. Он показал мне тренажеры, различные приспособления, им же придуманные, способствующие разностороннему развитию детей, заставляющие их активно работать физически, и, что не менее важно, значительно повышающие плотность урока.

А каково отношение учителя к технике выполнения движений? Такое же, как у Богена в «математический» период. Но главное — к технике нужно ребят подвести, заложить фундамент физической силы и делать это с первых же дней учебы. Здесь у Воеводина своя система.

Много лет назад Анатолий Михайлович начал исследовать вопрос: какой уровень физических качеств может обеспечивать освоение правильной техники и нормативов учебной программы без всяких скидок на «индивидуальность» ученика? И в результате составил таблицу нормативов. Так, например, для того, чтобы выполнить на перекладине «подъем переворотом из виса в упор», нужно быть способным подтянуться на перекладине же не менее восьми раз. Для того, чтобы пробежать 60 метров за 9 секунд (норма-

тив учебной программы), необходимо уметь преодолевать расстояние, равное длине волейбольной площадки (18 метров), в восемь прыжков с ноги на ногу. И так далее. Все, абсолютно все ученики Анатолия Михайловича окончили школу значистами ГТО, а большинство — спортсменами-разрядниками.

Что же касается массовых переэкзаменовок по физкультуре, домашнего репетиторства, конфликтов с родителями, то этого нет. И причины — в системе подготовки с первых же классов. Боги к нормированию нагрузок во многом подходил интуитивно. К тому же человеком он был и остался абсолютно бескомпромиссным. Воеводин в чем-то иной. Сам он добавляет, что большую помощь оказывает ему весь коллектив школы. Как можно понять, Боги ориентировался на истинные возможности подростка, Воеводин же — в большей степени на нормативы программы. Как найти золотую середину? С этим бы разобратся специалистом.

Школа №15 — лучшая в районе по кроссу, одна из лучших по легкой атлетике и лыжам да и в масштабах ученической Москвы весьма заметная. Недаром она избрана местом проведения постоянных семинаров по физическому воспитанию института усовершенствования учителей.

Однако я посетил не одну московскую школу, присматриваясь к тому, как и насколько правильно старшеклассники освоили технику выполнения беговых и прыжковых движений. Увы... Не стану называть адреса и фамилии педагогов. Наверное, большинство из них знают свое дело. Но не сомневаюсь в том — знания эти либо «от» и «до», что обеспечивает только стандартное, формальное осуществление школьной программы.

Человек остро ощущает пустоту в желудке, но — ирония природы! — чувства мышечного голода ему почти не дано. И вот детей с ненормальной осанкой, формой стопы, ослабленными зрением и слухом, с заболеваниями внутренних органов становится, к несчастью, все больше. Так же, как и детей с лишним весом.

И снова я у Михаила Михайловича.

— Учитель, давайте взглянем на состояние дел с позиций постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

— Это-то и необходимо. Его реализация по-настоящему возможна тогда, когда у каждого человека будет сформирована устойчивая потребность к систематическим занятиям физкультурой. Но где, когда ее формировать? Прежде всего в период учебы в школе. Эта потребность нередко появляется и позднее, но, как правило, тогда, когда организм начинает трещать по швам. А сколько лет потеряно! У детей сейчас нагрузки немалые, причем «сидячие» нагрузки — в школе и дома. Далее свободное время. Сколько его тратится на телевизор? Ты посмотри, насколько меньше стало ребят, гонящих мяч во дворе. Никто не возражает против того, что здоровый и крепкий человек делает свое дело лучше. А наш долг — делать здоровых людей. Причем за те же деньги, без единого лишнего государственного рубля, не увеличивая количества уроков. Может, и неплохо было бы ввести третий урок школьной физкультуры в неделю, об этом действительно много пишут и говорят на совещаниях и конференциях. Однако если подсчитать затраты на подготовку дополнительных кадров педагогов, оплату их труда, строительство дополнительных площадей для занятий, покупку оборудования, все это выливается в сотни миллионов рублей. Можно ли обойтись без этих затрат? Да, можно.

— Но с чего начать? — спрашиваю. — А вот если бы ваша кафедра заключила хоздоговор на проведение исследовательской работы в одной или нескольких средних школах? Я имею в виду хоздоговор с Академией педагогических наук или любым республиканским министерством просвещения.

— Лично я взялся бы за это дело с радостью, думаю, что и наш институт меня бы поддержал.

— Представляю себе: прочтут люди эти строки, и от предложений не будет отбоя.

Михаил Михайлович улыбнулся и пожал плечами...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Укрепление здоровья детей — важнейшая забота нашего общества. Разумеется, одной статьей нельзя исчерпать эту тему. И потому мы просим откликнуться, высказать свои соображения учителей физкультуры и методистов, директоров школ и педагогов, тренеров-общественников и родителей. И, конечно, самих школьников — нынешних физкультурников, будущих чемпионов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вальку Щеглова я знал всегда: мы родились с ним в одном месяце, жили в одном доме, вместе пошли в детский садик, потом — в школу... Другие ребята как-то менялись со временем: хулиганистый Сергей Караузе, например, становился все серьезнее, спокойнее, солиднее, пока не сделался кандидатом технических наук; страшенькая в первых классах Муся Дашкова превратилась в такую красавицу, что больше восьми классов просто не успела кончить — ее присвоила себе знаменитая киностудия. А вот Валька Щеглов не менялся. Молчаливый он был с самого детства. И никогда не метался: сегодня собираясь в водолазы, завтра в поляники, потом в геологи — как большинство из нас. Валька сразу определился — в авиацию. И пошел без оглядки...

Командир пассажирского лайнера, пилот первого класса Валентин Щеглов не любил и как-то даже побаивался тесных людских сборищ, толпы; ему претили очереди, он избегал метро в так называемые часы «пик»...

А тут, на чужом пляже, куда он попал совершенно случайно, урвав часок между рейсами, его почему-то вдруг потянуло к сбившимся в кучу и гомонившим на разных языках людям.

Почему? Он и сам этого не мог ни объяснить, ни понять. Вот так случилось.

И Щеглов подошел. В жидкой тени кривого деревца акации на светлом, мягком песке лежал человек. Он был немолод, со странным, будто вылепленным из упругой глины телом, покрытым тяжелыми буграми хорошо разработанных мышц. А лицо показалось Щеглову совсем странным — маска... Ни единой мысли не было в этом лице, будто человек без сознания, в глубоком забытии, хотя громадные, с длинными, очень выразительными пальцами руки его непрерывно двигались.

И прежде, чем Щеглов что-либо понял, он услышал:

— Двенадцатый, ближе... ближе держись... Шестой, Сашка, за горбатыми смотри... — И рука распротертого на песке человека сжалась в кулак, сделала тянущее движение к себе, а сам он хрипло выкрикнул: — Всем отрываться на солнце! На солнце пошли...

Внезапно Щеглов понял: перед ним летчик. Истребитель. Он командует воздушным боем.

Растолкав зевак, Валька упал на колени и неумело склонился над старым пилотом. Попробовал, но не сумел нащупать пульс. Тогда, приложив ухо к жесткой груди, стал слушать сердце. Сердце билось редко и нервно.

— Врач тут есть? — спросил Щеглов у людей. Его не поняли или не расслышали. Вскочив на ноги, он схватил первого стоявшего поблизости мужчину и заорал голосом, которого сам бы не смог узнать: — Доктора! «Скорую»! — И загорелый, словно мулат, в одних ржавого цвета плавающих парень понял и рванул к гостинице, стоявшей на берегу, — там был телефон.

— Двенадцатый, смотри справа... Я — девятый, где ты, Сашка, шестой, где ты?..

— Воды! — распорядился Щеглов, показывая жестом, чего он хочет. Кто-то побежал за водой.

Надо было что-то еще делать, но... что?

Когда-то Щеглов сдавал зачеты по оказанию первой медицинской помощи, но сейчас все его познания в этом предмете безнадежно испарились. Он снова прижался ухом к груди и опять слушал сердце Девятого. Оно билось редко-редко и, как показало Щеглову, должно было вот-вот остановиться.

Плохо понимая, для чего он это делает, — но ничего не делать Валька просто не мог, — он принял за массировать грудь Девятого.

Тут принесли воды.

Щеглов набрал воды в рот и прыснул в лицо человека. Тот сразу умок и странно вытянулся.

Но сердце билось по-прежнему — неверно, редко.

А время шло. И Щеглов ждал машины, врача, чуда...

В какой-то момент ему показалось: массаж — зря, и «Скорая» никогда не приедет — тот парень, в ржавого цвета плавающих, просто смотался. А сердце вот-вот выключится...

И тогда, подстегнутый отчаянием, он подал команду, выкрикнул, казалось бы, давным-давно забытые слова:

— Девятый, всем выход из боя! Всем выход... Снижение в сторону моря, общий выход...

Человек, бывший когда-то Девятым, внезапно открыл глаза, сел, огляделся и растерянно спросил:

— Что случилось? Где я?

— Лежать! — почему-то со злостью, самому ему непонятной, распорядился Щеглов. — И не дергайся! Сейчас «Скорая» будет. Врач.

Действительно, врач прибыл.

Девятого, уложив на носилки, осторожно понесли к машине «Скорой помощи», стоявшей на самой кромке асфальта, густо присыпанного пляжным светлым песком.

На прощание врач сказал:

— Кажется, успели.

Поздним вечером Щеглов приехал на вылет. В аэропорту Бургаса его рейсовый Ту-154 задержался, как объявляют в таких случаях диспетчеры, по «техническим причинам».

Причины нашли, устранили, и Щеглов занял место командира корабля.

Не прошло и получаса, как исчезли, скрылись, растаяли в густой дымке прибрежные огни.

Щеглов занял назначенный ему эшелон, попрощался с Бургасом и вошел в ночь.

— И ты понимаешь... — говорил мне потом Щеглов всю дорогу до Москвы, а я тогда думал: «Вот так помереть... А? Ну, конечно, когда время придет... В бою, молодым, предчувствуя победу... А?»

ДЗЮДО

Вышел у меня однажды спор. Старик комбат сказал, что отрубил:

— Бросьте умствовать: все — смолоду! Каким уродился, таким и проживешь. Который геройский парень, обязательно себя покажет, а ежели трус, так и нечего от него ждать.

Помню, я не согласился. И возражал комбату в том смысле, что это потом, после события легко подгонять одно к одному, а так, кто знает, смел, скажем, Василий Мытищев или нет? Как можно про Родьку Ецкова сказать — трус? На каком основании?

Впрочем, комбата нашего переубедить было трудно, разошлись — каждый при своем мнении. И вот прошло с тех пор лет, пожалуй, тридцать, а спор наш из головы не идет. Нет-нет да и всплывает в памяти та ласковая весна и едва оттаявшие пригорки...

Было.

Ну, а теперь о другом разговор.

— Нет, серьезно, и вы только за этим приехали, чтобы спросить меня, какое детское переживание я считаю самым главным? Не понимаю... И на что это вам? Может, все-таки объясните?

— Если позволите, я обязательно отвечу, но только чуть позже.

Сергеев смотрит на меня подозрительно. Большой, грузный, почти седой человек, привыкший распоряжаться тысячами людей, принимать ответственные решения, отважно рисковать, когда того требует дело, на этот раз он явно растерян.

— Ну-у, хорошо, — говорит он наконец, — слушайте.

— Родился я и рос в неблагополучной, как принято называть, семье: родители постоянно ссорились, все время собирались разводиться и не до нас с Танькой — это моя младшая сестренка — им, как я теперь понимаю, было...

Рос я кожа да кости. В школе меня дразнили: Доходяга, Костяра, Освенцим... Нет, не голодал, а вот не в коня корм. И слаб я был: двух метров по канату подняться не мог. Повисну и телепаюсь.

Сергеев говорит ровным, глуховатым голосом, словно бы прислушивается к собственным словам, а я смотрю на него, широкоплечего, стокилограммового, загоревшего до замшевого оттенка, и решительно не могу представить иного Сергеева.

— И больше всех меня доставал Митька Филатов — дразнил, бывало, и поколачивал. Он вредный и липучий мальчишка был. Я даже один раз отцу пожаловался, только отец не внял. Еще и обругал: «Нечего ябедничать! Получаешь, что заслужил... То же мне мужчина: постоять за себя не можешь».

Легко, конечно, сказать — постоять. А как?

Советы все умеют давать. И большей частью — хорошие, правильные: защищайся, не распускай нюни, прояви характер... Только никто почему-то не учит, что же надо делать, чтобы проявлялся этот самый характер.

Не помню от кого я как раз в то время услышал чудное словечко — дзюдо. Как понял, это такая борьба, японская, и вроде если в ней слабый лучше владеет приемами, то может победить сильного... Во всяком случае, именно такое у меня сложилось тогда впечатление.

Наверное, вы уже догадались: я вспынул и тут же решил научиться дзюдо. Пусть тогда Митька Филатов только попробует подойти! Не стану рассказывать, как осторожно я выведывал, где, что, как, — боялся, если кто-нибудь догадается о моем намерении, задразнят... Очень это противное было состояние — иду и оглядываюсь, чуть что — вздрагиваю. Липкая житуха.

Но в конце концов я добрался до секции дзюдо при городском Дворце пионеров. Не зря, наверное, пелось: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот найдет».

И предстал я перед сухим, как мне показалось, весьма пожилым мужчиной — руководителем секции. Заплетающимся языком стал объяснять, для чего пришел, на что надеюсь и о чем мечтаю. Только мужчина меня не дослушал.

— Не вибрируй. Бесполезно. Приседай и считай!

— Что? — не понял я.

— Приседай и считай: сколько раз присядешь.

Теперь я понял, что от меня требуется, и начал:

— Раз... два... три...

— Приседай глубже, считай громче, суетиться не надо.

— Че-ты-ре... пя-ять... ше-есть... — Кажется, на счете восемь у меня начали подрагивать колени и задергалось сердце. Дышать я стал громче, с неприятным хрипом.

Не буду тянуть: на четырнадцати я сдался. Сел на пол и... предательски заревел.

Тренер ничего мне не сказал, только глянул мельком и сразу же вышел.

Потом, когда я уже перестал плакать и помышлял об одном: как бы незаметно выбраться из дворца — мне было ужас как стыдно — он перехватил меня в вестибюле, взял своими жесткими пальцами за подбородок и сказал совсем даже не строгим голосом:

— Ты вот что, малый, не расстраивайся и потренируйся пока дома. Не возражаешь? Значит, единогласно!

Я согласно кивнул головой, думая не о домашних тренировках, а мечтаю поскорее смотаться из Дворца пионеров.

Но у тренера были цепкие пальцы.

— А вот как станешь по сто раз приседать, сразу приходи. Договорились?

И я снова кивнул, толком не осознав даже, что он мне сказал.

Сто!

Нет, вы хоть представляете, каково это — сто приседаний подряд? Без отдыха... Попробуйте.

И тут Сергеев замолчал надолго.

Конечно, я старался догадаться, о чем он думал и почему то улыбался, то хмурился, но не так это просто — читать чужие мысли.

— Наверное, я слабый человек, — тихо промолвил наконец Сергеев, — начинал и бросал... Снова прини-

Анатолий МАРКУША

ТРУШ

мался, но... Знаете сколько мне понадобилось лет, чтобы добраться до этой чертовой сотни? Семь! Целых семь лет! Только тогда уж какой Дворец пионеров, какая секция дзюдо... Опоздал.

Тут Сергеев снова замолчал, да так надолго что, в конце концов мне пришлось напомнить о своем присутствии:

— А как вы все-таки сформулируете ваше главное детское переживание, Павел Сергеевич? — осторожно спросил я, отчетливо понимая: Сергеев вовсе не обязан ничего формулировать, тем более откровенничать со мной. Захочет — скажет, а нет — так и суда нет.

— Да кто его знает как... приседал, мучился... бросал. Потом сам себя стыдил и опять начинал приседать. Все время была такое сознание — надо, а рядом — не могу! Вот, точно так было, а как сформулировать, одним словом выразить — и не знаю... Проклятьем это моим сделалось... именно проклятьем.

Ну, а теперь говорите: так на что вам мои переживания?

— Видите ли, у меня был когда-то комбат, редчайших достоинств человек, так он меня, да и всех, кто его окружал, стремился убедить: вырастая, изменяясь, получая образование, а стало быть, умняя, в основе своей человек остается таким, каким был в детстве. Из настоящих мальчишек вырастают настоящие мужчины, а кто ни два, ни полтора, кто со школьных лет так — морковный кофе, от того и к старости добра не жди... Так примерно мыслил мой комбат. И это до сих пор не дает мне покоя: неужели он прав?

Сергеев слушал и молчал. Возражать не стал. Неожиданно поднялся со своего места, вышел на середину комнаты и сказал:

— А ну, считайте! — И начал приседать.

Он опускался глубоко, неторопливо, дыша ровно и шумно. А я считал:

— И-раз... И-два... И-три... И-четыре... И-пять... И-шесть... И-семь... И-восемь... И-девять... И-десять...

После двадцати пяти мне сделалось беспокойно: Сергеев покраснел, шея налилась кровью, на лбу выступила испарина. «Как бы удар его не хватил», — вдруг подумалось мне, и я робко предложил:

— Может, хватит, Пал Сергеевич?

Он только рукой махнул:

— Считайте!

— Сорок шесть... сорок девять... пятьдесят два... Грузное тело падало и медленно поднималось, снова падало и опять поднималось. Мне вдруг представился спящий в громадном цилиндре поршень. И

Рассказ

стало смешно — поршни не моргают, не краснеют с натуги и не сопят так забавно, как сопел Сергеев. — Девяносто! — победным, хоть и хриплым голосом гаркнул в это время Сергеев. — Чего замолкли? Считайте громче!

И я подхватил: — Девяносто один, девяносто два, девяносто три... Он так и добрался до своей сотни. И самым лучшим образом ответил на мой вопрос.

Известный инженер, начальник большого строительства, лауреат Государственной премии, и прочая и прочая... Настоящий мужчина вырос из настоящего мальчишки.

А кто и скажет: не сразу получилось... Ну и что с того — не сразу? Думаете, легко это? Попробуйте.

ЗНАКОМСТВО С ГРИШЕЙ

Достоверно я знаю вот что: отец читал вечернюю газету и вдруг как-то странно захмыкал, а потом произнес, посмеиваясь:

— Как тебе это нравится... козел?.. — Что? — не поняла мама.

И тогда отец частью пересказал, частью прочел развеселившее его газетное происшествие: со старой территории зоопарка переводили на новую территорию какого-то «сверхгорного козла». Разумеется, были приняты необходимые меры предосторожности, но... козел, напуганный появившимся из-за поворота трамваем, все-таки вырвался и помчался вдоль рельсов, по Большой Грузинской. В считанные секунды рогатое чудовище достигло Тишинской площади и тут, «сойдя с рельсов», по совершенно непонятным причинам, влетело в раскрытые двери... парикмахерской.

В этом месте заметки отец зашелся тоненьким, совершенно ему несвойственным смехом: — Воображаешь... а те, там... в мыле... клиенты! С ума сойти... И мастера... с бритвами...

Увидев свое изображение в зеркале, козел было замер, но, рассвирепев, одним прыжком преодолел расстояние от двери до стены и всадил рога в ненавистного двойника.

Здесь, увязшего рогами в трухлявой стене, его и перехватили подоспевшие служители зоопарка.

Отец долго веселился в тот вечер, и так и эдак изображая застигнутых врасплох посетителей парикмахерской.

Мама тоже улыбалась. А я никак не мог взять в толк: что же тут смешного? Ночью мне приснилось, будто я сижу, туго обернутый в белую простыню, на неудобном парикмахерском кресле с жестким подголовником. Над мной лязгают, позванивают невидимые ножницы. Над ухом шелестят какие-то незначительные слова мастера. И пахнет чуть-чуть дезинфекцией, немного вежеталем, а еще подпаленными волосами...

Внезапно в бескрайнем, занимающем всю стену зеркале возникает изображение светло-коричневого, лоснящегося, невероятного рогатого чудовища с налитыми кровью глазами.

И мой взгляд встречается с его ненавидящим взглядом. И я лишаюсь всякой способности управлять собой, я оказываюсь во власти скользкого, всепоглощающего, удушливого и такого постыдного — не передать — страха.

Проснувшись, я сел на кровати и никак не мог понять, что случилось. Сердце билось часто и громко. В горле все пересохло. Сначала мне было жарко, потом как-то вдруг заколотило в ознобе... В голове будто тренькнуло, и чужой, незнакомый голос произнес насмешливо, с растяжкой: — А ты трус, парень!

Все бы это, наверное, ничего, когда бы на том и кончилось. Мало ли какая чушь может человеку присниться?

Но несуразный мой сон возвращался раз за разом. И я ждал этих возвращений, заранее покрываясь липкой испариной страха, испытывая к себе и презрение и жалость одновременно...

Ложиться спать сделалось для меня мучением. Я лежал в постели, делая над собой усилие, чтобы не заснуть: смотрел в потолок, по которому ползли причудливые тени, воображал себя то в джунглях, то под водой, но в конце концов все равно незаметно куда-то проваливался, и тогда возникало зеркало... и на блестящем стекле медленно проявлялись, словно на негативе, очертания рогатого чудовища, они вслухали, окрашивались, на морде вытарачивались, загорались красным огнем глаза...

Но самое страшное приходило чуть позже — я снова слышал:

— А ты трус, парень!.. — Меня водили к врачу. Мохнатый старичок оттягивал мне веки, заглядывал в глаза, стучал резиновым

молоточком по коленкам, недовольно тряс белой бородкой и смешно блеял:

— Тээ-экс, молчек... тээ-экс... «Молчек», я догадался, должно было означать молодой человек. Но что значило его «тээ-экс», я так и не понял.

Старичок прописал холодные обтирания. Бром с ложки. И еще какую-то сладковатую микстуру. Как ни странно, через некоторое время спать я стал более или менее нормально, и сны почти не посещали меня. А вот голос... тот самый, что насмешливо, издевательски, с растяжкой объявлял: «А ты трус, парень!» — продолжал преследовать меня. И не только по ночам — случалось среди белого дня и без сколько-нибудь видимой причины.

Так и преследовал — до самого тринадцатого апреля. Этот день я запомнил на всю жизнь.

Теперь я понимаю: никакой преднамеренности в моих действиях тринадцатого апреля не было. Просто накануне я не выучил физику и решил — не пойду...

И не пошел (это, конечно, плохо, но тогда мне казалось — лучше уж прогул, чем верный «двойка»).

Денег на кино у меня не хватило. И я потащился в зоологический сад. Хотя это было и далековато, но там, я был совершенно уверен, меня не ожидает никакая нежелательная встреча. Словом, просто так я потащился к зверью — убить время.

Сначала я потолкался у вольера белых медведей, потом поглядел на водоплавающую братию на пруду и медленно побрел в глубину новой территории.

Там, слева, здоровеннейший загон.

И в загоне — горные козлы разных пород. Есть громадные рогатые, но на вид совсем даже не страшные, скорее скульптурные они на вид... Впрочем, и львы не кажутся страшнее кошек, когда они — там, а ты — тут.

Усевшись на зеленую растресканную скамейку, я глядел в загон. Наверное, о чем-нибудь думал, только теперь совершенно уже не помню, о чем. Угрызения совести, знаю, меня не беспокоили.

Рядом со мной на зеленую лавочку присела толстая женщина. Одетая она была плохо, пахло от нее зверьем. Это, кажется, все, что я заметил в первый момент и подумал: местная, зоопарковская.

Женщина поглядела на меня и без осуждения, скорее, я бы сказал, даже сочувственно спросила:

— Прогуливаешь?

— Прогуливаю! — ответил я и, сам не знаю почему, засмеялся.

— Ишь ты, герой!..

Она, что-то еще сказала, но слова ее заглушил...

Рисунок Олега ГАЛИНА

насмешливый, с растяжкой голос, тот самый, что не давал мне житья, вновь и вновь объявляя:

— А ты трус, парень...

Словно маревом окуталась гора в вольере, деревья утратили резкость своих очертаний, вроде и толстая женщина начала растворяться в моих глазах... Я стал стирать слезы, делая вид, что мне попала пыль в глаза, и не сразу понял, что говорила она, моя соседка по лавочке:

— ...чем бездельничать, помог бы человеку, а то, видишь, руку я попортила... обожгла нынче.— И она показала мне забинтованную кисть.

— Чего помочь?— без особого восторга поинтересовался я. Времени было уже много, можно было без опасений возвращаться домой.

— Да капусту, морковь почистить... зверям этим...— И женщина кивнула на вольер, где паслись дикие козы.

— А это правда?... поинтересовался я и пересказал то самое знаменитое происшествие, с которого все началось.— Так и было?

— Было, было,— засмеялась женщина,— это все Гришка набаловал. Правда.

— Кто?— не понял я.

— Да, говорю же— Гришка. Пойдем, познакомлю.

Женщина проворно поднялась со скамейки и, забавно переваливаясь на толстых, распухших ногах, заковыляла к вольеру.

Что мне было делать?

Пришлось встать и пойти следом.

Лишь только щелкнул ключ в замке, раньше, чем распахнулась калитка, к Дарье Михайловне— так звали мою новую знакомую— ринулся целый табун рогатых, бородастых, рыжих, черных, гладкошерстных и мохнатых скотов. Все они шумно выражали свой восторг и свое нетерпение.

— А ну, не баловать!— прикрикнула Дарья Михайловна.— Дайте войти, черти! Гость со мной... или не видите?!— Она довольно бесцеремонно растолкала рогачей и сказала, обращаясь ко мне:— Заходи, не бойся.

Я зашел, но я боялся.

К тому времени я прочел порядочно книг, успел познакомиться с разными авторами, кое-что посмотрел в театре и в кино, конечно... Все книги, все писатели, вообще все люди старше и умнее меня доказывали: быть трусом— плохо и стыдно... Друс— жалкая, неполноценная, не заслуживающая никакого уважения личность. И я вполне решительно, бесспорно принимал эту формулу. Соглашался с ней! Соглашался и трусил.

...Сначала мы чистили капустные кочаны в сараюшке. Потом уже нарезанную капусту и ополоснутую под краном морковь раскладывали по ведрам и посыпали крупной, хрустящей солью.

А там, за стеной, волновались рогатые. Слышно было, как топчутся, как глубоко вздыхают и словно недовольно бормочут что-то на своем языке.

— Оголодали, черти!— вроде бы даже с восхищением сказала Дарья Михайловна. И спросила:— Боишься идти?

— Боясь,— признался я, сам того не ожидая.

— Молодец,— сказала Дарья Михайловна,— не люблю, которые врут и выставляют... Пошли вместе.

Странно, как я ни робел в тот памятный мне час, а все-таки заметил,— у всякого рогача свой характер: одни юлили и попрыщивали у Дарьи Михайловны, словно мелкие шавки, другие лезли к нашим ведрам напролом, нахально, отталкивая собственных подруг, третьи хитрили, стараясь зайти с тыла.

В стороне от всех, в гордом одиночестве оставался только один громадный, шоколадного отлива, украшенный закрученными, метра в полтора размером, рогами красавец зверь. С откровенным презрением поглядывал он на своих суетящихся собратьев и не собирался идти на поклон к людям.

— Гришка,— сказала Дарья Михайловна. И позвала:— Гришенька, мальчик, иди ко мне, мой хороший.

Но Гриша не шел, не дрогнул.

— Стесняется,— пояснила Дарья Михайловна.— Посторонних стесняется. Вот, держи.— Она всунула мне в руку шершавый кусок каменной соли и велела:— Ступай сам к нему... не бойся. Подходи тихонько и говори, говори, говори, чего думаешь... Только правду говори, он все понимает.

Что я говорил, не помню.

Как дошел— не могу даже и вообразить.

Мы долго смотрели в глаза друг другу. У Гриши глаза были большие, яркие и такие проникновенные. И, кажется, он понял: мне страшно. Но и я понял даже раньше Гриши: он тоже— ну, не боится, опасается меня...

И тогда я сказал:

— Не бойся, Гриша. Не надо, милый... Я тоже больше не буду бояться... Ну-у, Гришенька, давай подружиться... А? Давай!

Нет, он, конечно, ничего не сказал. Но все понял. И взял из моих рук любимую свою каменную соль.

Это было тринадцатого апреля. Я запомнил.

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Четверо юношей, симпатичных на вид, просто милых малых, одетых по случаю доброй зимы в разноцветные синтетические куртки, но, правда, в меховых, невообразимо пушистых, то ли волчьих, то ли собачьих шапках, с чемоданчиками-дипломатами в руках приближались к дверям продовольственного магазина. Весьма вероятно, это были студенты-первокурсники из института, находящегося неподалеку. Кончились занятия, и ребята, видимо, собирались что-то купить по пути в общежитие.

И тут произошла чепуховая задержка, даже не на минуту, а на полминуты. Перед ними медленно шла седая женщина. Немолодой мужчина, показавшийся навстречу ей из магазина, остановился у двери, шагнул в сторону и уступил дорогу незнакомке. Конечно, этим тотчас же воспользовались юноши. Они ринулись вперед и, не дав пошевелиться оцепеневшему мужчине, один за другим проникли в магазин. Причем на их лицах ничего не отражалось до тех пор, пока мужчина не загородил проход последнему, рослому юноше, протянув руку и ухватившись за противоположный косяк.

Другая женщина, невольно задержавшаяся у дверей внутри магазина, предупредила:

— Не связывайтесь, хуже будет.

Как будто не самый обыкновенный юноша застыл у двери и как будто он не понимал, что ему просто-напросто надо извиниться перед пожилыми людьми за себя и за своих товарищей. Но юноша и не думал извиняться, а удивленно спросил:

— Эй, тебе что, жить надоело?

— Как не стыдно?— спросил и мужчина, задыхаясь.— Я уступил дорогу... женщине...

— Вася!— нетерпеливо крикнули от прилавка из тройки спутников.— Что там за волокита?

— Да тут какой-то старикан вздумал за ровесницей поволочиться. И не пускает!

— Отодвинь!

— Тебе что больше нравится, палаша, самбо или каратэ?— вежливо поинтересовался Вася.

— Я воевал...— прохрипел мужчина, бледнея. (Простите за штамп, в самом деле было так, даже страшно стало.)

ГЕРОИ? НУ, НЕТ!

Между тем Вася отмахнулся от мужчины:

— Знаем, слышали! Вы все воевали!

И свободной рукой вцепился в его руку. Но не тут-то было! Немолодой фронтовик оказался не из робкого десятка и не таким уж слабым. К тому же рядом начали скапливаться люди— у магазинных дверей это дело недолгое. Мы— я тоже был там— безуспешно пытались уговорить Васю, пока двое молодых мужчин не взяли его за плечи и не выставили молча на улицу из магазинного тамбура. А потом пошли провожать бывшего фронтовика домой, потому что ему стало худо— подвело сердце.

Прохожие принялись стыдить Васю, но тут вернулись его друзья, и один спросил довольно брезгливо:

— Ну, чего разорались? Мы в другом темпе живем, а он-то мог постоять хоть до утра. Не развалился бы!

И, видно, тут же забыл про ссылку на свой особый темп жизни, от нечего делать они, пересмеиваясь, протоптались у магазина еще минут пятнадцать— двадцать. Другие участники этого будничного эпизода, подгоняемые домашними заботами, давно разошлись, а эти еще высмеивали Васю за то, что он не смог стать «героем события». Я задержался рядышком вместо вечерней прогулки и не слышался.

«Героем»? Увы, да.

Тому фронтовику, загородившему дверь ходячей развязности, на глазах перерастающей в хулиганство, вообще всем воевавшим людям в известном смысле было легче. Они могли проявить себя при небывалых обстоятельствах. А что делать вынужденным «героям», погибавшим от скуки? От нее иные выбирают... хамство! Но какая это злая ошибка! Настоящий герой всегда боролся и борется с трудностями. А быть хамом— нет же ничего легче! Этот Вася герой? Ну, нет! Для такого «геройства» достаточно быть только хамом, и все.

Другой юноша, тоже «герой» в кавычках, сшиб с ног девушку при утренней посадке в автобус. Девушка упала в грязный снег, едва не под колеса. На «героя», само собой, зашумела половина пассажиров автобуса, но он мирно и подготовленно ответил:

— Я не виноват. Не знаете, что ли, все на свете требует материальной обеспеченности. Было бы автобусов побольше, зачем бы мне кого-то толкать, а тем более сшибать? Я вежливый. Меня мама воспитала.

— Вежливый!— сказала одна женщина.— Ты даже в очереди не стоял!

— Опять не моя вина!— ответил юноша сквозь ухмылку.— У других время есть, а мне некогда!

И наступило угрюмое молчание. Потом кто-то спросил:

— А не жалко девушку?

На что последовал немедленный ответ:

— Сейчас равноправие.

Об этом насмешливо, резко скажу, издевательском отношении к равноправию женщины с мужчиной— величайшему нашему завоеванию, до которого еще не дотянулись самые развитые капиталистические государства, давно пора сказать откровенные и поэтому веские слова.

В годы войны, такие тяжкие, что, казалось, под их грузом само время шло медленнее, дольше, женщины наравне с мужчинами вынесли эту тяжесть на своих плечах и в своих сердцах. После войны был плакат, по-моему, самый удачный из плакатов той поры: крепкий мужчина за рукоятки приподнял с одной стороны носилки, нагруженные кирпичом, и, оглянувшись, звал каждого, кто останавливался перед пла-

катом: «А ну, взяли!» Можно смело сказать, что с другой стороны за рукоятки носилок взылась женщина. Трудное было время, все понятно...

Но почему и сегодня в ином селе видишь на улице женщину с лопатой и носилками в руках, а в то же время молодые мужчины сидят с сигарочками на крыльце. Почему? Не в этих ли мужчинах, которых, как и тех самых «героев», хочется взять в кавычки, корень зла? И не пора ли по-мужски предъявить им всенародный счет?

Подойдем, узнаем, кто они? Счетоводы, сельсоветовские сотрудники, а в районном центре— служащие разных учреждений, управлений, контор, один из курцов на природе— аптекарь, а другой— продавец сельхоза. Хорошо устроились! Они не инвалиды, но, положив руку на сердце, скажем, что и не представители мужских профессий. Никто из них не похвалится, что добровольно уступил законное, как принято считать, мужское место женщине, но любой с язвительной улыбочкой спросит:

— А равноправие? За что ж она, женщина, боролась? Я вот за нее любую работу сделать могу!

Не может. Например, не возьмется рожать за женщину— она остается матерью и первой воспитательницей его детей, и главная забота о них остается на ней: накормить, постирать, спеть колыбельную... Так что же в вашей вульгарной улыбочке, молодые мужчины? По-моему, ничего, кроме того же хамства. Чему улыбаетесь, над чем смеетесь?

Непритворная любовь к женщине издревле была присуща русскому характеру. Женщину, не только как друга, а как земную богиню воспевавшая наша поэзия. И эти традиции не увядают, а возрастают.

Так не освободить ли— на деле— нашу земную богиню от носилок? Конечно! С этим никто не будет спорить. Но пока вот самое элементарное... Кончился рабочий день. Усталая богиня едет в метро домой— от своего станка, от своих носилок, залерты в помещении склада до следующего дня. И пока она едет, могла бы присесть, хоть немного отдохнуть. Но она чаще всего стоит, а порой и дремлет на ногах.

А кто же сидит на длинных и мягких скамьях вагона? В основном равнодушные молодые люди и рядом с ними— девушки-красавицы. Как будто они никогда не повзрослеют и уж тем более не постареют и им так же не будут уступать места в общественном транспорте воспитанные на их примере новые юноши и девушки!.. Увы, все это будет, никуда не денешься. Хорошенькое завтра они себе готовят!

В этом хамстве юных людей больше всего поражает его подготовленность. Девушки и юноши, которым все же стыдно за себя, не поднимают глаз и делают вид, что никого не замечают. Чаще всего они читают. Это хорошо, у нас много читают— всем известно. Но иногда— я знаю это по рассказам самих молодых «героев»— месяцами возят в сумочках и «дипломатах» одни и те же книги, как оружие, которое всегда должно быть наготове, чтобы быстро уткнуться в знакомые страницы, как только захвачено место в троллейбусе, автобусе, вагоне метро... И опять они «победители», опять «герои».

Ах, как порядочно было бы начать с этим «героизмом» массовую борьбу! И сделать это может сама молодежь.

Я намеренно до сих пор говорил о молодых людях, а не о молодежи вообще, потому что молодежь нашей страны дает множество примеров подлинно героического. Сооружая гидростанции, дороги, города, поселки, заводы, дома, молодые создатели будущего неизбежно строят и себя. И формируют прочное чувство истинного человеческого достоинства, индивидуального и массового характера, так как право на это достоинство признается равно за всеми.

Но вот о чем нельзя забывать: на фоне всеобщей увлеченности подвигом легче проникать к своим жизненным позициям тем, кто старается не порадовать всех, а обмануть. Наше общество идет к своей высокой цели неторной дорогой. И наивно думать, что такая дорога может обойтись без выкрутасов отдельных лиц. Есть ведь и образованные «умники», которые обряжают свои эгоистические позиции демагогическими украшениями, причем иногда с временным успехом. Они говорят, что работа на общее благо не оставляет им ни сил, ни минуты для заботы об одном человеке. Или что, мол, время бежит, летит, и о красоте поступка думать некогда, важно, для чего и зачем. А за невниманье, за грубость, конечно, полагается критиковать и наказывать, но еще им полагается за все получать прощение, потому что они не для себя, а для других живут.

Враки! Для себя! А хитрые слова потихоньку пускаются в ход, чтобы не только приводить к оправданию хамства, но и выдавать его за героизм. И никому из этих «героев» некогда подумывать, что нормальный человек, глядя на них, начинает все грядущее видеть хамским и спрашивает себя: «А как же Лев Толстой, который считал, что жизнь станет лучше, если все люди станут лучше? Или Антон Чехов, писавший, что в человеке все должно быть прекрасно?»

Молодежь в состоянии ответить на этот вопрос, начав с самого простого. Вот, например... На комсомольских собраниях она может и должна принять решение— уступить места на транспорте людям постарше и в первую очередь женщинам. Сама придумает, как наказывать закоренелых хамов... нет, надоело, лучше сказать— увливающих хитрецов.

Я коснулся некоторых примеров явления, вторгшегося в нашу будничную жизнь, как вторгается в нее непогода. Оно будет, это явление, везде, где люди общаются. Так сказать, на миру. А здесь, между прочим, проходит добрая треть нашей жизни. Если прибавить рабочее место и время, то и половина. На миру люди всегда старались и стараются вести себя лучше— их видят и оценивают другие.

Еще говорят, на миру и смерть красна!

Давайте все вместе начнем безжалостно убивать хамство в его самых разнообразных проявлениях. И не останавливаясь, пока не уйдем. Уступим ему право раньше всех скончаться на миру!

СВЯТЫЙ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
 Специальные корреспонденты
 «Смены»

У «Уралмаш» по площади — город. В его цехах, лабораториях, службах, конструкторских бюро и отделах работают десятки тысяч людей. «Уралмаш» — это филиалы в других городах страны, свой научно-исследовательский институт, множество вспомогательных подразделений. Все это определило на сегодня статус «Уралмаша» как производственного объединения. Об объемах выпускаемой им продукции можно судить уже по тому, что оборудование с маркой УЗТМ работает более чем на 10 000 предприятий нашей страны, не считая зарубежных. Кроме того, завод выпускает мощные экскаваторы, буровые установки, агломерационные и обжоговые машины. Всего более 250 типов изделий.

Об «Уралмаше» написано немало книг, сняты фильмы. И поэтому рассказывать о его социальной биографии в журнальном очерке нелегко. Мы избрали иной путь — рассказать об истории «Уралмаша» через призму одной человеческой судьбы, похожей на десятки тысяч уралмашевских судеб, из которых в конечном итоге составила биография завода. Одна отличительная особенность жизни, о которой мы расскажем, в том, что она вписала в себя всю полувекую историю действующего завода. И даже больше.

Судьбу моего героя разделили его дети, а скоро разделят и внуки. Но не будем забегать вперед. И последнее. Публикуемые здесь фотографии взяты из семейного фотоальбома, который ведет Иваном Петровичем Литвиновым многие годы. Я попросил их у него, подумав, что снимки помогут зрительно воссоздать не только личную его судьбу и жизнь его семьи, но во многом и историю его завода. Хотя, на мой взгляд, различать их, пожалуй, не следует.

**«Главная задача
 на текущий момент...»**

В сентябре 1927 года Постановлением Совета Труда и Оборона местом постройки Уральского завода тяжелого машиностроения был утвержден район города Свердловска.

...От села Кузьмино Оренбургской области до Свердловска расстояние порядочное, и остается только гадать, каким образом в начале ноября 1927 года уполномоченный «Уралмаша» оказался именно там. Он был совсем еще молод,

**ЭТОТ КАДР СДЕЛАН НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ
 ИВАНА И АНТОНИНЫ.**

ПОЧТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ...

в коротком нагольном полушубке, буденовке и еще крепких сапогах. Уполномоченный предъявил мандат и потребовал немедленно собрать сельский сход. Литвиновы пришли на сход всей семьей — восьмером. К Ивану подсади его дружки Алешка Назаров и Иван Мязин. Уполномоченный сорвал с головы буденовку и, ткнув ею в пространство перед собой, крикнул:

— Братва, пришел черед додавить мировую гидру мощной поступью нашей тяжелой индустрии...

«Братва» — белобородые степенные мужики, сидевшие в первых рядах, — невольно поддалась назад, оглушенная уполномоченным, и напрочь забыла о жгущих пальцы самокрутках. А тот тем временем говорил о решении Советского правительства создать на Урале невиданные еще могучие заводы, которые помогут нарождающейся советской промышленности встать на новые, социалистические рельсы и глядя на которые «контра подохнет от зависти». Короткий же смысл выступления уполномоченного сводился к тому, чтобы известные своей пролетарской сознательностью кузькинские мужики помогли в расчистке площадей под будущие цехи Уральского завода. «Братва» покивала головами и постановила — людей выделить.

Ивану Литвинову и его друзьям исполнилось к тому времени уже пятнадцать лет, они были знакомы со всякой деревенской работой, ходили кандидатами в члены РКСМ. Весть о начинавшейся на Урале большой стройке они восприняли как призыв, обращенный непосредственно к ним. Спустя несколько дней бригада кузькинских лесорубов погрузилась на розвалыни и, провожаемая всем селом, выехала за околицу. В последних санях жались друг к другу трое юных добровольцев — Литвинов, Назаров и Мязин.

Я далек от того, чтобы полностью отождествлять поступок сельских парней, по велению сердца стекавшихся в ту пору сотнями на «Уралмаш», с подвигом строителей той же Боярки. Пожалуй, и сама ситуация была на уральской стройке не столь драматической. Но общность многих черт в портрете боярцев и первостроителей «Уралмаша» есть. Как, наверно, в портрете всего их поколения. Главная из этих черт — стремление по мере сил своим участвовать в грандиозном физическом и нравственном обновлении страны. Боярка. «Уралмаш». Магнитка. Звенья одной цепи, накрепко связавшей судьбу того поколения с судьбой Отечества.

На одной из фотографий, которую я нашел в архиве Литвинова, изображена расчистка леса под будущий завод. На оригинале можно разобрать темные борозды траншей контрольных шурфов, которыми проверялось наличие в зоне строительства плавучих песков, низ-

АЛЬБОМ

ТАК ВЫГЛЯДЕЛ
РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК
В НАЧАЛЕ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ.

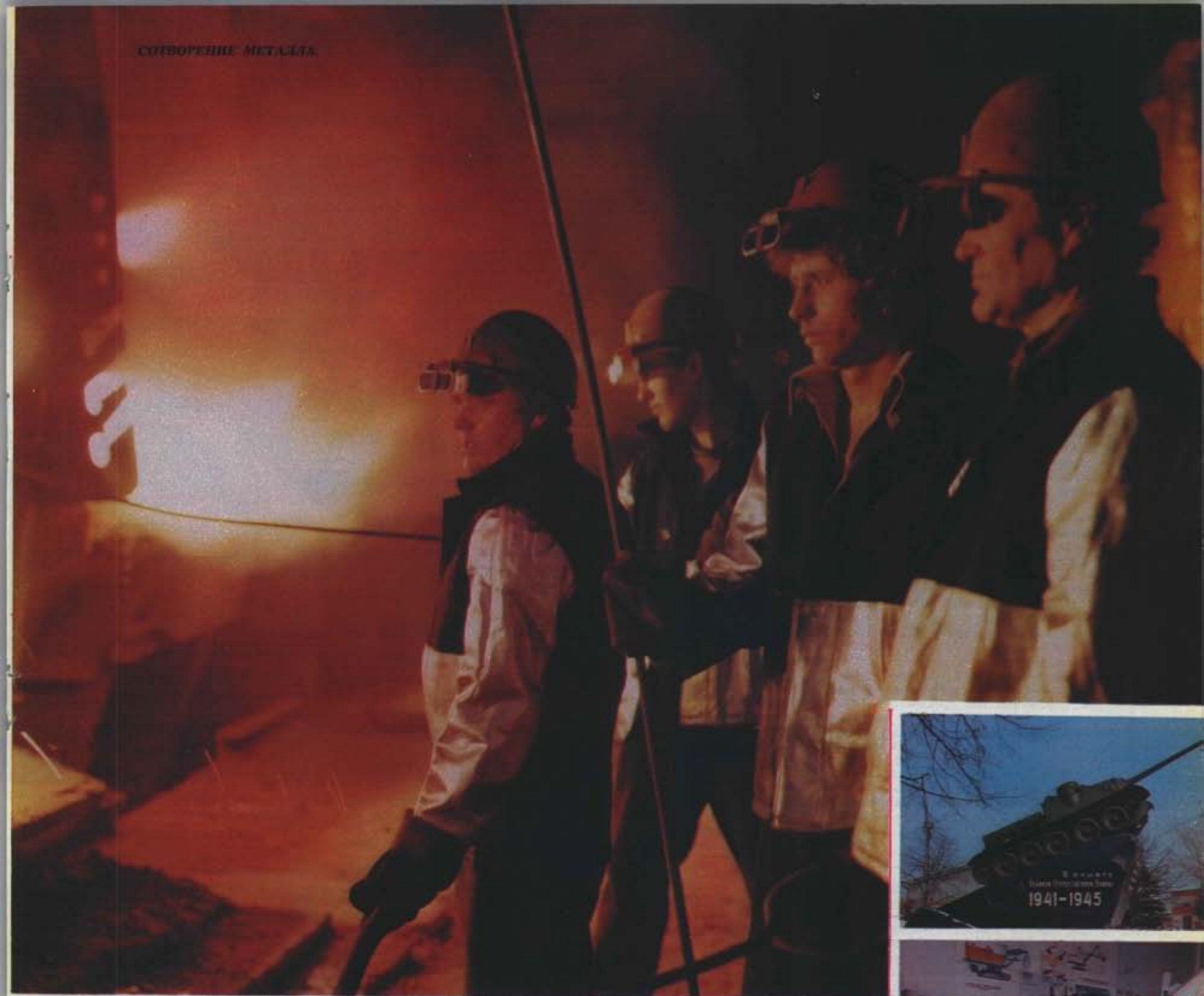
1935 ГОД. ЛИТВИНОВЫ
С ДОЧЕРЬЮ АЛЬБИНОЙ.

КОМСОМОЛЬСКИЕ СУББОТНИКИ —
ПРАЗДНИКИ СОЗИДАНИЯ.

кие жилые бараки, телеги, грузившиеся выкорчеванными пнями. На фотографии не было ничего, что хоть в какой-то мере указывало на ее принадлежность именно к будущему «Уралмашу». Точно так же могло выглядеть начало строительства Магнитки, Комсомольска-на-Амуре, Челябинского тракторного и десятков других строек первых пятилеток. И тем не менее это было начало именно «Уралмаша».

Однажды на участок к лесорубам завернул начальник «Уралмашстроя». До этого дня Литвинов столько слышал о легендарном Банникове, что, увидев его, оробел и уронил из рук скребок. Банников улыбнулся и спросил Ивана, в каком цехе будущего завода он собирается работать. Литвинов еще больше смутился и пожал плечами: «Не знаю. Хорошо бы в самом главном». Банников подмигнул:

— Там, где мы с тобой сейчас стоим, вероятно, будет большущий чугунолитейный. А рядом модельный. Так что выбирай на свой вкус, парень.

Там, где они стояли, тогда хлюпало жидкое месиво тележной колеи, по обе стороны которой рос лес и были навалены выкорчеванные пни.

Весной у Ивана прохудилась обувь, он простудился и слег с воспалением легких. Товарищи пробовали отпавить его травами, но больному становилось день

ото дня хуже. Как-то вечером, услышав хрип Ивана на нарах за занавеской, старшой их бригады рассудил, что надо везти парня домой, пока тот не помер. Его обмотали старыми одеялами, накрыли сверху рогожей и, положив на телегу, повезли на станцию. До Кузькина добирались долго. В пути к воспалению легких прибавился тиф.

Выздоровливал медленно. Ослаб до того, что не мог ходить без палки. Тут началась коллективизация, села бурлили, комсомольская ячейка направила Литвинова на раскулачивание. А потом надо было строить железную дорогу, пролежавшую неподалеку от их села. Но «Уралмаш» не забылся. Литвинов помнил про цеха, которые должны стать на месте лесных делянок, про то, что обещал Банникову работать в одном из них.

В начале тридцатых комсомол назвал пуск уральских промышленных гигантов главной задачей на текущий момент. Шестеро комсомольцев из оренбургского села Кузькино потребовали у райкома направить их на «Уралмаш». Это были уже не те вчерашние школьники, что ехали рубить лес под будущий завод четыре года назад, теперь они считали себя закаленными идейными бойцами, имевшими за плечами опыт классовой борьбы в селе и организованного труда.

Тем временем «Уралмаш» пережил очень трудный период. Функционеры из «Промпартии», окопавшиеся в Госплане, ВСНХ, в уральских хозяйственных органах, всеми силами старались сорвать строительство завода. Доходило до того, что финансирование «Уралмашстроя» фактически прекращалось, рабочим было нечем платить, они покидали Свердловск. Но оставались самые стойкие, коммунисты и комсомольцы. И продолжали строить, сконцентрировав усилия на цехе металлоконструкций. Ввод его в строй сулил ускорить темпы всего строительства, ведь многое для самого завода уже можно было бы делать именно в этом цехе. Но сколько можно сидеть на голодном пайке, спрашивать у поставщиков в долг каждую тонну металла, каждую сотню кирпича! И Банников едет в Москву. Вмешательство будущего наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе кладет конец неразберихе в финансировании. Рабочие возвращаются на

ВОЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ «УРАЛМАША».

ЗАВОДСКОЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР.

В НИИ ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ РАЗРАБАТЫВАЮТСЯ НОВЫЕ ТИПЫ МАШИН.

«Уралмаш», стройка вновь набирает темпы и уже не снижает их.

Встают каркасы цехов, заселяются первые жилые двухэтажки—основа будущего соцгорода, набирает мощность цех металлоконструкций, от города к заводу прокладываются железная дорога, трамвайная линия. Огромная стройка с жадностью впитывает новые методы монтажа, организационные формы работы. В ЦМК впервые в мире свариваются подкрановые балки десятиметрового пролета. Эта победа окрыляет, ведь даже у немцев сварная балка вдвое короче. Но заводу, стройке по-прежнему не хватает рук.

Эшелон с посланцами комсомола на «Уралмаш» встречает первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Косырев. Короткий митинг прямо на станции. Литвинов пробивается в первые ряды, чтобы не пропустить ни слова. Но что это? Секретарь ЦК комсомола говорит о том, что все они должны ехать в какой-то Ирбит учиться специальности. Значит, прощай, «Уралмаш»? Нет. Выучившись рабочей профессии, все добровольцы придут в новые цеха «Уралмаша», но уже не учениками—квалифицированными рабочими. Так считают нужным партия и комсомол.

И вот они в Ирбите. Там создана школа-завод, которая готовит кадры для «Уралмаша»: формовщиков, модельщиков, кузнецов, сборщиков, токарей. Педагоги—вчерашние рабочие уральских заводов, командированные в Ирбит Уралобкомом партии. Литвинов выбирает специальность модельщика, он с детства любит всякую работу по дереву, знает основы столярного дела. Будущие модельщики сплавляются в коммуны, сами ремонтируют общежитие, добиваются звания ударников быта, вызывают на соревнование за досрочное овладение специальностью соседнюю группу.

В мае 1932 года Литвинов уже дипломированный модельщик. Завод еще строится, но цех, в котором Ивану предстояло работать, уже пущен. Первый комсомольский цех завода—модельный. Литвинов отказался от отпуска, который полагался выпускникам, и пришел в цех.

«Нам хотелось сработать лучше»

Я оформил временный пропуск на завод спустя пятьдесят два года. И мы пошли с Иваном Петровичем Литвиновым в цех, где он начинал. Перед входом в модельный висела небольшая табличка. На ней в алфавитном порядке были вычеканены имена погибших на войне модельщиков. А первой стояла фамилия Героя Советского Союза Владимира Курочкина. Его имя сейчас носит Уралмашевское СГПТУ. Я уже знал, что они дружили—Литвинов и Курочкин, работали рядом, соревновались. Владимир прекрасно играл на губной гармошке. В обед около него собиралась молодежь, и начинались танцы. Он был веселый человек и очень хороший работник. Потом, став летчиком, он пилотировал самолет и воевал так же мастерски, как когда-то строил сложные модели.

Мы идем по большому пролету. Он почти не изменился с тех самых пор. Нет, конечно, прибавилось техники, стало светлее, усложнились модели. Но сами стены те же, что и полвека назад. И тот же запах дерева, и даже доска объявлений на том же месте. Только тогда на ней висели списки тех, кто первым отчислил из своего заработка в фонды помощи голодающим Поволжья и детским домам. А сейчас—предложение записываться в секцию тенниса.

Чем же был тогда, в начале тридцатых, модельный цех для завода? Он был его колыбелью. Отказавшись от многих закупок дорогостоящего оборудования у европейских фирм, завод сам оснащал себя машинами и станками. Больше того, уралмашевцы сразу же взялись за изготовление оборудования для Магнитки, Челябинского тракторного и других рождающихся индустриальных ги-

гантов. Многие создаваемые машины не имели отечественных, а порой и мировых аналогов, стало быть, большинство деталей к ним приходилось кроить впервые. Заметим, что и по сию пору «Уралмаш», делая уникальные машины, не изменил своему изначальному статусу отца заводов. Но, прежде чем отлить эти детали в металл, необходимо изваять их точную копию из дерева, получить модель, рукотворный оригинал. И модельщики одного из первых уралмашевских цехов творили невозможное—создавали формы столь высокого качества, что иностранные спецы потом, глядя на металлические отливки, только восхищенно ахали.

Кто же были эти люди? Вчерашние мастеровые кустарщики, землепашцы, пастухи, прошедшие ускоренный курс рабочих наук в Ирбите, как правило, плохо знакомые с теорией, но жадные до практики. Они знали, что качество их моделей—это качество чугунных и стальных деталей, значит, и качество машин, а в конечном итоге—работоспособность советской индустрии. Такими масштабами они мыслили. И не меньше.

15 июля 1933 года «Уралмаш» вступил в строй действующих предприятий. Означало ли это, что закончилась стройка? Нет, стройка продолжалась, возводились новые и новые цеха, благоустраивалась территория завода, жилого поселка уралмашевцев, названного соцгородом. Но это означало, что цеха, даже еще не остекленные, продуваемые насквозь всеми ветрами, уже давали плановую продукцию на сто и больше процентов. Это означало, что улицы соцгорода, лучами расходящиеся от площади Первой Пятилетки, уже обстроились домами уралмашевцев. Каменными, каркасными, щитовыми, бачного типа. Но уже домами, а не избушками и землянками, и что есть уже первые детские сады, школа, клуб, магазины. И шоссе уже соединило соцгород с центром Свердловска.

Рассказывал Литвинов о том периоде много. Но как избирательно человеческая память! Иван Петрович в деталях помнил о том, как кроил он со своей бригадой первую модель станины прокатного стана, какое брал дерево, каким пользовался инструментом, как выверял сферы. Помнил, что однажды ночью в цех приехал нарком отрасли Серго Орджоникидзе и о чем тот разговаривал с модельщиками. Но зато Литвинов напрочь забыл, какая у него была тогда зарплата, сколько раз в день он ел, что из мебели стояло в его комнате. Потом, правда, с трудом вспомнил, что в общежитии был у них репродуктор, «черный, тарелочкой, почему-то трещал немилосердно». А зарплата? Разве это так важно? Была, конечно, но не шибко большая. Да и не зарплатой человек мерился—делом своим.

Еще в 33-м он возглавил первую комсомольскую бригаду модельщиков. Сдав контролерам очередную крупную деталь, модельщики бежали в соседний, чугунолитейный, смотрели, как отливают их форму в металл. Это были минуты праздника—дотронуться ладонями до еще горячей детали. А уж если удавалось увидеть потом эту деталь в собранном узле, то радость и вовсе была безграничной. «Ради этих мгновений, казалось, и жили,—скажет мне Литвинов.—Видишь дело рук своих в большой машине, представляешь ее в работе, такой подъем охватывает, что горы готов свернуть. Каждую следующую деталь нам хотелось сработать еще лучше, быстрее».

Они жили в комнате шестером: шесть самодельных топчанов, три тумбочки, один утюг, один чайник, один галстук, одна балалайка и гармонь. Все делили между собой поровну, жили коммуной.

Субботники и воскресники были неотъемлемой частью их жизни. Повторяю, завод продолжал строиться. И каждый уралмашевец, тем более комсомолец, считал своим долгом отработать как минимум несколько часов в неделю на рытье траншей и котлованов, на озеленении, на расчистке территории.

В 1934 году Литвинов приехал в родное Кузькино в отпуск, познакомился там с Тоней, работавшей в селе учительницей, и вскоре посватался. Завод дал молодой семье шестиметровую комнату. Да и как не уважить бригадира одной из лучших комсомольских бригад модельного цеха, активиста, первооткрывателя. В той комнате, узкой, как пенал, родилась дочь Альбина. Спустя два года перебрался в десятиметровую, в капитальный дом: газ, вода, все удобства. Живи да радуйся. В семье Литвиновых вновь прибавление, подряд два сына—Юрий и Анатолий. Антонина Николаевна работала в заводской школе, непосредственно на «Уралмаш» она перейдет уже позднее.

Новые времена, новые увлечения. Номера многотиражной газеты «За тяжелое машиностроение» пестрят сообщениями с культурного фронта. Заводские пушкинские чтения собирают огромную аудиторию; администрация вынуждена выделить завзятым театрам спецтранспорт для доставки их вечерами в городской театры; массовое увлечение парашютным и стрелковым спортом, дальними походами, авиацией.

Завод принимает встречные планы, основываясь на личных встречных обязательствах уралмашевцев. Это означает досрочные поставки аглоборудования для Кузнецка, мощных экскаваторов для Комсомольска-на-Амуре и Прибалхаштострой, шахтных подъемников для Дальнего Востока и Донбасса, досрочный ввод в действие станов холодной прокатки на «Серпе и молоте». Бригаде Литвинова поручают особо почетное задание—изготовить модель фирменного знака «УЗТМ» для мощного непрерывнозаготовочного стана «Трио-800», названного «образцом промышленной техники нового века». Бригада заслужила это поручение. Она выполняет норму на 160—170 процентов, все члены коллектива участвуют без отрыва от производства. Заканчивает техникум и бригадир.

Но время неумолимо отсчитывало последние мирные месяцы.

«Все для фронта...»

О начале войны Литвиновы узнали в парке, куда ходили гулять всей семьей по воскресеньям. К ним подбежала девочка и, остановившись, залюбовалась собранным букетом цветов.

— Нравится?—спросил ее Иван.
— Да,—кинула она и заплакала.
— Что ты плачешь?—спросил он девочку.

— Потому что война началась. Иван схватил малышек в охапку и побежал в поселок. Улицы были полны народу. Женщины плакали. А мужчины шли на завод. Литвинов оставил детей дома с женой и тоже пошел в цех. Пошел, чтобы разделить с ним обрушившуюся на них беду. Тогда и было только два места, куда шли мужчины,—на призывные пункты или на свои заводы. Дома Литвинов появился только спустя две недели.

«Уралмаш» перешел на выпуск военной продукции сразу же. Постановлением Совнаркома заводу поручалось изготовление бронекорпусов и башен для танков. Сроки на перестройку производства отводились минимальные. Танки Урала должны были остановить стальную гитлеровскую лавину, превзойти ее мощью и огнем. Перейти на серийное производство заводу, специализировавшемуся на выпуске несерийных машин и узлов, крайне сложно. Но «надо» тогда звучало как приказ. И уралмашевцы свершили чудо, переведя цеха на военные рельсы, перестроив технологию в поистине фронтовом, героическом темпе.

Одним из первых взялся за изготовление военных заказов модельный цех. Это были модели башен КВ. Длина каждой 2900 миллиметров, допуски минимальные. Литвинов, уже назначенный контрольным мастером, прикреплен к нескольким бригадам. Ни он, ни рабочие не выходят из цеха, пока модели не

готовы. Спали в красном уголке по очереди, когда уже были не в состоянии держать инструмент. Не хватало разномноженных чертежей, эскизов, просто элементарного опыта. На помощь приходила уралмашевская смекалка, привычка иметь дело с постоянно обновляющейся продукцией.

Первые отлитые в земляные формы башни оказались не слишком прочными: в тело брони попадала земля, нарушалась структура стали, образовывались раковины. У этого метода были и другие несовершенства — для каждой башни требовалась своя деревянная модель, амбразурное окно из готовой башни приходилось вырезать автогенем, тратить на это драгоценное время, дефицитный ацетилен. Огромное количество броневой стали, вырезанной из башни, шло в переплавку.

Еще в первые месяцы войны Литвиновых уплотнили. Урал тогда принимал не только эвакуированные из центральных областей заводы, но и сотни тысяч рабочих, семей военнослужащих, детей. Соседом Литвинова оказался военный, испытатель танков Николай Пермяков, человек молчаливый, тихий, вечно занятый своими мыслями. Приезжая с полигона, он подолгу не ложился, курил на кухне. Однажды Литвинов вышел к нему, сел рядом, собравшись с духом, поинтересовался:

— Ну как там наша продукция?
Пермяков ответил не сразу. Откровенничать на эту тему можно не с каждым. Но этот был свой, уралмашевский.

— Нормально. Отличная техника. Только вот башни. Хлипкие, понимаешь, не выдерживают лобового выстрела. Мы уж конструкторам докладывали, говорят, что думают... А немцы под Москвой, Ваня, так-то...

Конечно, не все башни после отливки получались некачественные, но даже если единицы! Ведь эта сталь защищала сыновей, братьев и отцов тех, кто ее делал. «Башни должны быть надежны-

ми, и точка!» — постановили на заводе. Над решением этой задачи бились сотни людей, от ведущих конструкторов до простых рабочих.

Тем временем комсомольская организация «Уралмаша» распространила листовки-обращения с призывом: «Товарищи изобретатели и рационализаторы, стахановцы и служащие! Внесите ваши изобретения и рационализаторские усовершенствования в фонд обороны страны...» Литвинов прочел и положил в инструментальный ящик одну из этих листовок.

Никогда еще в истории завода техническая мысль рабочих масс не была столь активной, как в первые военные годы. Технологические новации, предлагаемые уралмашевцами, пронизывали все производственные процессы, все более и более ускоряя выпуск военной продукции. Одним из замечательнейших достижений завода стало внедрение уже в 1942 году скоростной автоматической сварки корпусов танков. Ведущие американские военные фирмы пришли к этому спустя годы. А закаливание заготовок для танковых траков методом «бутерброда»! А рекордные съемки стали с квадратного метра пода печи, так и не перекрытые никем. Обо всем не расскажешь, ибо примеров технического, конструкторского творчества уралмашевцев, примеров величайшей рабочей организованности, трудового героизма были сотни, тысячи. Шла война, и завод тоже воевал. И по-своему держал оборону фронтовых рубежей. И наносил врагу удар за ударом.

В жизни каждого человека есть взлеты, его звездные часы, есть просто парение на определенной высоте. Одним из таких взлетов представляется мне период в жизни моего героя, когда он ночами работал над принципиально новой технологией отливки танковых башен. Осень первого года войны. Я уже рассказывал, что литье в земляные формы имело свои изъяны. Литвинов думал об этом не переставая. Поделил-

МАСТЕР И УЧЕНИКИ.

ся своими мыслями с Николаем Бурлаковым, тоже мастером модельного цеха, комсомольцем. Они стали работать вместе.

16 ноября 1941 года комсомольцы принесли в заводской комитет ВЛКСМ рационализаторское предложение. Суть его заключалась в том, чтобы отливать башни танков не в земляные формы, а в металлические, в кокиль, как называют это специалисты, с готовым амбразурным окном. Посоветовались с ведущими инженерами. Многие усомнились — получится ли? Да и за точность расчетов нельзя ручаться, ведь делал их даже не инженер, а мастер, у которого за плечами только лишь техникум. Это верно, только техникум. Но у этого мастера были уже два десятка принятых и внедренных рацпредложений. Да и время нынче горячее, каждый день на счету. Было решено попробовать.

Модель кокиля делали свои же модельщики, комсомольцы Василий Щербатов, Александр Титлянов, Александр Юрков. Литвинов и Бурлаков от них ни на шаг не отходили, едва возникала заминка — брались за инструмент. Дома в те дни Литвинов практически не бывал.

Первые две отлитые в металлический кокиль башни Литвинов пометил знаком «ОП» — опытная партия. И попросил соседа, собиравшегося на полигон, их не жалеть.

Вернувшись с испытаний, Пермяков разыскал Литвинова, оттащил от контрольной плиты, обнял. «То, что надо, Ваня. Стоят ваши башни, как заколдованные».

Уже потом будет подсчитана годовая экономия от внедрения рацпредложения двух мастеров. Она составит 2 миллиона рублей. Потом выйдут листовки с их портретами, потом в лабораториях точно определят, насколько упрочнилась структура металла, отлитого в кокиль, обнаружат дополнительный слой плотности, который приобретает такая отливка. Все это будет потом. Но никогда Литвинов не будет счастлив так, как в тот день, когда вернулся с испытаний и разыскал его в цехе Николай Пермяков. Остается добавить, что все причитающееся вознаграждение за внедрение рацпредложения № 1254, а оно было немалым, Литвинов и Бурлаков перечислили в фонд обороны страны.

Война была долгой. И еще многого она потребовала от уралмашевцев. И Литвинову предстояло испытать вместе со своими товарищами все, что на равные доли было поделено тогда между солдатами фронта и тыла: работу до изнеможения, недоедание, болезни, вызванные истощением. Все самой полной мерой. Но разве считаются любые жертвы чрезмерными, если через них вел путь к Победе?!

Однажды Литвинов потерял продуктовые карточки на месяц. Через три дня в доме не осталось ни крошки. Антонина Николаевна продала все, что оставалось ценного. Протянули еще три дня. Уходя на завод, Иван старался не смотреть на детей, они лежали под одним одеялом и молча смотрели ему в спину. Накануне истолкли и съели игрушечный корабль, сделанный из бересты. Днем у Литвинова был голодный обморок, он упал прямо на горячую опоку. Его подняли, привели в чувство. Вытянули из него признание о случившейся беде. Иван Александрович Иванов, начальник литейного цеха, отдал Литвинову свои карточки на сухой паек.

Вскоре его перевели на работу контрольным мастером литейного цеха, поставили на финальную приемку продукции, вручили клейма. Он отвечал за состояние оснастки для литья. Сдавал готовые картеры, головки, рубашки уже для знаменитых тридцатьчетверок под дальнейшую обработку. Вроде бы начальство, ходи себе посматривай, распоряджайся. Но не такое это было время, чтобы себя беречь, да и не такой Литви-

нов человек. Сам кантовал восьмидесятикилограммовые отливки со стеллажей и обратно, а чуть выдавалась свободная минута — лопату в руки, и спешил помочь формовщикам. Да и как им не помочь, если на формовке работали 15—16-летние подростки и женщины, а труднее работы в цехе не было. Но отцы и мужья их сражались с врагом, и они заменили их в цехе.

Литвинов показал мне полустершиеся буквы надписи на крановой балке главного пролета бывшего чугунолитейного, ныне цеха № 34. Я прочитал: «Все для фронта! Все для Победы!»

— Осталась, видите. Видимо, такой уж краской писали, что намертво. Да и правильно — пусть остается. Как память.

За успешное выполнение заданий ГКО, героическую, самоотверженную работу коллектива завода в годы войны по производству бронетанковой техники «Уралмаш» был награжден двумя орденами — орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

Последняя самоходная установка, вышедшая из сборочного цеха, была вознесена на чугунный постамент и стала памятником. В отливке постамент принимал участие и отличник танковой промышленности Иван Петрович Литвинов. И сфотографировался тогда около него. Но встал так, чтобы не загромождать надписи: «Снарядами, танками, тоннами стали уральцы священную клятву держали».

Жизнь продолжается

Война еще не кончилась, а заводу уже предлагалось сосредоточить усилия на восстановлении и развитии производства оборудования для черной металлургии, горной и нефтяной промышленности.

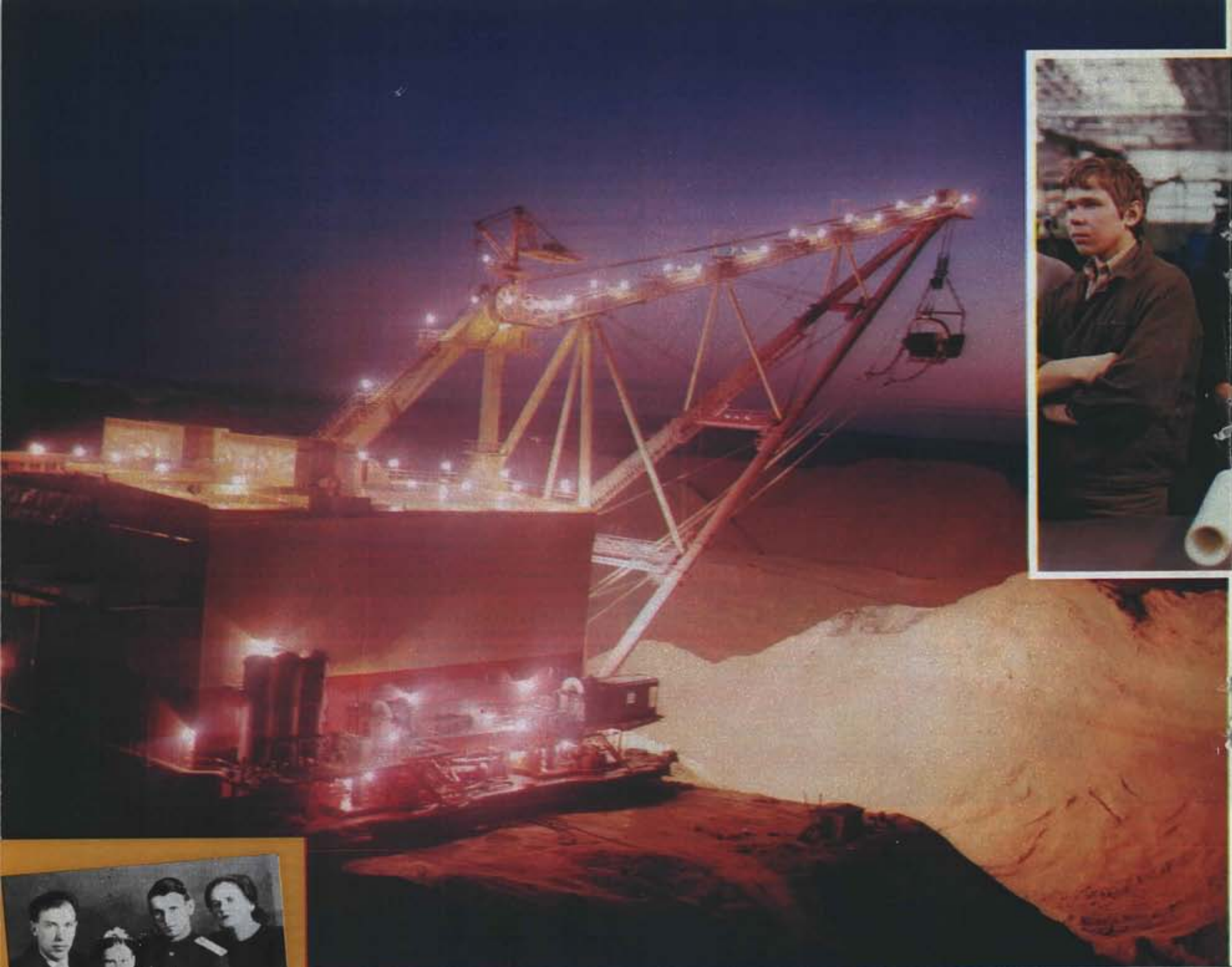
Необходимую перестройку производства вели на ходу, ни на час не прекращая выпуск продукции. В цехах монтировалось новое оборудование, станки. Одновременно строился новый огромный корпус, в котором налаживалась механическая обработка деталей, сборка мощных узлов для буровых установок, экскаваторов. Темпы перестройки были поистине военными, на установку и монтаж одного станка тратили пять-шесть часов, это при норме сорок — шестьдесят.

Преобразалось и чугунолитейное производство, где работал Литвинов, в цехе устанавливались более мощные печи, ковши, расширялись участки литья, приготовления форм. Предстояло отливать уже не детали — детали. И пошли, поехали во все края страны машины с маркой УЗТМ. Но это были уже машины мирного назначения, которые умели добывать нефть и руду из недр земли, плавить металл и обрабатывать его. И во многих из этих машин работали детали, которые промерил и пустил в дальнейшее производство мастер Иван Петрович Литвинов.

Есть в Литвинове какая-то святая неуспокоенность, неутомимость, заставляющие вечно бодрствовать его мысль. Говорят, что с этим люди рождаются. Не знаю, но похоже на то. Как рационализатор начинал Литвинов с усовершенствования простых инструментов. То придумает какой-то циркуль для вычерчивания больших чертежей моделей, то удивит товарищей, предложит закруглять углы форм, чтобы избежать раковин при отливке, то изобретет новый способ набора модели. Он не изобретал вечных двигателей, не витал в сферах ирреальных, он усовершенствовал то, к чему прикасались его руки и разум на практике.

Один только перечень рационализаторских предложений и изобретений Литвинова был бы равен объему целого очерка: их далеко за сотню. Не случайно именно Иван Петрович возглавил первое на «Уралмаше» цеховое общественное конструкторское бюро, в котором коллективная творческая мысль концентрировалась на решении неотложных практических инженерных и конструкторских задач. За немалые заслуги в изобретательстве ему было

присвоено звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Техническое усовершенствование коснулось едва ли не всех сфер литейного производства.

Это закономерно. «Уралмаш» переходил к иному, качественно новому уровню производства. Допуски, которые еще вчера устраивали заводское ОТК, сегодня уже устаревали. Отрасли промышленности, которые питал «Уралмаш», требовали все более мощных, технически совершенных машин. Делать их по старинке было невозможно, поэтому постоянное техническое перевооружение завода стало главной задачей его коллектива.

Здесь, полагаю, допустимо такое сравнение: одно из любимых детищ «Уралмаша» — шагающий экскаватор ЭШ-100.100, то есть со стрелой стометровой длины и стокубовым ковшом, получил гарантию на два десятилетия непрерывной работы. Журналисты называли его «восклицательным знаком отечественного экскаваторостроения». Думаю, что поторопились, знаки, тем более восклицательные, ставить рано, «Уралмаш» готовит еще более мощную машину. Но дело не в этом. ЭШ-100.100

уникален не только своими параметрами, он безукоризнен в эксплуатации, что значительно важнее. Гарантировать подобное можно, лишь основываясь на современной технологии всех звеньев производства, на стремлении каждого уралмашевца сделать свою работу не просто хорошо — отлично. В сравнении с первыми экскаваторами, выпущенными заводом, ЭШ-100.100 — это космический аппарат рядом с воздушным шаром. Но такой качественный рывок стал возможен лишь благодаря рабочему, творческому гению многотысячного коллектива.

Выйдя на пенсию, Литвинов не ушел с завода, не смог. Больше того, еще задолго до этого он стал корнем нового могучего уралмашевского рабочего Древа. И то, что сыновья Ивана Петровича, Юрий и Анатолий, пошли на отцовский завод, было запрограммировано самой жизнью, порядком вещей, которые они впитали от отца. У них был выбор. Но сводился он лишь к избранию специальности, ибо ни тот, ни другой не представляли себе что-то, кроме «Уралмаша».

Литвинов показывал мне детское сочинение старшего — Юрия. Называлось оно «Кем я хочу быть». Десятилетний Юрий писал: «Всегда буду работать на заводе. Пока еще не знаю, кем я буду точно. Может быть, как отец, буду работать в цехе, но больше хочу придумать разные машины. Только не знаю, получится это у меня или нет».

Спустя два десятилетия конструктор бюро спецмашин отдела прокатного оборудования Юрий Литвинов предло-

жил оригинальное решение пресножниц для резки металла. Ножницы весили 800 тонн, но впоследствии Юрию так и не пришлось иметь дело с более легкими машинами. Ныне у Юрия Ивановича уже 15 изобретений, 29 патентов, участие в разработке разного типа установок непрерывной разливки стали — гордости уралмашевцев. Анатолий, младший, стал слесарем-сборщиком высокого разряда, работает со сложным оборудованием, чуть ли не к каждому празднику получает благодарности. А скоро еще одним Литвиновым на «Уралмаше» станет больше, придет на завод внук Ивана Петровича Дмитрий, учеником в сборочный цех, грозится скоро «достать» деда по всем его показателям. Дмитрий — старший внук, а всего их у Литвинова пятеро, так что пополнение династии черпать есть из кого.

Ну а сам Литвинов. Как он? Где? В делах. Восьмой десяток разменял, а по-прежнему дома его не застанешь. Работает Иван Петрович мастером-наставником в СГПТУ № 1, что готовит молодую смену «Уралмаша», учит профессии будущих формовщиков. По-прежнему бодр, неутомим, целый день крутится в учебных мастерских. И откуда силы берутся, когда сам, смотришь, возьмется набивать опки, строгать модели, заливать формы металлом. «Но иначе нельзя, — объясняет, — ребятам надо показать живое дело, одним словом работе не научишь». Нравится Литвинову его нынешнее занятие, я это чувствую по тому, как он уважителен с подростками, как по-отцовски требова-

**ПЕРВАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА.
ЗАКОНЧЕНА МОДЕЛЬ СТАНИНЫ
ПРОКАТНОГО СТАНА.**

**И. П. ЛИТВИНОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЦЕХОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО.**

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ.

ШАГАЮЩИЕ ЭКСКАВАТОРЫ— ГОРДОСТЬ УРАЛМАШЕВЦЕВ.

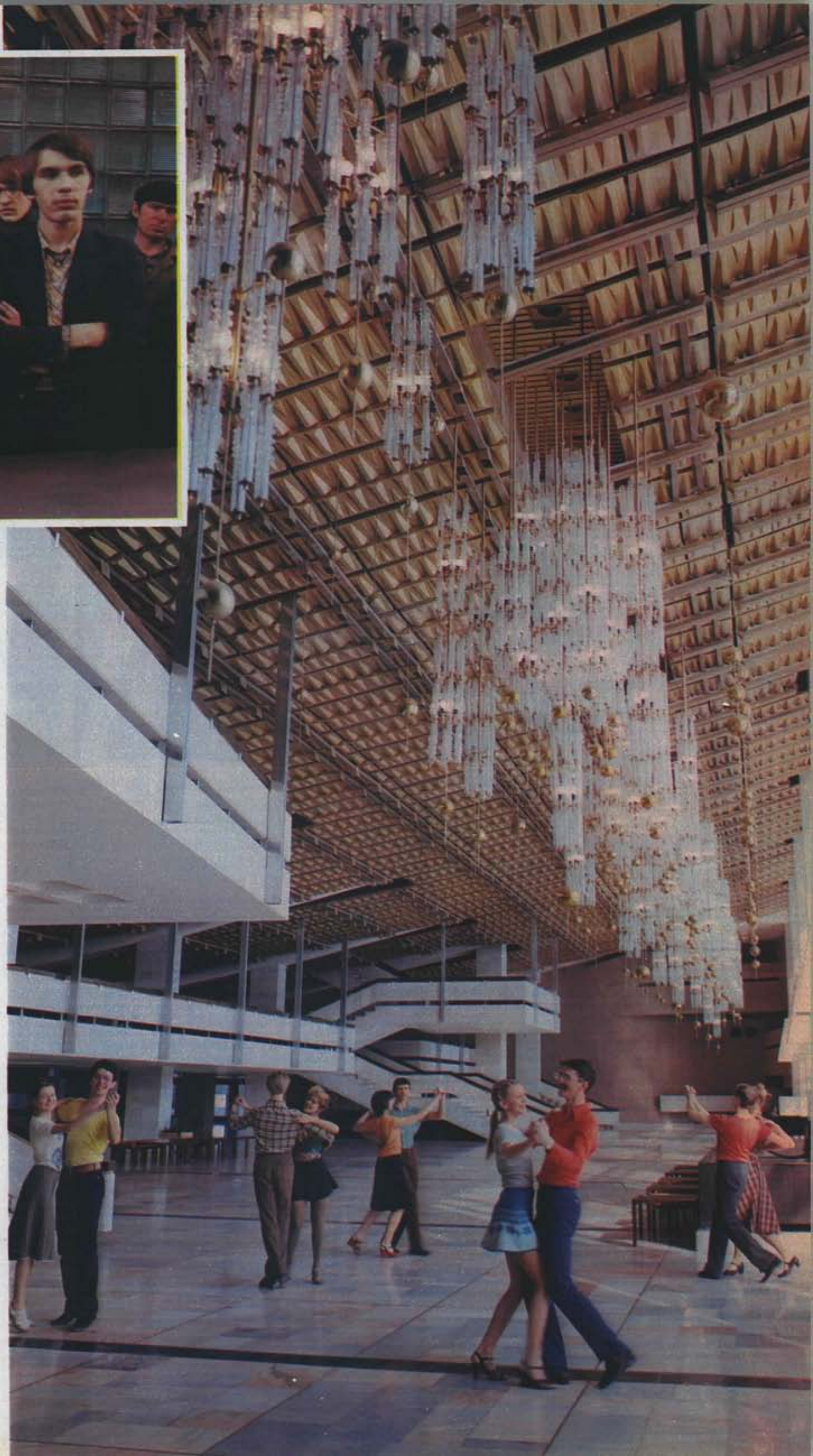
В НОВОМ ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ.

телен к ним. И они к нему так же, ведь Иван Петрович, кроме того что мастер отменный, еще живая история завода, с первого колышка на нем, ни в одной книге столько не прочтешь, сколько он знает.

Но и это не все. Литвинов активист музея завода, руководит советом ветеранов, вечно в разъездах. То в школе выступает с рассказом об «Уралмаше», то в воинской части. И плоды его общественной работы налицо—приходят ребята на завод, в СГПТУ после встреч с ветераном, заявляют: «Хотим стать уралмашевцами». А тут новое дело. Полвека заводу не шутка. Заводской комитет ВЛКСМ предложил отметить юбилей Всесоюзным конкурсом молодых рабочих. Приедут на «Уралмаш» соревноваться сотни представителей всех крупных предприятий страны. Надо подготовить станки, детали, чертежи. Кто поможет в этом деле? Кто же, если не ветераны. Звонят Литвинову.

Посмотришь издали—жизнь как жизнь: работал, кормил семью, воспитывал детей, состарился. Самая обыкновенная, как все. Но давайте задумаемся, сколько же в каждом из этих понятий высокого смысла. В каждом без исключения. Сколько просто труда человеческого, терпения, сердца надо для того, чтобы прожить вот так, прямо, честно, не прячась от самого трудного дела, не ища выгод, не требуя компенсации за свою, отданную заводу без остатка жизнь.

Пятьдесят с лишним лет каждый день шел он на завод и работал, делая большое, важное дело. Он никогда не задумывался о другой работе, потому что был уверен—его руки, разум, горение нужны его «Уралмашу», вступившему в жизнь вместе с ним, необыкновенному, могучему, прекрасному заводу. Он достоин своего завода. Потому что всегда отдавал заводу все, что мог. Отдал и самое дорогое—своих детей, воспитав их так, чтобы они тоже были достойны его завода. Разве все это не делает его жизнь необыкновенной? Разве не ставит ее вровень с подвигом? Простая жизнь. Чистая. Счастливая. Живут Литвиновы. Живет завод. И быть посему.

КЛУБ 'Музыка С ТОБОЙ'

«О таланте
нельзя много говорить,
его надо услышать.
Манана МЕНАБДЕ
действительно
уникальна.
Это настоящее искусство».

Аркадий РАЙКИН

РОДОМ

Мария РУСИНА

Я вижу сегодняшнюю Манану Менабде, которая виртуозно аранжирует песни, сама сочиняет музыку, с помощью своей гитары дает новое прочтение известных текстов, и пытаюсь представить черноволосую кудрявую девочку Манану, которая едва ли не меньше бабушкиной гитары, сразу не может всю ее обхватить и только зажимает струны на грифе. А бабушка перебирает струны, и вместе они создают мелодию, две руки на гитаре, маленькая и большая. От большой руки невидимые нити передают детской ручке весь музыкальный опыт Ишхнели, любовь и понимание музыки, связывают маленькую ручку на всю жизнь с волшебным инструментом. Сейчас они на равных выступают на одной сцене: бабушка и внучка.

В репертуаре Мананы не только городские романсы, грузинские и русские, из бабушкиной коллекции, но и песни самого разного плана. Поражает калейдоскоп авторов, стилей, направлений и то, как песни, поставленные рядом в одной программе, неожиданно начинают сочетаться, объединяются личностью исполнителя.

Я спросила Манану: как вы сами определяете жанр, в котором работаете?

«ПОЮЩЕГО ДОМА»

Если попытаться найти в биографии грузинской певицы Мананы Менабде ту важную точку отсчета, когда неосознанная тяга к творчеству становится призванием, делом жизни, то, пожалуй, это не получится: Манана выросла с песней, духовно ее взрастила музыка. Преувеличения здесь нет: в Грузии хорошо знают «музыкальную» фамилию Ишхнели, уходящую своей песенной родословной в далекие века; старшее поколение помнит великолепное исполнение «Светлячка» и «Сулико» квартетом сестер Ишхнели. Манана — внучка одной из сестер.

На концерте Мананы и ее бабушки одна старая грузинка рассказывала, что в Кутанси, где она жила в детстве, стоял дом Ишхнели. И очень часто ей и ее друзьям попадало от родителей, когда они задерживались после гимназии. Но как было удержаться, когда на пути стоял «поющий дом»? Два, три часа подряд просиживали они на ступеньках под окнами и слушали песни. Так и называли про себя путь из гимназии домой: ишхнелиевский проемжукот, а ступеньки — ишхнелиевские ступеньки. Рядом жило настоящее искусство.

— Называю его балладным. Хотя далеко не каждая песня, которую я пою, баллада. Тут важно, что для меня песня — пьеса. Поэтому я именно так ее интерпретирую. То, что я называю «балладный», — это мое внутреннее ощущение жанра.

Да, каждая песня Мананы Менабде — маленький моноспектакль, она его играет, она же режиссер. Наверное, тут сказывается артистизм натуры в самом широком смысле; к тому же певица окончила эстрадное отделение режиссерского факультета ГИТИСА. Другая же грань ее творческой индивидуальности, которую неожиданно для себя самой недавно открыла, — живопись.

— Могу точно назвать дату, когда это случилось, — рассказывает Манана, — 12 ноября 1980 года. Я была в Таллине в гостях, осталась одна в доме и, глядя в окно, вдруг на старых обоях начала рисовать крыши. Правда, они получились не столько таллинские, сколько тбилисские, но не в том дело. Не могу точно сформулировать, что именно случилось, но как боль, как температура осознаешь, чувствуешь, а определить не можешь, так и это. Я рисовала по тринадцать часов в сутки, теперь, правда, поменьше, но ежедневно часов

по семь занимаюсь живописью. Сначала была графика, изображающая пластику, — миниатюры, которые не нуждаются в прорисовке лиц, последние полтора года еще пишу маслом и расстаться с этим не могу. Зачем мне живопись? Я выступаю, пою, но получаю наслаждение только в ту секунду, когда создаю песню, потом это уходит. Тот Шопен, которого мы знаем, не Шопен, ведь его самого мы не услышим. И даже Шалаяпин каждый раз что-то изменял, если пел один и тот же романс. Пластика бессильна это передать, она — лишь экземпляр многократно создаваемого. В рисунке же для меня все, я получаю от него большее удовлетворение, потому что результат своего творчества ощущаю физически. Еще пишу стихи, правда, для себя. А к живописи отношусь, как к живому человеку, она меня освободила от многих комплексов, много мне дала. Может быть, я лучшим художником стану, чем певцом, но главное, что и поэзия и живопись сегодня мне помогают глубже выразить себя в песне, эти три искусства дополняют друг друга.

Странно, но слушаю, как Манана поет «Грузинскую песню» Булата Окуджавы, и кажется, будто она ее неторопливо создает на полотне. Низ-

кий голос, легкий грузинский акцент — и перед глазами синий буйвол, черная земля... Манана сама оттуда, из края орлов и виноградных лоз, и она тоже как бы часть этой песни:

«В темно-красном своем
будет петь для меня моя Дали,
В черно-белом своем
преклоню перед нею главу...»

Черно-белый костюм певицы и ее голос сливаются в одно ощущение Грузии, а за знакомыми словами словно проступают картины Пиромани. Раньше была убеждена: никто не должен петь песен Окуджавы, все равно не споем так, как он. Теперь вижу, что ошибалась, — Манана поет не так, но это очаровывает.

И пришлось удивиться еще раз: в репертуаре певицы — Булат Окуджавы, Семен Кирсанов, Анна Каландадзе, безымянные авторы, и вдруг неожиданно — Александр Вертинский. Для молодых он если не анахронизм, то уж, наверное, вчерашний день сцены, а тут его песня «Матросы», исполненная скорее задумчиво, чем иронично, зазвучала совсем иначе, даже современно.

— Манана, почему вдруг Вертинский?

— В искусстве должно быть больше исканий и находок. Я считаю, что

Вертинский — очень интересный поэт, если можно так выразиться, для меня он «цветной» поэт. Такого я еще не встречала: лиловый негр, желтый ангел... Понимаете, иногда бывают такие вопросы: что вы предпочитаете, классику или легкую музыку? Из классики мне очень близки Моцарт, Бетховен, Баха я обожаю, Берлиоза люблю, Стравинский — это космос какой-то; но я могу ответить: настоящее произведение всегда хорошо, я люблю хорошую музыку и поэзию. Очень ценю Маяковского. Как сказала Марина Цветаева, это поэт, который обогнал все, даже можно оглянуться и его не увидеть, настолько он вперед ушел. Кстати, сейчас я делаю цикл на стихи Цветаевой «Москва»; получится ли когда-нибудь Маяковский?

Я могу работать в каком-то одном направлении, балладном или романсовом, но мне кажется, границы здесь не может быть. Певец или певица обязаны уметь все. Для меня великие актеры те, которые могут сыграть и драматические роли и характерные. Диапазон должен быть широким.

Манана Менабде следует своему принципу. Ноги не стоят на месте, когда она темпераментно исполняет лихую шуточную песню «Продавщица» на испанском языке с традиционными веселыми выкриками. Песня эта не входит в постоянный репертуар, ее скорее можно отнести к эксперименту, тем не менее, когда ее слышишь, не устаешь восхищаться вокальными возможностями певицы. Что же для Менабде важнее в песне, драматическое начало или исполнительское, голос? Она очень высоко ценит таких абсолютно разных артистов, как Пиаф, Брель, Брассенс, наша Пугачева...

— Я не знаю, — отвечает Манана, — можно ли взять какой-то век и сказать, что голос там имел преимущество, а сейчас другой век, и он его не имеет. Думаю, что не может быть такого разведения. Иногда бывает, что у человека есть вокальные данные, и он не умеет петь, иногда — наоборот. Самый лучший пример — Луи Армстронг, у которого, если объективно подойти, не голос, а хрип какой-то, но как он поет, какой юмор, какая глубина! Но, конечно, вокальная база должна быть; ведь настоящий профессионализм прежде всего достигается работой. Я, например, хочу вскоре в Тбилиси обратиться к

педагогу консерватории, чтобы именно позаниматься «голосом».

В устах Менабде такое заявление о «повышении квалификации» звучит довольно неожиданно, ведь за ее плечами не только «школа» Ишкнели, годы сольных концертов, но и в начале пути выступления в составе ансамбля «Рэро». Однако «если талант беспокоит — ты работаешь», — говорит певица.

— Манана, как профессионал полностью ли вы принимаете современное состояние эстрадной песни?

— Нет, я считаю, что в ней мало-мало духовности и доброты.

— Хорошо, но ведь на первый взгляд многие юноши и девушки довольствуются ритмической стороной, а о чем поют, им не так уж вроде бы и важно?

— Дело не в ритме. Человек хочет выплеснуться и ищет для этого форму, но не все видит, что она может быть разной, и они дрыгают ногами, пытаются в этом найти себя.

— А ваше отношение к молодежной аудитории? Ведь вы в основном для нее поете. Не означает ли это, что вам для молодых легче петь?

— Нет, с молодежью, может быть, даже труднее найти контакт. Это аудитория очень требовательная, более информированная. Человек искусства тем более не имеет права потерять с ней взаимопонимание, иначе в своем деле ничего не добьется.

— А что вы ощущаете, стоя перед такой аудиторией?

— Человек на сцене очень виден, я прежде всего сознаю свою огромную ответственность. Ведь идешь с ними в ногу и одновременно воспитываешь, развиваешь вкус. Но тут — как с маленьким саженцем; надо действовать крайне осторожно, можно и сломать. Главное — быть добрым в своем искусстве, тогда оно будет понятно всем.

— Безусловно, потому что добро общечеловечно. Помните, вы исполняли на грузинском языке «Гимн любви» Инолы Гугулия и вначале не объявляли названия? Все, кто слушал, не зная ни слова по-грузински, поняли, о чем песня.

— Я считаю, что корнями надо очень крепко стоять на своей национальной почве, но при этом суметь стать частью древа интернационального искусства. Тогда твое искусство по-настоящему высоко. Я очень интересуюсь истоками грузинской песенности, откуда у нас такое природное четырехголосие, много пи-

шу о музыке (для себя пока что). Почему полифония именно тут? Конечно, есть традиции. Но я считаю, что и географические данные имеют большое значение. В Грузии природа многообразна, щедр, а все логически с природой связано, человек — ее часть, значит, и в себе он эту многообразность вывеляет. Отсюда, думается, и многоголосие.

Манана Менабде — натура в своем роде тоже полифоническая: в последнее время еще одним серьезным увлечением стало кино. Она впервые снимается, играет в новой картине известного режиссера Ланы Гогоберидзе.

— Что за роль у вас в этом фильме?

— Сколорох. Это своего рода символ. Со мной вместе играют молодые профессиональные актеры Амирам Амиранашвили и Рамаз Исоселиани и моя родная сестра. Основные линии будем вести мы, мы путешествуем на ослике, запряженном в маленькую

тележку, из одного города в другой и становимся связующим звеном между происходящими событиями, как бы предсказателями счастья и несчастья. Это как раз является решением фильма. Я, естественно, там пою и пишу музыку, песни для интермедий, а автор основной музыки — композитор Гия Канчели. Я считаю, что это очень интересный метод работы.

...И опять Манана Менабде в поиске, думает снять фильм уже как режиссер. Есть из чего выбирать, однако первую работу мечтает посвятить сестрам Ишкнели — своим истокам. Уже готов сценарий, он написан совместно с молодым филологом Тамарой Эбралидзе, дело только за временем, но я уверена, что эта работа будет создана с таким же вкусом и мастерством, как песни, рисунки Мананы, и станет еще одним талантливым проявлением яркой индивидуальности.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК КЛУБА «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Странное, на мой взгляд, происходит сейчас явление: многие ВИА вдруг превратились в рок-группы — так они подписывают себя на афишах. Музыка не изменилась, репертуар остался тот же. Так что это, погоня за модой?.. Мы много говорим об ансамблях без своего лица, не несущих ничего, кроме второсортного подражательства. Но порой известные и нашедшие себя коллективы вдруг стараются привлечь внимание упомянутым дешевым способом. Стоит ли размениваться? Ведь сколько возможностей определить истинные музыкальные вкусы, а не плестись вслед «бумовым» веяниям.

Николай СОРОКИН,
Зеленоград

ВОПРОСЫ О ДИСКОТЕКЕ. ВОПРОСЫ К ДИСКОТЕКЕ

Дорогие друзья, уважаемые читатели клуба «Музыка с тобой»! В ваших письмах часто рассказывается о дискотеках, о проблемах их деятельности. Действительно, дискотека за последнее время потеснила привычную для многих танцплощадку, попытавшись сделать форму активного, организованного досуга молодежи. Так ли удачна эта попытка? Точно ли и эффективно используются в связи с этим возможности нравственного воспитания молодежи? Не стала ли дискотека просто-напросто танцплощадкой? Но с крышей и атрибутами бара? Это не может не волновать.

И «Смена» предлагает вам ответить на некоторые вопросы:

1. Как называется дискотека, которую вы посещаете?

Близко ли расположена она от вашего места жительства?

В каком помещении?

2. Кто руководит дискотекой?

3. Легко ли попасть в эту дискотеку? Кто в ней бывает: узкий круг постоянных посетителей или широкий круг любителей музыкального досуга?

4. Что интересного и удачного в этой дискотеке?

5. Какие вы видите просчеты в организации программ?

6. Что вы предлагаете, чтобы ваша дискотека улучшила работу?

7. Как, по-вашему, успешнее распространять и внедрять опыт работы лучших дискотек?

ЧИТАТЕЛИ — ЧИТАТЕЛЯМ ПРЕДЛАГАЕМ ПРОВЕСТИ В КЛУБЕ КОНКУРС:

1. Десять лучших певцов.
2. Десять лучших певиц.
3. Десять лучших песен. Конечно, пазывать кандидатуры лучше по выступлениям в последнее время — 1982—1983 годы.

Надеемся, что такой конкурс заинтересует читателей «Смены».

С. Вазалаев, В. Бреев, И. Захарова, С. Левкин, В. Осетров, И. Пылаев, А. Петришина, А. Уразов, г. Каменка, Пензенская область.

Последний срок присылки ответов — 15 августа (по почтовому штемпелю).

ГУСАРСКАЯ БАЛЛА

Дорогие читатели!
Новая рубрика «Смены»
будет знакомить вас
с творческим наследием
замечательных
деятелей
нашего прошлого.
Мы начинаем ее
с публикации прозы,
стихотворений
и неизвестных писем
Дениса Давыдова.

Денис Васильевич
Давыдов —
одна из самых ярких
и популярных фигур
России
прошлого века,
легендарный герой
Отечественной войны
1812 года.
Друг Пушкина
и духовный товарищ
декабристов,
поэт-лирик
и талантливый
военно-исторический
писатель,
он оставил
заметный след
в нашей культуре.
Мы надеемся,
что в письмах
в редакцию
вы назовете
другие имена,
которые принадлежат
нашей истории, науке,
культуре и которые бы
вы хотели увидеть
в рубрике
«Хрестоматия «Смены»».
Ждем писем!

Рисунки Юрия ИВАНОВА

Сыну Василию:

«Мой век уже прошел; мне приходится считать
жизнь не годами, а месяцами. Твой век долгод...
Вспомни, что ты старший в семействе и что
после нас ты будешь главой семейства; так и
приготовляй себя».

26 сентября 1837 года.

Сыну Василию:

«Теперь пришло время тебе по-
думать о будущности. Шестна-
дцать лет есть истинное время
для размышления о ней. Употреб-
ляй на это ежедневно по полчаса,
вставая ото сна, и по полчаса,
отходя ко сну... Поутру опреде-
ляй, что тебе делать в течение
дня, а вечером дай отчет самому
себе, что ты сделал, если что
было не так, то заметь, чтобы
извлечь все то, в чем совесть
упрекает тебя. Повторяю тебе,
вот истинный момент опреде-
лить себе неколебимые правила
чести и от привычки ежедневно
соблюдать их, сродниться с ними
в три или четыре года, а там все
пойдет само собою. Почва, на ко-
торой ты теперь будешь прокла-
дывать путь, еще нова и чиста;
поздно будет как ее задаят
страсти почти всегда...

Я был молод как ты, но пламен-
нее тебя вдвое; что я говорю
вдвое? во сто раз; во мне играли
страсти более чем в других моих
товарищах. Сверх того я имел
несчастье жить часто и долго с
людьми развратными, увлека-
ющими меня к разврату, к коему
вместе с ними увлекали меня и
страсти мои — но я прошел чист и
неприкосновенен срадом и
грязью, сквозь этот проток сра-
да и грязи. Как я это сумел? С 16
лет моего возраста, именно с 16
лет (ибо я на 17-м году вступил в
службу) я сделал сам себе правила,
как вести себя во всю жизнь мою, и
держась за них как утопающий за
канат спасения, никогда не торгу-
ясь с совестью, не усыпляя ее
пустыми рассуждениями, и в мыс-
лях и в душе моей всегда хранил отца моего — до-
бродетельнейшего человека в мире, я хранил его
даже и после смерти его и сам себе говорил, как
иногда увлекаем был соблазнам: «Что батюшка
сказал бы, что бы почувствовал, если б я это
сделал при жизни его?» И все дурные помышления
мои мигом улетали, и ничто в свете уже не могло
свернуть меня с пути, мною избранного. Конечно,
все это мне ни к чему не послужило по службе,
но дурное поведение еще менее послужило бы мне в
этом деле. В течение почти сорокалетнего до-
вольно блистательнейшего военного поприща я
был сто раз обойден, часто забыт, иногда притес-
няем и даже гоним — но это не мое уже дело, это
было дело Судьбы; мое дело было служить ревност-
но, не глядеть по сторонам, чтобы не сравни-
вать судьбу мою с другими... И от этого не более
ли я приобрел счастье в итоге моей службы, чем
те, которые обошли меня? На мой удел пала
прекрасная репутация, на обошедших меня чины и
ленты; одно другого лучше; я с ними не поменяюсь.
Вот тебе пример живой, а не письменный, имей его
как попутную звезду перед собой и будешь
счастлив, если не наградою людей — то наградою
своей совести, что в миллион раз сладостнее и
восхитительнее — с ней легче живется и дышится,
чем в чинах и лентах с порочной душою и с
гадкими делами».

26 ноября 1837 года.

Публикуется впервые

Ранее известное нам эпистолярное наследие Дениса Давыдова теперь пополнилось письмами к сыновьям (1837—1838 гг.), а также письмами князю А.Б. Голицыну в связи с переносом праха Багратиона из села Симы на Бородинское поле. Документальные источники относятся к последним годам жизни Давыдова, а обнаружены они недавно в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Вниманию читателей предлагаются впервые. Предпошлем нашей публикации краткую справку.

У Дениса Васильевича было пятеро сыновей: Василий, Николай, Денис, Ахилл, Вадим — и одна дочь — Юлия, самый младший ребенок в семье. В последние годы своей жизни он со всем своим многочисленным семейством постоянно проживал в селе Верхняя Маза Симбирской губернии (ныне Радищевский район Ульяновской области) в имении своей жены Софии Николаевны, урожденной Чирковой. Это был заботливый, искренне любящий отец; он стремился привить своим детям с ранних лет самые лучшие качества: честность, правдивость, порядочность во всем, трудолюбие, любовь к Родине и к знаниям, верность гражданскому долгу.

В письмах Дениса Давыдова к сыновьям Василию и Николаю, учившимся в Петербурге, содержатся мысли, выходящие за рамки обычных родительских наставлений, они представляют собой своего рода нравственный кодекс для вступающего в самостоятельную жизнь молодого человека.

О Голицыне. Князь Александр Борисович Голицын, племянник Багратиона, — в то время владимирский предводитель дворянства; ему принадлежало село Симы, где поначалу был захоронен герой Отечественной войны 1812 года.

С Денисом Давыдовым князи связывала давняя дружба, родившаяся на полях сражений.

ДА ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Сыну Василию:

«...Меня беспокоит теперь бесхарактерность твоя — и когда? Когда тебе уже 16 лет от роду! С самой нежной молодости твоей я не переставал говорить и толковать тебе, что мундир как бы ни был красив и чин, как бы ни был высок, не дает познаний, необходимых для военного человека. Немного наплавает корабль без балласта! А как балласт для корабля, так и характер для человека... Тебе пора уже подумать о серьезном, не все думать о рейтузах и мундирных отворотах, что истинно смешно и жалко...

Вся, повторяю тебе не гляди на других, а гляди на самого себя и управляй парусами и рулем своего собственного корабля, не заботясь о тех, которые в одной с тобой эскадре. Пустая молодость всегда падка к пустым весельям и наслаждениям; честолюбивая, с высокими чувствами молодость любит серьезные занятия, — не для того чтобы они были привлекательнее тех, которые более сродни с молодостью, а для того, чтобы серьезные занятия богаты следствиями в будущности и обещают гораздо более и высшее разряда удовольствия, чем рысканья в молодости по театрам и бог знает где!..»

(Письмо не датировано)

Сыну Николаю:

«Очень рад, милый мой Николенька, что ты получил 12 баллов за прилежание, теперь жду 12 баллов за поведение. Надо, чтобы одно от другого не отставало и шло рядом. Как неуч с горюшим поведением, так и ученый дурного поведения не полные люди и мало к чему могут годиться. Смотри же, старайся чтоб эти два качества шли рядом и радуй нас ими как теперь».

Конец 1838 года.

Публикация
Михаила ПОПОВА.

Князю Голицыну:

«Что делать! Расставаясь любезный друг князь Александр Борисович с прахом князя Багратиона, — и что еще скажу тебе? Этой разлуки виновником человек истинно и от всей души тебя любящий, а именно: я.

Я, как и ты, как все в душе русские, скорбили, что наш герой заброшен в пустынное место, тогда как бог знает, кого хоронят в Александрово-Невской Лавре; все скорбили, никто не возвышал голоса! Конечно тебя утешало то, что прах Багратиона у тебя в имени и это простительно, — но прах этот, ты сам знаешь, есть принадлежность отечеству, а не частного человека, и потому я никак не думаю, чтобы ты, зная, куда он теперь будет перенесен, огорчился этой для тебя потерей. Напротив, сколько я тебя знаю, ты верно радуешься, что Багратион ляжет на место, завоеванное им собственною кровью и жизнью. Славное место, возле памятника погибших за Отечество!

Я на днях получил множество официальных бумаг — от Клейнмихеля и от Министерства внутренних дел и от Нейдгарта — все с уведомлением, что Государь назначил меня сопровождать прах покойного Багратиона, от твоего села Симы до Бородина, с тем, чтобы я прибыл в Бородино к 22 июля. В конвое будет Киевский гусарский полк, которому назначено выступить с гробом 6-го июля, а 5-го в Симе. Но прежде еще проездом в Москву и в Петербург, я заеду во Владимир в течение мая, чтобы все устроить.

Как бы я желал застать тебя во Владимире! Я приеду туда может быть около 22 или 23 мая — будешь ли ты там, или мне искать тебя в Петербурге? Отвечай мне в Мазу Симбирской губернии Сызранского уезда, — и поцелуй за меня у княгини ручку. Преданный тебе Денис Давыдов.
18 апреля 1839 года Мазы».

ВСТРЕЧА С ВЕЛИКИМ СУВОРОВОВЫМ

ИЗ «ВОЕННЫХ ЗАПИСОК ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА» (1793)

Семилетнего возраста моего я жил под солдатской палаткой при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкочетным полком, — об этом где-то было уже сказано. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства — в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска.

Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря? А тип всего военного, русского родного военного, не был ли тогда Суворов? Не Суворовым ли занимались и лагерные сборища и гражданские общества того времени? Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого? Его таинственность в постоянно употребляемых им странностях наперекор условным странностям света; его предпрятия, казавшиеся исполненными, как будто очертя голову, его

молниеносные переходы, его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках театра военных действий, — вся эта поэзия событий, подвигов, побед, славы, продолжавшихся несколько десятков лет сряду, все отзывалось в свежей, в молодой России полной поэзией, как все, что свежо и молодо.

Он был сын генерал-аншефа, человека весьма умного и образованного в свое время; оценив просвещение, он неослабно наблюдал за воспитанием сына и дочери (княгини Горчаковой). Александр Васильевич изучил основательно языки французский, немецкий, турецкий и отчасти италийский; до поступления своего на службу он не обнаруживал никаких странностей. Совершив славные партизанские подвиги во время Семилетней войны, он узнал, что такое люди; убедившись в невозможности достигнуть высших степеней наперекор могущественным завистникам, он стал отличаться причудами и странностями. Завистники его, видя эти странности и не подозревая

истинной причины его успехов, вполне оцененных великой Екатериной, относили все его победы лишь слепому счастью.

Суворов вполне олицетворил собою героя трагедии Шекспира, поражающего в одно время комическим буффонством и смелыми порывами гения. Гордый от природы, он постоянно боролся с волею всемогущих вельмож времен Екатерины. Он в глаза насмеялся над могущественным Потемкиным, хотя часто писал ему весьма почтительные письма, и сорился с всемогущим австрийским министром бароном Тугодомом. Он называл часто Потемкина и графа Разумовского своими благодетелями; отправляясь в Италию, Суворов пал к ногам Павла. Было ли это средством расчета, к которому он прибегал для того, чтобы вводить в заблуждение наблюдателей, которых он любил ставить в недоумение, или, действуя на массы своими странностями, преступавшими за черту обыкновения, он хотел приковать всеобщее внимание?

Если вся жизнь этого изумительного человека, одаренного нежным сердцем, возвышенным умом и высокою душой, была лишь театральным представлением и все его поступки заблаговременно обдуманы, весьма любопытно знать: когда он был в естественном положении? Балагуря и напуская на себя разного рода причуды, он в то же время отдавал приказания армиям, обнаруживавшие могучий гений. Беседуя с глазу на глаз с Екатериной о высших военных и политических предметах, он удивлял эту необычайную женщину своим оригинальным, превосходным умом и обширными разносторонними сведениями; поражая вельмож своими высокими подвигами, он язвил их насмешками, достойными Аристофана и Пирона. Во время боя, следя внимательно за всеми обстоятельствами, он вполне обнимал и проникал их своим орлиным взглядом. В минуты, где беседа его с государственными людьми становилась наиболее любопытною, когда он с свойственной ему ясностью и красноречием излагал ход дел, он внезапно вскакивал на стул и пел петухом, либо казался усыпленным вследствие подобного разговора; таким образом поступил он с графом Разумовским и эрцгерцогом Карлом...

И этого-то человека судьба позволила мне видеть и, что еще для меня лестнее, разменяться с ним несколькими словами в один из счастливейших дней моей жизни!

Вот как это было. ...Суворов командовал корпусом войск, расположенных в губерниях Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была в Херсоне. Четыре кавалерийские полка, входившие в состав корпуса: Переяславский конно-егерский, Стародубский и Черниговский карабинерные и Полтавский легкоконный — и стояли лагерем близ Днепра, в разных пунктах, но близких один к другому. Полтавский находился у села Грушевки, принадлежавшего тогда княгине Елене Никитичне Вяземской, после того, как уверяли меня, какому-то Стиглицу, а ныне — не знаю кому. Дом, занимаемый нашим семейством, был высокий и обширный, но выстроенный на скорую руку для императрицы Екатерины во время путешествия ее в Крым. Лагерь полка отстоял от дома не далее ста шагов. Я и брат мой жили в лагере.

В одну ночь я услышал в нем шум и сумятицу. Выскочив из палатки, я увидел весь полк на конях и на лагерном месте одну только нашу палатку неснятую. Я бросился узнать причину этого неожиданного происшествия. Мне сказали, что Суворов только что приехал из Херсона в простой курьерской тележке и остановился в десяти верстах от нас, в лагере одного из полков, куда приказал прибыть всем прочим полкам на смотр и маневры.

Я был очень молод, но уже говорил и мечтал только о Суворове. Можно вообразить взрыв моей радости! Впрочем, радость и любопытство овладели не одним мною. Я помню, что покойная мать моя и все жившие у нас родственники и знакомые, лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живого в доме и в

селе, собиралось, спешило и бежало туда, где остановился Суворов, чтоб хоть раз в жизни взглянуть на любимого героя, на нашего боевого полубога. Заметим, что тогда еще не было ни побед его в Польше, ни побед его в Италии, ни победы его над самой природой на Альпах, этой отдельной пиндарической оды, заключившей грандиозную эпопею подвигов чудесного человека...

До рассвета войска выступили из лагеря, и мы спустя час по их выступлении поехали вслед за ними в коляске. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовым? Бурные разливы ее всеминутно уходили от нас из виду, оставляя за собой один гул. Иногда между эскадронами, в облаках пыли, показывался кто-то скачущий в белой рубашке, и в любопытном народе, высыпавшем в поле для одного с нами предмета, вырывались крики: «Вот он, вот он! Это он, наш батюшка, граф Александр Васильевич!» Вот все, что мы видели и слышали. Наскучив, наконец, бесплодным старанием хотя однажды взглянуть на героя, мы возвратились в лагерь в надежде увидеть его при возвращении с маневров, которые, как нас уверяли, должны окончиться ранее, чем накануне.

И подлинно, около десяти часов утра все зашумело вокруг нашей палатки и закричало: «Скачет, скачет!» Мы выбежали и увидели Суворова во ста сажнях от нас, скачущего во всю прыть в лагерь и направляющегося мимо нашей палатки.

Я помню, что сердце мое упало, как после упало при встрече с любимой женщиной. Я весь был взор и внимание, весь был любопытство и восторг, и, как теперь, вижу толпу, составленную из четырех полковников, из корпусного штаба адъютантов и ординарцев, и впереди толпы — Суворов на саврасом калмыцком коне, принадлежавшем моему отцу, в белой рубашке, в довольно узком полотняном нижнем белье, в сапогах вроде тоненьких ботфортов и в легкой, маленькой солдатской каске формы того времени, подобно нынешним каскам гвардейских конногренадеров. На нем не было ни ленты, ни крестов, — это мне очень памятно, как и черты сухощавого лица его, покрытого морщинами, достойными наблюдения Лафатера, как и поднятые брови и несколько опущенные веки; все это, невзирая на детские лета, запечатлелось в моей памяти не менее его одежды. Вот почему не нравится мне ни один из его бюстов, ни один из его портретов, кроме портрета, писанного в Вене во время проезда в Италию, с которого вернейшая копия находится у меня, да бюст Гишара, изваянный по слепку с лица после его смерти; портрет, искусно выгравированный Уткиным, не похож; он без оригинального выражения его физиономии, спяц и безжизнен.

Когда он несся мимо нас, то любимый адъютант его, Тищенко, человек совсем необразованный, но которого он перед всеми выставлял за своего наставника и как будто слушался его наставлений, закричал ему: «Граф, что вы так скачете; посмотрите, вот дети Василия Денисовича». — «Где они? Где они?» — спросил он и, увидя нас, поворотил в нашу сторону,

подскакал к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена; поздравив нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?». Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава». — «О, помилуй бог, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего брата) пойдет по гражданской службе». И с этим словом вдруг поворотил лошадь, ударил ее нагайкой и поскакал к своей палатке.

Суворов в сем случае не был пророком: брат мой весь свой век служил в военной службе и служил с честью, что доказывают восемь полученных ран, — все, кроме двух, от холодного оружия — ран, издавна не получаемых; я не командовал ни армиями, ни даже отдельными корпусами, следовательно, не выигрывал и не мог выигрывать сражений. При всем том слова великого человека имели что-то магическое: когда спустя семь лет подошло для обоих нас время службы и отцу моему предложили записать нас в Иностранную коллегию, то я, полный слов героя, не хотел другого поприща, кроме военного.

Река и зеркало

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем,
чтоб плакать иль крушиться, —
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его;
Философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале
свой безобразный вид:
Ну в зеркало стучать,
и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид
в реке увидел он опять.
Как реку истребить? —
Нельзя, и поневоле
Он должен был
и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись!

Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твоё потопство:
Ты в ней найдешь еще себя».
Монарха речь сия
так сильно убедила,
Что он велел ему
и жизнь и волю дать...
Постояте, виноват! —
велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была
на басню походила.

1803

В альбом

На выюке, в тороках,
целницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять
в разложенные струны
И петь любовь, луну,
кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

Вечер в июне

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немного сумрака приосеняла дали.
Зарницы бегали за синию горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1826

На смерть NN

Гонители, он — ваш!
Вам плески и хвала!
Терзайте клеветой
его дела земные,
Но не сорвать венка
вам с славного чела,
Но не стереть с груди
вам раны боевые!

1827

Бородинское поле

Элегия

умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день,
день вековой славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные.
Счастливы горделивы
Невольным пахарем
влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой,
ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!
Прости мне длань свою,
Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой.
О, обреченный быть
побед любимым сыном,
Покрой меня,
покрой твоих перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю...
Нет отрыва! С полем
Умчался брани дым,
не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш,
склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

АЧТОУВАС?

«06?
Здравствуй!»

Толстяку
160 лет

Соло на
«тик-таке»

ПУШИСТЫЕ
РАДОСТИ

ВЫСТАВКИ

«Мы — в краю комсомольского подвига»

Экспозиция под таким названием открылась в Москве, на ВДНХ СССР. Материалы выставки рассказывают о молодых специалистах, об их работе и роли в освоении богатства Сибири и Дальнего Востока, других регионов страны, над которыми шефствует Ленинский комсомол.

Особый раздел посвящен столице газодобытчиков тюменского Севера — Новому Уренгою. Причем характерно, что представляют свой молодой город на ВДНХ именно молодые учителя, в чьих руках находится будущее края. Сейчас в школах города работает около двухсот учителей, из них почти треть — в возрасте до тридцати лет.

Страницы специально подготовленного альбома рассказывают посетителям выставки о жизни приполярного города, о роли наставничества в жизни молодежи, о том, как самые опытные уренгойские учителя Н. А. Семенова, Е. Г. Земцова, Т. И. Иванова и другие вместе с молодыми коллегами вновь и вновь ищут ответы на «вечные» вопросы — как зайти в класс, с чего начать урок, как завоевать авторитет у своих учеников?

Александра ФЕДОРОВА.
Фото Петра НОВИКОВА

ВРЕМЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Герои из меха

Специальным решением руководства таллинского производственного швейного объединения «Валтика» прессовщице Марине Нымме было выделено два килограмма обрезков искусственного меха. Одновременно друзья-комсомольцы подарили передовой работнице редкую книгу с выкройками всевозможных игрушек. Таким образом, основали про-

Игорь ТОМБУ

ИЗ ПРОШЛОГО — В БУДУЩЕЕ

Обновление потешной крепости

Потешная крепость — «Петерштадт» будет восстановлена после того, как в городе Ломоносове завершатся раскопки. Историки и археологи нашли на территории крепо-

сти остатки строения двухсотлетней давности: так называемые голландские изразцы, торцовые кирпичи и т. д.

Все эти находки позволяют точнее установить расположение и размеры стоявших здесь гауптвахты, дома коменданта, садовых сооружений, к возрождению которых приступают специалисты объединения «Реставратор».

Валерий НИКИФОРОВ

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

КНИГА ОСТАЕТСЯ ЖИТЬ

В личной библиотеке сельского учителя Василия Тихоновича Волобуева в основном собраны книги, изданные в XIX — начале XX века. Это дореволюционные издания Ломоносова, Фонвизина, Некрасова, Бунина, Фета, Крылова, Толстого.

Трудно назвать количество книг, имеющихся и имевшихся в этой удивительной библиотеке. Во-первых, в 1934 году, когда открылся Курский государственный педагогический институт, Василий Тихонович передал туда все, что касалось античной и древнерусской литературы. Во-вторых, примерно третья часть книг постоянно на руках. К сельскому учителю часто приходят коллеги, школьники, колхозники.

— А бывает, что книгу «зачитывают»? — спросила я как-то Василия Тихоновича.

— Конечно! — просто, без тени сожаления ответил учитель. — Но все равно книга остается жить. И кому она достается, это, по-моему, не имеет значения.

Нина СВИРИДОВА

изводственные трудности кружка мягкой игрушки в подшефной 19-й городской средней школе были разрешены.

Бывшая выпускница, затем пионервожатая, а ныне руководитель кружка Марина Нымме приходит в школу, как всегда, в понедельник, по вечерам. И пока старшие девочки-шестиклассницы вполне самостоятельно создают из обрезков ткани забавные фигурки, Марина занимается с новичками-третьеклассницами: учит их адекватно шить и иглолку...

ДРУЖБА НАРОДОВ

Таджикские комсомольцы в Туле

Казалось бы, какая связь между тульским СГПТУ № 29, где готовят специалистов для шахт, и урожаем хлопка в Таджикистане? Оказывается, самая прямая. Один из районов горной республики постоянно страдает от засух, недостатка влаги на хлопковых плантациях. Было решено проложить тоннель от реки Нурек в область Дангары, чтобы напоить землю, обеспечить высокие урожаи ценной культуры. А как прокладывать тоннель, если нет проходчиков?

Вот тогда-то и послал комсомол Таджикистана своих лучших представителей в Тулу, в старейшее профтехучилище страны, где готовят рабочих различных горных специальностей. Самые опытные преподаватели занимались с группой таджикской молодежи.

И вот недавно на берега бурного Нулека вылетели преподаватели СГПТУ № 29 во главе с директором — Владимиром Тихоновичем Насоновым. Они будут принимать выпускные экзамены у таджикских ребят на месте, чтобы не терять драгоценного времени. Ведь Дангаринский гидроспецтоннель длиной в сорок километров должен быть введен в строй действующих уже в этой пятилетке.

Валерий ПЛЕШАКОВ

КРАЙ РОДНОЙ

ПАМЯТНИК В ОГОРОДЕ

Для того чтобы составить паспорт на новый памятник природы и взять его под охрану государства, специалистам Чечено-Ингушского совета Всесоюзного общества охраны природы действительно пришлось прийти на огород к М. Магоматову, жителю села Рошнгу.

Здесь у него с течением лет действительно выросло чудо природы — серебристый тополь с обхватом ствола на полуторамертвой высоте около шести метров. Высота тополя достигает двадцати трех метров, а возраст его определяют в сто шестьдесят лет.

Корни дерева настолько мощны, что земля вокруг бугрится полуметровыми валами, а кое-где от корневых отростков тянутся в небо «пращуки» числом более двух десятков.

Азамат ЕРГЕШЕВ

ТАЛАНТЫ

ТРИНЬГАН, МУРЗАН И ДРУГИЕ

Все инструменты оркестра, который организован не так давно в Кудымкаре, — флейта-«пэлян», сделанная из тростника, духовой инструмент «буксан», сплетенный искусно из берестяной ленты, глиняные самстульки — «ликалю», изукрашенная резьбой доска «пу-барабан», ударные инструменты «триньган», «мурзан» и «тик-так», — были когда-то популярны в этих местах, но с годами секрет их изготовления был прочно забыт.

До недавнего времени в специальных справочниках о них писалось неизменное: «встречается крайне редко». Однако теперь каждый может услышать старинную музыку, ис-

полняемую с помощью этих инструментов, на концертах фольклорного ансамбля Коми-Пермяцкого автономного округа. Восстановили их по рассказам старожилов и сохранившимся рисункам сами артисты — двенадцать человек.

И что интересно: все народные инструменты встретились в одном ансамбле впервые.

Виктор КУКУШКИН.
Фото Владимира МАШАТИНА

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

ВЗАЙМЫ НЕ БЕРЕМ

Крупное предприятие цветной металлургии Рудного Алтая — Березовская обогатительная фабрика Иртышского полиметаллического комбината — переведено на полностью оборотное водоснабжение. Это значит, что свежая речная вода если и будет забираться у реки, то лишь для того, чтобы восполнить естественную убыль в фабричных гидросистемах от испарений.

Таким образом, миллионы литров иртышской воды ежегодно будут «возвращаться» реке.

Степан РАКОВ

...ИНИЦИАТИВА!

«Скорая» хозяйственная

Теперь стоит только кому-либо администратору, живущему и работающему в грузинском городе Поти, набрать телефон «06», как он попадет на «станцию скорой хозяйственной помощи». Например, директор местной швейной фабрики может сообщить сюда о том, что под угрозой выполнение плана реализации продукции. «Причина?» — интересуется обычно «скорая». «Железная дорога недоадаптивна контейнерам». «Ждите» — общается «скорая». «Пациент» кладет трубку спокойный, а сотрудники «скорой» тем временем набирают нужные телефоны. И вскоре на железной дороге раздастся звонок кого-нибудь из ответственных руководителей города: «В чем дело, товарищи?» И контейнеры оказываются, в конце концов, там, где они давно должны были быть.

«06» — это Потийское территориально-мехотраслевое объединение по управлению экономическим и социальным развитием города при исполнении городского Совета народных депутатов. Сотрудники объединения готовы немедленно прийти на помощь двадцати шести предприятиям округа в случае, если у них произойдет вдруг сбой в материально-техническом снабжении, нехватка воды или электроэнергии.

Суть работы «скорой» — не допустить местничества в хозяйственных отношениях, поощрить инициативу руководителей, укрепить их веру в надежность «плеча» соседней, смежной организации.

Георгий МАХАРАШВИЛИ

Я-СТЮАРДЕССА

«Уважаемая редакция! Я и мои подруги, давние подписчицы «Смены», с интересом читаем в журнале рассказы о людях самых разных профессий. Сами собираемся в будущем стать бортпроводницами. Нам бы очень хотелось узнать об этой профессии побольше.

Ольга КОПЫЛОВА,
Пенза»

Выполняя просьбу наших читателей, «Смена» попросила рассказать о своей работе бортпроводника инструктора Ленинградского управления гражданской авиации Галину Алкушеву. Монолог Галины записан корреспондентами непосредственно на борту самолета Ту-154 во время рейса Ленинград—Москва.

— Ну вот, кажется, все сели. Люда, посмотри в первом салоне—там женщина с детьми. Видишь, рядом с ними мужчина в тулупе. Им тесно и есть свободные места. Пересаживай его и предложи раздеться, что он парится...

Сложный это рейс Ленинград—Москва. Летим час, в горизонтальном же полете—всего двадцать пять минут, а технология та же, что и на дальнем рейсе. Какова технология рейса? Вот для вас рейс только начинается, а девочки уже давно в порту. За полтора часа в стартовом пункте—осмотр, потом к диспетчеру—за технологической картой. Это вроде шпаргалки—в ней весь полет по минутам расписан. За час до полета—на борт. Нужно проверить—в исправности ли электрооборудование, освещение, сигнализация, аварийно-спасательные средства.

На этом рейсе нас четверо, на многочасовом, с питанием—пять человек. Я—инструктор. Ну, конечно, я не просто руковожу, а помогаю девушкам на дальних трассах. Самый трудный момент—посадка. Это первое знакомство. Мы с пассажирами недолго видимся. Несколько часов от силы. А вот настроение и самочувствие в самолете очень и очень от нас зависят. И тут уж о собственном настроении надо помнить. Улыбайся и веди себя так, будто на праздник собралась, и все у тебя в порядке, на пять с плюсом, и уверена, что каждый, кто поднимается тебе по трапу,—прекрасный человек.

Ведь что такое бортпроводник? Это профессиональная хозяйка. Только гостей у нее много.

Вырулили. Сейчас взлетим. Идешь по салону, а кто-то строго так: «Девушка, почему на три минуты опаздываешь?» И ногтем по часам стучит. Объяснишь, что есть диспетчерское и командирское время, а для пассажира полет начинается, когда двери задраили. В этом рейсе технология немного другая—время поджимает. Обычно газеты или воду в горизонтальном полете предлагаем, а тут девочки подождут пять минут, одна информацию прочтет на двух языках, и за дело. Да нет, не трудно на взлете по салону идти, к этому привыкаешь.

Видите, как Вика идет? Молодец девочка. Казалось бы, недавно у нас работает, а все у нее получается отлично. Характер ровный, мягкая, приветливая. Не случайно в конкурсе «Авиасервис-82» первое место заняла. Это среди всех стюардесс Аэрофлота. Молодец. Смотрите, как идет хорошо, поднос красиво держит, а ведь он совсем не легкий. Улыбается. Что-то объясняет

молодому человеку, а может, отвечает на комплимент. Ничего, кстати, плохого в этом нет. Дистанция, конечно, необходима, но зачем же обрывать человека, который тебе приятно говорит. Стюардесса—она ведь женщина и немного актриса. Она должна нравиться, вызывать положительные эмоции. Это нам и психологи на лекциях говорят. Но—без любимчиков, ко всем—одинаково. И все же—к каждому отдельно. Конечно, трудно. Люди разные, и чувство меры у них неоднозначное. Но мы ведь не просто Галя, Вика, Наташа. Мы полпреды Аэрофлота. А один из его девизов—комфорт. В том числе и психологический.

А как нам необходимо самообладание... Вспоминаю случай с моей коллегой из Шереметьева Таней Тютякиной—она на международных линиях работает. Всем известно, как девчонки боятся мышей. Высоты, скорости не боимся, а от мышей в обморок иной раз упасть можем. Таня увидела на ковровой дорожке бежавшую ей навстречу мышку. Упала, если бы в руках не было

БОРТ-
ПРОВОДНИК
ОЛЬГА
БОНДАРЕВА.

УЧЕБА—НА ВОДЕ
И НА ЗЕМЛЕ.

подноса, уставленного блюдами и бутылками. А потом ведь столько пассажиров, и все смотрят на нее. Особенно два подвыпивших иностранца. Они-то и были авторами шутки—пустили по ковру заводную мышку. Смешно? Кому как, а стюардессе не очень.

А вот еще случай был. У бортпроводницы из Донецка Люды Колоцей. Вы же знаете, у нас всегда есть информация о местах, над которыми пролетаешь. Так было и в тот раз, когда ее Ту-134 пролетал над бывшими партизанскими краями. «Воздадим память тем, кто вел здесь в годы войны героическую борьбу против фашизма. Вспомним партизан Ковпака и Федорова»...—сказала по микрофону Люда и вышла в салон. А там увидела пожилого человека, и по лицу его слезы текут. Подошла к нему. «Вам чем-нибудь помочь?» «Спасибо, девушка. Вы мне уже помогли... вспомнить своих боевых друзей. Я Федоров».

Есть, конечно, и у нас свои сложности—профессия специфичная. Семья каждой женщине необходима. А как ее создать, если ты каждый раз на свидание опаздываешь? Глядишь, а он уже на землю подругу жизни себе нашел. Взять хотя бы моих девочек—их у меня тридцать. По-разному у них семейная жизнь складывается. Хорошо, если муж, дети понимают, поддерживают. А если нет? Впрочем, разве одни стюардессы подолгу вне дома? А геологи, полярники, артисты?

Ну вот, приземлились. Сейчас с пассажирами прощаться будем. Обратите внимание, как они начнут торопиться к выходу. И это несмотря на то, что мы каждый раз их предупреждаем, что пригласим к выходу сами. Торопятся на землю. А нам какво? Сейчас будут выходить. Скажут тебе спасибо, улыбнутся на трапе—значит, хорошо поработали, значит, все в порядке.

Окончен рейс. Вон пассажиры как резво к автобусу побежали. И парень, тот, который Вике развлекал, и женщина с ребенком, которому молоко разогревали. Кажется, все хорошо, вроде недовольных нет. Через час (эти мои часы, кстати, подарок министра в 78-м на Всесоюзном совещании работников сферы обслуживания вручен)—через час получим документы на обратный рейс... Девочки, забытых вещей нет? Ну и отлично. Всего доброго.

Монолог записали
Александр ЖУРИН
и Николай КУЗНЕЦОВ.

О ТЕМ, КТО ОТРАБАТЫВАЕТ ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕННИКОВ

Николай ЯКОВЛЕВ

В предшествовавших очерках мы коснулись общих принципов подрывной работы ЦРУ против СССР. Теперь посмотрим, как они выглядят конкретно. Известно, что усилия ЦРУ неизменно направлены на создание антисоветского подполья, где, по словам американской пропаганды, затаились прекраснейшие люди, ну просто идеалисты чистойшей воды. И все же, и все же: насколько искренни те в США, кто берет под защиту пресловутых «правозащитников»?

В выпуске трудов Американской академии политических наук, изданном в 1978 году, собран ряд статей о современном положении в мире. Сборник этот выпущен отдельной книгой под заголовком «Советская угроза: миф или реальность?» — разумеется, для специалистов. Директор отдела исследования СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета Д. Симс в служебных целях указал на громадный разрыв между деяниями выступающих против советского строя и представлением, создаваемым о них на Западе. В качестве самого яркого примера он привел подрывную работу Орлова и его сообщников.

«Американские средства массовой информации, — пишет он, — придерживаются мнения, что группа была создана для наблюдения за соблюдением Советским Союзом условий Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и ее члены подверглись несправедливому преследованию за законную деятельность. Факты, однако, несколько иные. Ряд заявлений группы показывает: ее цель... в том, чтобы дискредитировать за рубежом советский режим. Больше того, тон заявлений документов группы был в ряде случаев полемическим и враждебным к власти...»

Отнюдь бесполезно спросить, как бы реагировало большинство американцев, если бы в США объявилась группа диссидентов, притворяющихся, что заняты де наблюдением за соблюдением Заключительного акта, а ограничили свою деятельность только нарушениями прав человека в США, взяв на вооружение в качестве основного метода работы обращение к иностранным правительствам, включая недружественные... Члены такой группы встретились бы с крайней враждебностью в США. Некоторые из них стали бы объектом расследования ФБР и столкнулись бы с трудностями, если бы попытались поступить в государственные учреждения...»

Итак, в действительности группу наблюдения за соблюдением хельсинкских соглашений в СССР привлекали к ответственности отнюдь не за эту деятельность. Учитывая состав группы и характер ее заявлений, следует указать: ее цели были много шире. На деле группа стремилась подорвать позиции СССР на международной арене... Диссиденты бросили вызов коренным устоям советского строя...»

Я никак не предполагал, что упоминание и цитирование Симса вызовет грязно среди антисоветского охвостья на Западе. Мне и в голову не приходило, да и не обязан я знать, что под фамилией Симс скрывается выехавший по израильской визе из СССР некий Д. К. Симес. Судя по тому, что он подвизается в Джорджтаунском университете, он пришелся ко двору в антисоветском гадючнике. Вероятно, оказался полезным для тамошних спецслужб, трудоустроивших его. Несомненно, в их интересах он и сделал приведенный анализ деяний Орлова и его сообщников.

Матерые антисоветчики, однако, взвесьлись на Симеса по причинам, не составляющим секрета. Во-первых, они не в состоянии постигнуть логику американской психологической войны, хотя сами являются грубым орудием в руках западных служб. Во-вторых,

черная зависть соперников. Они из кожи вылезли, поливая грязью Советский Союз, — и на тебе! Оказывается, отъявленная брань оплачивается кое-как, живут впроголодь, а Симса взяли в университет. В-третьих, решили на моем примере раскрыть сатанинские замыслы советской «пропаганды».

Посему 18 сентября 1980 года редактор жалкого «Континента» Максимов в не менее жалкой газете «Русская мысль», что издается в Париже, тиснул статейку под гневным заголовком «Как вас теперь называть, господин Симес?». Воспроизведя рассуждения Симеса, приведенные мною, Максимов ядовито вопрошил:

«Откуда это? Из «Правды»? «Литературной газеты»? «Коммуниста»? Нет, дорогой читатель, это из сборника «Советская угроза: миф или реальность», выпущенного Американской академией политических наук. Автор — новый эмигрант из России Д. Симес, директор отдела исследований СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета. Во всяком случае, так его рекомендует известный погромщик Н. Яковлев (неоднократно шельмовавший в советской печати Сахарова и Солженицына) в своей книге «ЦРУ против СССР», опубликованной в минувшем году издательством «Молодая гвардия». «Товарищ Яковлев» делает вид, будто ему неизвестно, что упомянутый Симес по железным советским стандартам является «отщепенцем», «сионистом», «предателем Родины», покинувшим страну по израильской визе. «Товарищ Яковлев» цитирует «господина Симеса», как солидного американского ученого... Меня не удивляет наличие подобного рода «советологов» в среде нашей эмиграции (выглядело бы странным, если бы их не было), меня удивляет только, почему в «самой свободной прессе мира» так велик спрос именно на эту публику, откровенно представляющую за рубежом «товарищей Яковлевых»?»

Нет, не сообразил, определенно не сообразил Максимов, издающий на деньги ЦРУ тот же «Континент», в чем различие задач, которые ставят американские спецслужбы перед ним и Симесом. От «Континента» или «Русской мысли» американские хозяева ждут только злобы и клеветы в адрес Советского Союза. Симес же трудился не для широкой прессы, а, что я особо выделил, «в служебных целях», ибо для ведения подрывной работы клевета, то есть злоумышленное извращение советской действительности, совершенно бесполезна. В самом деле, нельзя же, посылая какого-нибудь тайного агента в социалистические страны, вооружать его «познаниями» о нашей действительности по максимовским писаниям. Провал будет неизбежен.

Восстановить «доброе имя» Симеса как яркого антисоветчика взялась его мама, направившая письмо в «Русскую мысль» с протестом против «Выпада Максимова». Газета, естественно, отказалась напечатать письмо мамы, адвоката Д. Каминской. В СССР она специализировалась на защите диссидентов и, естественно, о сынке судит не только с материнской гордостью, но и профессионально. Получилась снова накладка: функция, определенная официально спецслужбами для Симеса, — не оголтелый клеветник, а «аналитик». Когда же он выступает в роли клеветника (например, внештатным корреспондентом в Вашингтоне на радио «Свобода»), то загаживает эфир под псевдонимом.

Последнее сообщил тот же «Континент» в № 33, вышедшем во второй половине 1982 года. Журнал, надо думать, после внушений ЦРУ прекратить эмигрантскую bestоловщину, снизил накал обвинений Симесу. Теперь Максимов в качестве редактора

журнала удовлетворился тем, что укорил Симса (не Симеса!): написанное им нашло место «в документированном труде Н. Яковлева «ЦРУ против СССР»... Д. Симс явно потрошил Яковлеву. Чем? Симс, конечно, не очень виноват, ибо писал «в служебных целях», а вот «массовую аудиторию» Д. Симсу обеспечил Яковлев. Тираж второго издания его книги — это тысяч экзemplяров».

Ладно, пусть склочничают. Во всей этой трагикомической истории высветилось бесполезное признание: радители «инакомыслящих» на Западе отлично понимают, что их подопечные получают по заслугам за подрывную работу.

Автор обычно вступает в обратную связь с читателем. По ту сторону наших границ, как вы видели, на мою книгу посыпалась отборная и глупая брань, а у нас я приобрел друга — ленинградского журналиста. У Юры, так назовем его, есть хобби — детективная литература.

Попалась нам статейка детективного жанра под названием «Про шпионов», написанная двумя бывальными людьми. Оба в свое время потрудились в СССР во славу международного империализма, заработали сроки заключения, соразмерные содеянному, отбыли наказание и подались на Запад. Ничему не научились, ибо добывают ныне хлеб насущный клеветой на нашу страну. В этой, прямо скажем, сердитой статейке они задали жару западным спецслужбам (вероятно, и по собственному опыту) за каменное равнодушие к их агентуре, отловленной в СССР, и привели конкретные примеры по личным впечатлениям от встреч с этой публикой.

Один из описанных в статье, некий Храпцев, много лет назад дезертировал из Советской Армии и сбежал в Западную Германию.

«В ФРГ, — по словам сердитых авторов, — он окончил американскую разведшколу и в 1953 году получил задание проникнуть на территорию СССР и, кажется, в районе Северного Урала определить расположение атомных объектов. До эпохи искусственных спутников такую информацию добывали методом «камикадзе» — засылкой агентов внутрь страны».

Сразу после тайной высадки с моря Храпцев попался и был осужден.

В лагере, продолжают писаки, Храпцев все твердил:

«Я американский гражданин... В скобках отметим, что никаких реальных выгод от служения богатой и могучей державе он никогда не имел. О нем, видимо, забыли те, кто когда-то послал его на смерть. Когда в 1972 детантном году президент Никсон нагрел в Москву, лагерники сложнейшими путями передали друзьям на воле, а те — в американское посольство просьбу о помощи Храпцеву. Посольство долго навредило всяческие справки, потом пришел ответ: «Посольство США радо узнать, что мистер Храпцев жив». И все... Тяжка участь «американского гражданина»: навалилась на него чугунным задом страна его предков, отвернулась, забыла легкомысленная страна его мечты».

Просто жуть берет, когда читаешь о том, что случилось в конце концов с «мистером Храпцевым»: освободили по отбытии наказания, «поселился в сотне миль от Москвы», в одном городе. И что же?

«Упал на помощь богатейшей державы и остался в конце концов ниц и гол, словно Иов».

Пристыдили, значит, ЦРУ ссылкой на библию и указанием расстояния в милях от Москвы, может, поймут, «страдаец» под боком...

Мыкаются за решеткой два отпетых прохво-

ста—Григорян и Капоян. Отец Григоряна матерый мошенник. Прочно сел по уголовному делу. Сын надудался и пошел «мстить» — собирать и продавать через Капояна секретную информацию в ЦРУ. Продолжалось это дело, сообщают сердитые авторы, «бесперебойно около полутора лет. Однажды Капоян привез компаньону приятную новость: президент США выразил им личную благодарность за ценные сведения». Финал закономерен. На следствии предьявили неопровержимые улики — шпионские донесения. «Кстати говоря, — всплакнули авторы, — хитроумная бумага, на которой он писал свои донесения, оказалась вполне читабельной, хотя американцы клялись, что ГБ ни в жизнь не одолеет эту премудрость». За шпионаж суд определил положенные сроки.

Авторы сокрушаются:

«Одного из нас Капоян просил, прощаясь: «Напиши-те обо мне американцам. Может, они что-то смогут сделать для меня. Я честно на них работал и ни в чем не подвел. Все-таки их президент вынес нам личную благодарность — может, они об этом вспомнят».

Мы пытались напомнить устно — безуспешно, мы написали — безответно».

Не ответили, и кому! Как они считали, своим людям в ЦРУ. Написали эти разгневанную статью, тиснули ее в журнале «Континент» (№ 29 за 1981 год), укоряя ЦРУ со страниц подведомственного ему органа.

Мой ленинградский приятель прочитал статью и задумался. Потом встрепенулся и высказался в том смысле, что фамилии этих двух шпионов он где-то слышал. И решительно закончил: в Ленинграде наведу справки. Приехал он в Москву весной и, придя ко мне, молча положил на стол визитную карточку. На ней скромно, но со вкусом напечатано: «Ленинградский рабочий Репин Валерий Тимофеевич. Выпускающий еженедельника». И все потребное — телефоны, адреса. Я вскинул глаза на Юру — к чему это?

А вот Репин, скромно объяснил Юру, ныне опекает этих самых пойманных шпионов — Григоряна и Капояна! От него Юра и слышал как-то о них. И поведал мне историю поистине фантастическую. Было трудно сначала поверить, но факты — вещь упрямая. Оказалось, что радатель шпионов Репин еще находится в душевных отношениях с неким Любарским. Расстояние не помеха, в середине семидесятых годов Любарский выехал из СССР и ныне обитает в ФРГ, в Мюнхене. Кто такой Любарский? Юра вручил мне вырезку из газеты «Голос Родины», которая в феврале 1980 года напечатала статью В. Неймана. Вот часть ее, касающаяся Любарского:

«На дармовщину на Западе располагал Любарский, который в СССР вместо своей специальности астрофизика давно перекалвалифицировался в профессионального антисоветчика. Тогда он вертелся вокруг небезызвестного «фонда Солженицына», распорядителем которого по воле западных спецслужб был рецидивист Гинзбург. Они неплохо погребли руки около денег «фонда», а когда распорядителя власти разлучила с «фондом», для Любарского настали золотые деньки. Один из очевидцев так описывал времена, когда Любарский воцарился в бывшем доме Гинзбурга в Тарусе: «Диссидентские» ходки буквально заполонили Тарусу. Любарский делил их на значимых и незначимых, принимая первых с царской роскошью, не жалея иностранных деликатесов, других угощая стаканом чая... Жадные, корыстные, подлые, лицемерные — все это подходит к личностям «диссидентов», и я видел их именно такими, снявшими «маски» после ареста Гинзбурга... «Фондовый пирог» глотали не жевая, отталкивая друг друга, как свиньи от корыта... Доедая и проживая «фонд», они знали, что новых поступлений не будет, и все решили улизнуть за границу». Значит, к самому источнику благ.

Оказавшись у источника, Любарский впал в недоумение и теперь скулил в письме: «Большая, конечно, проблема для нас, эмигрантов, — это работа. Все блага жизни здесь в общем-то даются при единственном серьезном условии: надо работать не за страх, а за совесть, так как мы... работать не умеем. Синекур тут нет... Мы не умеем так работать, темпы, интенсивность не выдерживаются. В большинстве случаев наши эмигранты начинают жаловаться на неуверенность в будущем. Это, однако, их вина (точнее, их беда), ибо, получая что-то, надо уметь и давать. В Европе это еще не так остро. В Америке чувствуется сильнее. Места есть. Проблема — как занять их».

А каких займешь, когда тот же Любарский давным-давно отвык от любого труда. Ведь для него, по уши погрязшего в антисоветской болтовне, как следует из письма, «профессиональная работа уже не существует». Да даже если бы и существовала, перспективы найти понимание, скажем, в Австрии или Италии, равны нулю. По причине очень основательной: оглянувшись по сторонам, он заключил: «Своим хамством, рвачеством, вымоганием денег, воровством в отелях, жульничеством, грязью за несколько лет наша братия довела... венцев и римлян до состояния тихой ненависти к нам».

А на что тогда «астрофизик» живет?

Посему, высказал догадку Юра, и поселился в Мюнхене, где свили гнездо западные спецслужбы, в первую очередь агента ЦРУ. Отсюда Любарский, как видим, специалист по «фондам», какими-то тайными путями достал Репина. Итоги их договоренности Юра видел собственными глазами: скромнейший «выпускающий еженедельника» стал сорить деньгами. С большой серьезностью Репин навязался Юре (надо думать, не ему одному) с рассказами о том, что он «деятель» международной значимости, распорядитель «фонда Солженицына» по Питеру. Ошарашенный журналист (а что бы вы почувствовали на его месте?) отнес сказанное на счет безудержной фантазии. В ответ Репин вытаскил из тайника внушительную пачку денег, многозначительно заявив: «Тепленькая». Только что получил от какого-то иностранца. Юра онемел, а Репин закурил удали. Его понесло.

Посыпались имена, всяческие подробности. Вот тут и всплыли те два шпиона. Покопавшись в бумагах Репин извлек карточку «политических заключенных» в СССР. В числе самых «выдающихся» он и назвал этих шпионов. На карточке Григоряна значилась пометка Репина:

«Отказался во время своих действий, направленных на подрыв коммунистического строя, от платного вознаграждения, когда ему представители свободного мира ее предлагали за доставленную информацию. Пользуется среди многих заключенных репутацией осторожного, но весьма приятного человека, хотя существует и противоположное мнение».

О Капояне — «замкнутый». Эти курьезы с сохранением орфографии Репина Юра с его разрешения и списал, как и заключительную аналогичную фразу на обоих «объективах»:

«нуждается в материальной и моральной поддержке».

Памятуя о том, что ЦРУ отступилось от них, Юра подступил к Репину с вопросами — что за чертовщина, он что, с ума сошел, объявляя себя покровителем шпионов, да и не делая из этого особого секрета. Юра предрек ему неизбежное столкновение с законом. Надув щеки и не пряча блудливых глаз, Репин изрек нечто непонятное о «гуманизме» и понес околесищу насчет «узников совести» и прочего. «Где эти «узники совести?» — взъярился Юра. «Здесь», — хлопнул по пухлой карточке Репин.

Да, компания впечатляющая: Б. осужден за измену Родине. Семья порвала с ним. Пометка Репина:

«Нуждается в моральной поддержке, и желательно добиться, чтобы на его имя посылали от себя письма его дочь» (между прочим, 1967 года рождения).

Б. — убийца. Пометка Репина: «Мало развит. Требуется моральной и материальной поддержке, так как тяжело переживает свою отсидку. Желательна переписка внутренневоспитательного характера для приобретения уверенности и моральных истин».

В. осужден за измену Родине. Пометка:

«Помочь развить обширную переписку с земляками».

Г. — уголовник-рецидивист под кличкой «Люцифер».

«Помогать».

Е. пытался наняться в агенты ЦРУ.

«Ввиду своей стойкой позиции и участия в правозащитной борьбе... нуждается в усиленной моральной поддержке. Также материальной».

В. — бывший полицей, уголовник.

«Плохой отклонений от лагерной морали не замечено. Вроде порядочный (уточнить). Нуждается в материальной поддержке?»

Д. осужден за попытку организации бунта в воинской части. Пометка:

«Нуждается в ненавязчивой морально-материальной поддержке».

З. осужден за попытку угона самолета. Пометка:

«Занимался гомосексуализмом. Аполитичен. Нуждается в сильном моральном воздействии посредством писем».

К. осужден за шпионаж. Пометка:

«Убежденный антикоммунист. Встал на путь борьбы с целью помочь свободному миру. Нуждается в усиленной моральной и материальной поддержке».

Картина ясна. Репин по различным каналам выяснял контингент заключенных. Он, вероятно, не один выискивал судение о том, кому нужна пресловутая «поддержка». Но не все шпионы, убийцы, бандиты и прочие удастоивались ее, а только те, кто принимал участие в «акциях», то есть пытался и в местах заключения демонстрировать свою лютую злобу ко всему советскому. Будь ты хоть шпион из шпионов, но если осужденный раскрасался и встал на путь исправления, на карточке значилось «гнилой», и соответственно «помощи» не жди.

Большой изобретательности нет, повторение до точки гинзбургской затеи с «фондом» Солженицына. Битая схема ЦРУ — от имени экс-«страдальца» нелегально переправлять деньги нынешним «страдальцам».

Все до тошноты знакомо. «Помощь» оказывается не за так, а в оплату за услуги — подрывную работу, которую надлежит не прерывать, даже отбывая наказание. Коль скоро шпионить, грабить, убивать по

понятым причинам под караулом нельзя, принимай участие в «акциях» против администрации мест заключения, изображай из себя «узника совести». За что и получишь пресловутую помощь — десятку-другую в год, да не всегда, зато слова ободрения шепотком. Они много не стоят. Впрочем, и ободрение не всегда, ибо в цепочке радателей — ЦРУ, НТС, Любарский, Репин, неизвестные посредники — помыслы устремлены в другом направлении. Пока наверняка очень скромная сумма, выписанная в ЦРУ на «благое дело», дойдет до «страдальца», на каждом звене цепочки она, пустяковая с самого начала, истает, каждый служитель «святого дела» торопится собственной рукой вознаградить себя за труды. Проще говоря, ворует, следуя примеру «основоположника» дела — мошенника Гинзбурга.

Скучная и противная история с банальным началом и концом. Летом 1982 года обнаглевшего Репина арестовали. И так, пресечена еще одна попытка ЦРУ организовать силы, враждебные нашему государству. Не хилых «правозащитников», оказавшихся в полной изоляции в нашем обществе, а людей, по мнению ЦРУ, покрепче. Один из вопросников, присланных Репину от ЦРУ через НТС (10 страниц убористой печати, 68 вопросов и многие десятки подвопросов), бесподобен: кадры для нечестивого воинства надлежит подбирать среди лиц, столкнувшихся с Уголовным кодексом.

Судите сами.

«Вопрос 15. Примерное процентное соотношение заключенных лагеря (тюрьмы) по видам совершенных преступлений: а) хулиганство, б) грабеж, в) кража, г) хищение государственного или общественного имущества, д) убийство, е) изнасилование, ж) политические — с расшифровкой статьи УК, по которой осужден, и краткая характеристика дела, з) прочие преступления».

Так называемые «узники совести» имеют все основания считать себя кровно обиженными. Коль скоро они не преуспели получить хоть какую-нибудь поддержку, их задвинули. По значимости поставили в строю ЦРУ в затылок за секс-маньяками и перед уголовной шланой, а в гвардию ЦРУ собирается набирать хулиганов, грабителей, воров и убийц! Какой же иной вывод можно сделать из этого?

ЦРУ пытается превратить и религию в клин для раскола общества в социалистических странах.

В религиозной оболочке враги социализма пытаются протолкнуть восхваление и принятие капитализма в его самой грубой и зверской форме. Можно, конечно, напомнить по поводу этих усилий о том, как Христос бичом изгонял из храма. Притча известная. Но дело куда более земное, чем толкование священного писания, и оно поручено в последние годы в основном НТС.

С 1977 года НТС затеял издание сборников «Надежда», которые представлялись малосведущим людям как собрание религиозных материалов. Особую привлекательность предприятия в глазах НТС — ЦРУ представляло то, что подготовку материалов (по крайней мере частично) взяла на себя некая З. Крахмальникова, проживающая в СССР. Здесь она трудилась на избранной ниве, передавая собранное нелегально на Запад, где оно типографски оформлялось. За сим следовали попытки контрабандой перебросить все это в СССР.

В августе 1982 года кипучей деятельности Крахмальниковой, включавшей в себя преступную связь с агентурой западных спецслужб, был положен предел. Немедленно последовал иступленный вопль Антония, Архиепископа Женевского и Западноевропейского: «Преследуя составителей сборника, власти еще раз продемонстрировали свою богоборческую сущность». НТС еще сообщил: «То, что произошло сегодня, — свидетельство открытого, откровенного преследования, гонения за веру, за Христа». Сетования, мягко говоря, ханжеские. Да кто протестует? НТС! И не по причинам поправки веры, но куда более конкретным. Ибо было сказано в № 1 этого сборника в 1977 году: «Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и по возможности пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство «Посев». Мы уже имели возможность неоднократно видеть, что за «христиане» укрываются под крышей этой фабрики макулатуры. Естественно, они разъярены: сорвалась еще одна акция в подрывной работе».

В том, что издание и попытки распространения сборника носили именно такой характер, убеждает его содержание. «Религиозные» тексты в нем нередко несли семантическую нагрузку, мало отвечающую чистой вере. Тон им задавала статья в № 1 анонимного священнослужителя, помещенная, вероятно, как пример, достойный подражания. Этот человек, с точки зрения православного, несет лютеранскую ересь, определенно меняет совесть христианина на еретическую валюту (наверное, доллары). И так, послушаем:

«Мир принадлежал, принадлежит и будет принадлежать лишь богу, какие бы силы ни хозяйничали временно в мире. Неужели это значит, что у человека

никакой собственности и быть не может? Наоборот, собственность человеческая имеет свое непреложное основание в том, что есть собственность вообще. Значит, собственность может быть дана, если есть истинный хозяин. Какой простор, какое глубокое основание истинного владения... Собственность есть проводник любви божей и человеческой»...

Эта проповедь обращена к людям в стране, где была совершена революция, ликвидировавшая частную собственность, положившая конец эксплуатации человека человеком. Вот какие «христианские» истины взялись проповедовать в «Надежде»? Кто же прислушается к ним и кто должен претворять слова в дела? «Христианские» слова в «Надежде» переплетаются с весьма конкретными усилиями в подрывной работе западных спецслужб, обнаруживших тех, кто, на их взгляд, вооружится ими. Весь 1982 год в НТС идет дискуссия об экономических проблемах в СССР, точнее, как гальванизировать, если это вообще возможно, капиталистические элементы.

Но даже в кругах НТС потуги воссоздать капитализм в нашей стране через «левака» представляются смехотворными. Активистка НТС Оболенская остудила пыл своих единомышленников:

«Частное предпринимательство в целом и особенно черный рынок в настоящее время вызывают крайне негативное отношение к себе со стороны населения, особенно у русских. Это происходит потому, что человек обычно встречается... чаще всего с расхитителями так называемой «социалистической собственности». Такой человек, идущий на риск ради наживы, обладает специфическими данными. Это лицо «нового предпринимателя» вызывает протест и раздражение у потребителя, поневоле прибегающего к его услугам... Их можно отнести к городскому «люмпен-пролетариату», но делать на них ставку политическую или экономическую не следует».

Законданный круг для «теоретиков» НТС, обслуживающих ЦРУ! Если принять в соображение эту дискуссию (прямо скажем, с нашей стороны выглядящую пустопорожной, но вполне реальной для спецслужб), тогда проясняется функциональная роль их упражнений на религиозном поприще. Энтэзовская «Надежда» подавала надежду как-то решить квадратуру круга — осязать идеями христианства пошлую, плоскую наживу и во имя ее подрыв экономических основ социализма. Впрочем, живя на Западе, можно уверовать, что это возможно. Разве эксплуатация человека человеком в западной цивилизации по нормам тамошней религии и этики не признается естественным состоянием общества? Богачи и сверхбогачи, верховолящие в ЦРУ, с их точки зрения, предъявляют к НТС вполне выполнимые требования.

Буквально за каждой кампанией на Западе по поводу «притеснений» верующих при ближайшем рассмотрении вскрывается уголовщина. По весне 1982 года западные «радиоголоса» со слезой объявили о том, что в Москве привлечены к ответственности пылкие «христиане». Новые гонения за убеждения! На деле речь шла отнюдь не об «убеждениях», а о том, что в 1979—1982 годах несколько лиц во главе с неким Бурдюгой, в основном не имеющих определенных занятий, занялись в целях наживы нелегальным промыслом, избрав для этого издание литературы религиозного содержания. Расследование дела, по необходимости очень трудоемкое, показало, что они сами получили наживы 43600 рублей, а за использование рабочей силы выплатили около 164 тысяч рублей. Крупная афера привела к осуждению преступников в декабре 1982 года по ч. II, ст. 162 УК РСФСР. Никакой «политики», заурядная уголовщина. Да один из привлеченных к судебной ответственности, Розанов, был еще осужден по ст. 88 УК РСФСР, трактующей о нарушении правил валютных операций.

Особое внимание западные ревнители «свободы» вероисповедания уделяют тем, кто по их прикидкам мог бы конкурировать в нашей стране с русской православной церковью. Небезызвестный кардинал Слипный носится с затеей создания «Киевско-Галицкого католического патриархата», с распространением его юрисдикции на всю Украину! Этот военный преступник, в свое время благословлявший создание дивизии СС «Галичина», никак не может смириться с решением Львовского церковного собора 1946 года, упразднившим Брестскую церковную унию, в результате чего прекратила существование униатская греко-католическая церковь на Украине.

Слипный посылает эмиссаров в нашу страну. Один из случаев поучителен. 30 мая 1979 года на КПГ «Шегиня» Львовской области был задержан черный «мерседес». Восседавший за рулем итальянский священник Бернардо Винченцо был арестован. Ему было предъявлено обвинение по ст. 70 УК УССР — контрабанда. Малодостойный служитель бога ехал в СССР в четвертый раз, в предшествующие поездки он тайком провозил и передавал неким лицам крупные суммы советских денег. На этот раз у него было изъято около 13 тысяч рублей из искусно сделанного тайника и несколько чемоданов с женскими вещами.

Перед реальной перспективой тюремного срока за контрабанду Винченцо покаялся следствию. Оказа-

лось, что он ехал в СССР для сбора фактов о «притеснении» тех, кто поддерживает униатскую церковь. Поручение, по словам Винченцо, ему дал кардинал Слипный. Связи последнего с ЦРУ сомнений не вызывают. От кардинала он надеялся получить «какое-нибудь вознаграждение». Вот и вся хитрость.

Винченцо, как видим, не выполнил задания. Покаявшись перед следствием, он обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании.

«Я готов стать на колени, — писал он, — перед любым и просить прощения за все, что я совершил... Я мог бы понять, что такое коммунизм, если получу помилование и освобождение. Возможно, пойму, что коммунизм более справедлив и гуманен, чем другая политическая система и сама католическая церковь».

На пресс-конференции, материалы которой были напечатаны в «Львовской правде» 3 ноября 1979 года, Винченцо говорил:

«Мне была предоставлена возможность познакомиться с документальными доказательствами, в том числе с кинодокументами второй мировой войны, свидетельствующими о тесном сотрудничестве Иосифа Слипого и других униатских священников с нацистами и лидерами буржуазных украинских националистов. Я увидел, как при их поддержке и благословении гитлеровцы и националисты терроризовали население Украины, убивали мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков... Я понял, что меня втянули в политическую акцию, дух и цели которой находятся в полном противоречии с моими убеждениями человека и священника... Я переживаю упреки совести и раскаяние за то, что действовал во вред интересам Советского государства».

Что же, лучше поздно, чем никогда. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1979 года Винченцо освободили от уголовной ответственности и выдворили из пределов СССР.

Ныне среди тех, кто стоит за униатскую церковь (а их-то и пытался в данном случае нащупать эмиссар Слипого — ЦРУ), изуверы-сектанты. На следующий год после описанного неудачного вояжа итальянского священника прокуратура Дрогобыча, то есть города поблизости от Львова, возбудила уголовное дело по беспримерному факту. Сектанты, именующие себя покутниками, в зимнюю ночь 19 января четырнадцать часов водили 26-летнюю продавщицу местного магазина К. босиком по снегу, а затем устроили ей «водное крещение» — силой держали в ледяной воде речки Тисменица. Результат — К. пришлось ампутировать обе обмороженные ноги. От потерпевшей разумного рассказа добиться не удалось, после пережитого она находилась в состоянии реактивного психоза. Но постепенно клубок распутался, выявился один из главарей сектантов, некто Скальч, 1920 года рождения, с образованием четыре класса. Человек без определенных занятий, бродяга, уже отбывавший длительное тюремное заключение за антисоветскую деятельность.

Среди малограмотных людей он проповедовал точно по «Инструкции» руководителей секты:

«Если наши враги скажут, мы против власти, должно отвечать: мы подчиняемся власти, стоящей над нами, а над нами властью одной державы, одной силы, господства нашего Христа... Спросят, где прописаны, отвечай — прописаны в книге Христа, спросят паспорт, отвечай — не советского подданства, а живу я в религиозных размышлениях. Отцы мои не имели паспорта, а все мы носим на груди святой крест. Паспорта для лошадей, я не конь, я не кобыла, что меня спрашивать паспорт. У меня паспорт Христа».

Изуверство? Темнота? Конечно! Но униатские ходяки ищут именно таких, ибо они могут послужить самым грязным целям.

Исследовали «мировоззрения» Скальча. Открылась зловонная клоака — восхваление украинских буржуазных националистов, кровавых деяний их банд в годы войны, упреки по адресу фашистов, не «переборовших» Советский Союз, надежды на новую войну и т. д. Как особо опасного рецидивиста, Львовский областной суд приговорил Скальча в августе 1980 года к длительному заключению. Что, пострадал за «веру»?

Попробуем подвести некоторые итоги тому, о чем говорилось в очерках, опубликованных «Сменой».

ЦРУ — классовая организация, созданная и работающая в интересах только крупного капитала, а руководят им его избранные представители. Они внесли в работу ЦРУ нравы денежной элиты. Не надуманные этические нормы, приверженность к христианству и прочим высоким принципам определяют поведение в деловой деятельности, а патологическая страсть к наживе, сохранение, охрана и умножение своих капиталов.

Официальная позиция Вашингтона, открыто подтверждающего фарисейство и ложь, — основа государственной политики. Отсюда неизбежен вывод: нужно судить всегда и везде только по делам, а никак не по словам правящих в США. Но, чтобы сделать правильные выводы, нужна бдительность и еще раз бдительность.

Каков порядок получения наследства?

В. КРЫЛОВ,
Челябинск

В соответствии со статьей 117 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик есть два вида наследования — по закону и по завещанию.

Временем открытия наследства считается день смерти наследодателя или же день вступления в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим. Считается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или подал нотариальному органу заявление о принятии наследства. Наследник должен объявиться в течение 6 месяцев. Срок может быть продлен, если суд признает причины поздней подачи заявления уважительными.

Местом открытия наследства признается последнее постоянное место жительства наследодателя, а если оно неизвестно, то место нахождения имущества. Нотариальный органам принимаются меры к охране наследственного имущества, а также выдается свидетельство о праве на наследство.

В состав наследства входят имущественные права и обязанности (долги). Главное место среди имущественных прав отводится праву личной собственности — на жилой дом, дачу, автомобиль, вещи домашней обстановки и обихода, предметы искусства, книги, коллекции и т. д.

В состав наследства входят и иные имущественные права, например, вклад в сберкассе. Некоторые заявители ошибочно полагают, что по наследству переходят квартира в ЖСК, дача в ДСК или гараж в кооперативе. В действительности же наследники могут претендовать на денежную сумму пая, поскольку квартира, дача, гараж принадлежат кооперативу. Поэтому вопрос о приеме наследника в члены жилищно-строительного или другого кооператива решается общим собранием.

Если умирает один из супругов, то в состав наследства входит не все совместно нажитое имущество, а только доля умершего. Доля пережившего супруга сохраняется за ним как его личная собственность.

Закон устанавливает и очередность наследования. Среди первых наследников с равными правами — дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего, а также ребенок, родившийся после смерти наследодателя.

Во вторую очередь, как правило, наследуют братья и сестры умершего, его дед и бабушка со стороны отца и матери. Наследники второй очереди могут осуществить свои права лишь при отсутствии наследников первой очереди или при отказе тех от наследства, а также в случае, если ближайшие наследники лишены права наследования по завещанию.

К числу наследников по закону относятся также нетрудоспособные граждане, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Они имеют права наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Внуки и правнуки являются наследниками по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником — его долю они и наследуют поровну.

ПРОЕКТ

«ВАЛЬХАЛЛА»

- Нас тоже нельзя назвать поклонниками Москвы.
- Да, но неприязнь к идеологиям я поставил на первое место. Фашизм ему не ближе коммунизма.
- А я не собираюсь убеждать его в преимуществах нашей идеологии. Моя цель достаточно скромна — трезвомыслящие люди, стоящие у руля американского корабля, должны научиться видеть в нас не террористов, скрывающихся в подполье, и не пустых теоретиков, а реальную политическую силу, партнеров. Сегодня это Уайт, завтра мы обратимся к другим людям. Наше влияние возрастает с каждым годом. Смотрите, как бы Америка не упустила шанс сделать наше движение своим союзником, а не врагом. Завтра движение может набрать такую силу, что ему не понадобятся союзники.
- А в чем вы видите свою ценность для Америки?
- Мы создадим новую структуру Европы. Сильную, единую Европу, способную противостоять коммунистическому лагерю. Европу, которая будет выступать единым фронтом с Америкой, а не искать мелких конъюнктурных выгод, предавая вас в конфронтации с Москвой. Я хочу быть с вами честным до конца: Соединенные Штаты вовсе не пользуются нашими особыми симпатиями, но враг у нас общий, и в борьбе с ним мы союзники. Наши расхождения должны быть отодвинуты на второй план, иначе мир захлестнет волна коммунистического хаоса. Одной Америке не выстоять.
- Не преувеличиваете ли вы свои возможности?
- Нет. Иначе вы бы не искали встречи со мной».

Джексон выключил магнитофон. Беседа с адвокатом Гонсалвишем продолжалась почти всю ночь, и, закончив ее, Джексон поспешил в свой номер, чтобы вместе с сотрудниками управления планирования прослушать и проанализировать запись разговора.

Джексона познакомил с Гонсалвишем в Нью-Йорке на званом обеде. Высокий, импозантный европеец с приятными манерами. Через лиссабонскую резидентуру Джексон получил дополнительную информацию о Гонсалвише. Выходец из знатной семьи, он еще в студенческие годы принял участие в праворадикальном движении, был близок фашистскому диктатору Салазару. После апрельской революции исчез из Португалии.

Люди Джексона нашли его в Берне. Стороны долго прощупывали друг друга, и в результате Гонсалвиш встретился с Джексоном на уединенном ранчо одного техасского промышленника, ценителя живописи. Ни Джексон, ни Гонсалвиш не связывали себя никакими обязательствами, но отношения наладились прочные. Три-четыре раза в год Гонсалвиш приезжал в Нью-Йорк, иногда под своей, чаще под чужой фамилией, с ним встречался либо сам помощник Малькольма, либо кто-то из доверенных людей. Через Гонсалвиша Джексон и наладил контакты с «коричневым фронтом».

Сотрудничество с «коричневым фронтом» принесло ему большие дивиденды. Его управление теперь давало вдвое больше сверхважной политической информации о союзниках по НАТО, чем управление разведки. Причем сведения об умонастроениях европейских союзников США были всегда абсолютно точны, за что госдепартамент и Белый дом не раз выражали благодарность управлению Малькольма. Под это дело Джексоны удалось получить согласие шефа на регулярные полеты транспортных самолетов из Японии в институт. Потом «коричневый фронт» начал успешно организовывать террористические акции в Италии и ФРГ, маскируясь под левых. Теперь уже никто не мог говорить «нет», когда Джексон советовал помочь «фронту».

Каждый шаг в работе с «коричневым фронтом» он подстраховывал санкциями руководства. Кроме одного.

О том, что в действительности создавалось в институте, в ЦРУ знал один Джексон. Знал, что самолеты, взлетающие с баз американских ВВС, институту нужны для проекта «Вальхалла».

Поэтому все, что происходило в институте, тревожило Джексона. Не доверяя Гонсалвишу, он поручил сотрудникам управления, связанным с «фронтом», в том числе Уорнеру, тщательно собирать информацию обо всем, что имеет отношение к проекту «Вальхалла». Взрыв ядерного устройства в Атлантике Джексон однозначно связывал с деятельностью института. Он был немного ошеломлен успехами «коричневого фронта»: всего два года назад на аэродроме института сел первый самолет «Си-эй», а бомба уже готова. «Правда, — размышлял Джексон, — бомба не представляет ни малейшей

опасности для США, да и рвать такие ценные контакты с «фронтом» глупо».

Ему показалось, будто его зовут. Тихим таким, тонким голосом. Как мама в детстве. Он задержал дыхание, пытаясь определить, откуда идут звуки. В абсолютной тишине что-то громко застучало. Он испуганно приподнялся и тут же сообразил, что слышит биение своего сердца. Звал его кто-то или нет?

Он потер рукой лоб. Хуже всего, что он не в состоянии успокоиться. Ну, кто мог его здесь звать? Чужая какая-то. Здесь говорят «подследственный Вентури». Здесь тюрьма. И в тюрьме он сидел третьи сутки.

Прямо в лицо бил свет. Выключатель находился в коридоре. Тюремщики не любят, когда заключенные спят. Сон равен силе побегу, ведь во сне люди свободны.

За все годы работы в полиции Вентури никогда не задумывался над тем, что такое тюрьма, хотя сам отправил туда немало людей. На секунду ему закралась в голову мысль, что это как бы месть, но он оттолкнул ее. Он-то сажал преступников.

И вновь накатила такая тоска, что хотелось выть. Ночью тюремщики обязаны выводить в туалет, он хорошо знал об этом. На вторую ночь, так и не обретя способности спать, он заперся в туалет. На этот раз тюремщик подошел. Услышав просьбу, захохотал.

— У тебя там кувшин для воды есть. Туда и...

Вентури вспомнил историю, которую рассказывали в полицейском управлении и которой никто не верил. Какой-то старик заключенный, страдавший сердцем, почувствовал себя ночью плохо. Он колотил кулаками в дверь, надеясь привлечь внимание надзирателей. Но тем не хотелось беспокоиться. Старик умер. Прямо у двери. Историю замаяли. Просто потому, что никто, Вентури в том числе, не захотел поверить в нее.

А ведь лишь немногие из надзирателей — психопаты, которым нравится возможность издеваться над людьми. Большинство просто работает. Многие работают в тюрьме, потому что не могут больше нигде устроиться. В Италии полно безработных. Такие люди приходят в тюрьму без всякой злобы, но со временем ожесточаются.

Комиссар пытался шаг за шагом восстановить события того дня, проанализировать, что же произошло. Вот он идет по улице мимо какого-то здания... Слышит шум за входной дверью, дверь распахивается... Выскакивает человек... Стоп! Почему ему показалось, что выбежавший был ему знаком? Почему он оказался в камере? Ведь те, кто его арестовал, не могли не доложить начальству, кого посадили в камеру. И начальство, следовательно, одобрило...

На секунду мелькнула мысль о побеге. На самом деле бежать некуда. Даже если и удастся выбраться за стены, оборудованные по последнему слову электронной техники, к кому пойти? Где переодеться, раздобыть денег? Броситься к родным и сказать: спрячьте меня?

Когда-то давно, Вентури еще только начинал работать в полиции, из тюрьмы бежали двое заключенных. Через три дня, голодные и злые, они сдались полицейскому патрулю.

В девять тридцать (время Вентури знал точно, потому что в коридоре были часы) дверь камеры распахнулась, и надзиратель заорал:

— Выходи!

Из «коричневой тетради» Кристиана Редлиха:

«В Италии действуют более двадцати террористических фашистских групп, самая известная из них — «Черный порядок». Наиболее крупные преступления фашистов — взрыв в помещении сельскохозяйственного банка в Милане, взрыв пассажирского экспресса «Италикус», взрыв железнодорожного вокзала в Болонье. Террористы проходят подготовку в «молодежном фронте» — молодежной организации партии Итальянского социального движения — Национальные правые силы.

Итальянские фашисты обнаглели до того, что сами напрашиваются на встречи с журналистами. В «Эуропае» хващливое интервью с бывшим сотрудником итальянских спецслужб — откровенным фашистом.

— Этот государственный переворот вы планировали как сотрудники СИД¹ или как правые деятели — в каком именно качестве?

— Как военные. Выступить должна была армия, причем по всей Италии.

— Каким образом?

— Занять стратегические пункты, арестовать префектов, арестовать политических деятелей, взять в свои руки контроль над страной.

— Кого вы должны были арестовать?

— Сенаторов, депутатов, профсоюзных деятелей. Было решено, что арестованные будут отправлены на остров Маддалена.

— Но с чьей помощью вы должны были произвести эти аресты? С помощью армии?

— С помощью парашютистов.

— Вы утверждали, что есть некоторые тайны Италии, о которых вам известно. Какие именно?

— Первая — это тайна полковника Ренцо Рокка, который «покончил с собой» в своем кабинете на улице Барберини в Риме.

— Рокка поддерживал связь между СИД и промышленниками, не так ли?

— Рокка был агентом ЦРУ. Он обеспечивал связь между СИД и ЦРУ...

— Говорят, что вы являетесь также одним из представителей «черного» правительства в эмиграции, а точнее, начальником генерального штаба. Какова цель этого правительства?

— Совершить государственный переворот и взять власть в Италии... Учтите: большинство офицеров НАТО с нами.

— Вы считаете, что у вас есть основания надеяться на международную поддержку? Что сказали бы о путче американцы?

— Они были бы в восторге, уверяю вас...»

Выключили электрический свет. На стол были поставлены свечи. На лица легли зловеще-торжественные отблески. Клаус Циммер шелнул профессору Симидзу:

— Эти велеречивые потомки древних римлян чересчур любят внешние эффекты, но, признаюсь, сегодня все это к месту.

Симидзу согласно кивнул и оглядел собравшихся в пышной квартире в аристократическом районе Рима участников движения.

Подняв бокал кроваво-красного вина, речь держал граф Гонсалвиш:

— Когда-нибудь эти дни будут вписаны в историю движения как дни решающего перелома... Нам пришлось пережить немало унижений. Нас травили, оскорбляли... Но сегодня мы опять сильны... Сегодня мы намерены открыто заявить о себе. Пусть трепещут наши враги... Пусть поймут, что завтра мы будем еще сильнее.

Клаус Циммер, слушая Гонсалвиша, кивал головой. Конечно, латиняне — природные ораторы, но в движении ведущая роль принадлежит по праву тем, кто силен не словами, а наделен подлинно нордическими качествами.

Три дня, которые они провели в Риме, были наполнены большими делами. Ночью они вылетят в Германию. Итальянцы выполнили свою задачу в Турине, подложили бомбу под какое-то собрание красных. Теперь очередь за немцами. Циммеру придется лететь под чужим именем, с паспортом, который ему специально сделали свои люди в полиции. К сожалению, еще не настало время вернуться на родину победителем.

Джексон уже сложил бумаги в сейф и собирался уходить домой, когда его вызвали к Малькольму.

Заместитель директора ЦРУ находился не на своем обычном месте, за массивным письменным столом, а в мягком кресле напротив телевизора: показывали пресс-конференцию президента. Увидев Джексона, Малькольм указал ему глазами на свободное кресло. Джексон отрицательно качнул головой и отошел к окну: насиделся за день, хотелось немного постоять.

Пресс-конференция заканчивалась. Дождавшись заключительных слов президента, Малькольм выключил телевизор.

— Слишком он долго распинался насчет сплоченности и единства с Западной Европой, — заметил Джексон.

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

— Да, союзники упорно желают проводить самостоятель-

¹ СИД (SID) — военная разведка Италии.

ную политику, — проговорил Малькольм. — Слова президента — хорошая мина при плохой игре.

— Госсекретарь на следующей неделе опять собирается в Западную Европу.

— Одними дипломатическими методами положения не исправишь.

В конце 40-х — начале 50-х годов американская агентура, используя все средства — от подкупа до шантажа, добилась вывода коммунистов из правительств Франции и Италии, толкнула эти страны на путь «холодной войны». И впоследствии ЦРУ иной раз добивалось успеха.

Однако в последние годы операции ЦРУ по «стабилизации» политического положения в Западной Европе заканчивались неудачами. Между тем Вашингтону в его глобальной антисоветской стратегии все чаще требовалась активная поддержка западноевропейских столиц.

— Я хочу поручить вам важную работу, — сказал Малькольм. — Нет ни одного директивного документа, руководства, в котором излагались бы принципы и методы наших действий по исправлению политического курса той или иной страны. Попробуйте составить короткую инструкцию, которую мы попросим Белый дом одобрить. Обязательно сформируйте контрдоводы на возможную критику этого документа — вмешательство во внутренние дела суверенной страны незаконно и аморально. Аргументация должна быть проста. Шпионаж тоже незаконен, однако почти все страны прибегают к нему. Кроме того, каждая страна имеет право применять силу для обороны. Наше противодействие коммунистическим проидам — тоже оборона на передовых рубежах. Следовательно, наши акции и моральны и необходимы.

Малькольм поднялся.

— Необходимы тщательно разработанные, согласованные между собой тайные операции в Западной Европе. Пригодятся, я думаю, и ваши контакты с «коричневым фронтом». Так что, пожалуйста, завтра же займитесь этим. Работа срочная.

В Италии люди из «коричневого фронта» передали Циммеру новые документы для поездки в Федеративную республику — имя профессора Циммера значилось в списке разыскиваемых федеральной прокуратурой военных преступников.

Накануне вылета Циммер стал приводить в порядок свои бумаги. Он делал это перед каждой поездкой. Надолго уезжая из дома, он не хотел оставлять без присмотра слишком много важных документов, относящихся к «коричневому фронту».

Усевшись поудобнее в глубокое кресло с изогнутыми деревянными ручками, Циммер внимательно просматривал содержимое папок, обычно хранившихся в сейфе, вмонтированном в громоздкий письменный стол. Сверху лежали документы, относящиеся к проекту «Вальхалла».

Циммер хорошо помнил, как руководство «коричневого фронта» приняло решение создать собственную атомную бомбу. Многим тогда эта идея показалась безумной. Многим, но не Циммеру.

Именно Циммер предложил тогда обратиться к ЮАР. Он знал, что Претория давно мечтает о собственной бомбе и не откажется от сотрудничества с «коричневым фронтом». Собственный научно-технический потенциал ЮАР был недостаточен для разработки технологии обогащения природного урана. Правда, около сотни южноафриканских физиков обучались в Соединенных Штатах. Эти физики образовали затем костяк Национального ядерного центра в Пелиндабе.

Используя свои связи в западногерманском истеблишменте, «коричневый фронт» связал южноафриканских физиков с центром ядерных исследований в Карлсруэ.

Вся теоретическая работа была проведена в ФРГ, а испытана на построенном в ЮАР заводе в Валиндабе, куда недавно ездил Хайссе. Сложнейшая аппаратура, необходимая для ядерного проекта, производилась мюнхенской машиностроительной фирмой и по частям вывозилась в ЮАР с багажом южноафриканских дипломатов, не подлежащих таможенному досмотру.

В распоряжении ЮАР одно из крупнейших в мире месторождений урана в Россинге. Циммер хорошо помнил это безлюдное место в пустыне Намиб, приблизительно в 65 километрах к северо-востоку от города Свакопмунда.

У Циммера остались лучшие впечатления от путешествия в Юго-Западную Африку, которую он упорно отказывался именовать Намибией. В Свакопмунде он с удовольствием ел булочки и ржаные пышки, испеченные поварами-немцами, ливерную колбасу и айсбайн, приготовленные немецкими колбасниками и мясниками. Он встретил нескольких «боевых товарищей» по НСДАП, бежавших сюда в 1945 году.

Это было место, где говорить о своем нацистском прошлом можно было открыто и с гордостью.

А по другую сторону океана, в джунглях Латинской Америки, был организован институт. Здесь преданные «коричневому фронту» инженеры и ученые создавали атомную бомбу. После разгрома гитлеровской Германии немало видных нацистов бежали в Латинскую Америку, среди них известные ученые, работавшие на концерн «ИГ Фарбен», который занимался производством тяжелой воды.

Впоследствии Франц-Иозеф Штраус, занявший пост федерального министра по атомным вопросам, пригласил нескольких нацистских физиков приехать в Западную Германию. В Карлсруэ они построили ядерный реактор по плану, разработанному еще при Гитлере. И вновь вернулись в Латинскую Америку.

Циммер просидел над бумагами полночи. Он сжег несколько документов, где упоминалось его имя. Остальные спрятал обратно в сейф.

— И мы должны показать всей неонацистской братии, пользующейся попустительством властей и открытым покровительством лидеров правых партий, что мы, рабочие люди, не позволим им действовать так нагло. Неонацисты убивают, избивают коммунистов, а власти не принимают необходимых мер.

Молодой рабочий, наклонившись к своему соседу, прошептал:

— Неонацисты и в самом деле наглют с каждым днем, а полиция и в ус не дует.

Человек сто рабочих собрались вечером в небольшом зале местного профсоюза. Начали с производственных дел, но быстро перешли на проблемы, всколыхнувшие весь зал. Накануне в городе прошла неонацистская демонстрация. За плотными кордонами полиции неонацисты маршировали совершенно спокойно. Здесь, в Баварии, всегда принимались меры, чтобы никто не мешал этим молодчикам. Люди на улицах лишь молча наблюдали, как, развернув знамена, проходят, сознавая собственную силу, молодые фашисты.

— В стране насчитывается 75 неонацистских объединений, в которых состоит около 20 тысяч человек. Они готовы пустить в ход оружие, чтобы создать тоталитарное государство по гитлеровскому образцу. У них могущественные покровители и за рубежом, которые щедро оплачивают их деятельность и укрывают после совершения преступлений.

То, что в нашей стране могут происходить подобные вещи, — позор для Федеративной республики. И все, что нам говорят насчет малочисленности, разобщенности фашистских групп, — гнусная ложь. Уж нам, немцам, следовало бы

помнить, с чего начинал Адольф. Кстати, сборища нацистов проходили в «Бюргербройкеллере», не так уже далеко отсюда. Из пивной теперь устроили чуть ли не музей, она стала местом паломничества поклонников фюрера и неразборчивых туристов. Что ж нам удивляться: если разрешают открыто поклоняться преступнику, то почему нельзя следовать по его стопам?

Молодой рабочий, привстав, выкрикнул:

— Правильно!

И в этот момент из небольшой трибуны, на которой стоял оратор, ударил столб пламени. Мощный взрыв потрянул здание. Через несколько минут улица наполнилась воем сирен машин «Скорой помощи», появились пожарные и полицейские. Санитары вынесли шесть трупов. Разбрызгивая по окнам соседних домов отблески световых маячков, автомобили «Скорой помощи» повезли в больницу раненых.

Кристиан высочил из вспыхнувшего здания одним из первых. Люди расталкивали друг друга, в ужасе стараясь убежать подальше. Кристиану пришлось прислониться к стене, ноги предательски дрожали. Пробежавший мимо полицейский остановился:

— Нужна помощь, приятель?

Кристиан отрицательно покачал головой. Полицейский с сомнением посмотрел на его мертвенно-белое лицо, но задерживаться не стал. Только что по рации передали: на телевидение позвонил неизвестный и сообщил, что ответственность за взрыв взяла на себя группа «Великая Германия». Сотрудники телевидения перезвонили в полицию. Но там не особенно удивились.

Рисунок Виталия ЛУКЬЯНЦА

За два часа до взрыва неподалеку от дома, где уже собирались первые участники профсоюзного митинга, полицейский патруль задержал подозрительного юнца, попытавшегося убежать при виде стражей порядка, а затем отчаянно сопротивлявшегося. В большой сумке у него оказалось самодельное взрывное устройство, достаточно мощное, чтобы разнести автомашину или покорежить здание. Уже в машине, размазывая по лицу слезы, напуганный до смерти первым столкновением с властями, он признался, что должен был подложить бомбу в зал, где было назначено рабочее собрание, но не успел. Он сообщил, что входит в группу «Великая Германия».

Патруль доставил его в местное отделение полиции, но дежурный, занятый своими делами, не потрудился не только отправить кого-нибудь проверить весь зал, но даже сообщить о задержанном в городское управление. Об аресте этого парня он доложил, только узнав о взрыве.

Если бы все это не было так чудовищно, Вентури, пожалуй, могла бы даже позабавить внезапная перемена в его жизни: из кресла допрашивающего он пересел на место допрашиваемого.

Когда вечером его перевели на допрос, он испытал внезапное облегчение. Наконец-то все выяснится! Его провели по длинным коридорам, вывели на улицу и посадили в автомашину. В полицейском управлении Вентури допрашивали в кабинете, соседнем с тем, что он сам занимал. Проходя мимо, он увидел, что его дверь опечатана.

— Ваше имя, год и место рождения? — Сидевший за столом следователь, не глядя на Вентури, задавал вопросы, заполняя стандартный протокол.

Некоторое время Вентури молчал. Следователь не принадлежал к числу его друзей, но они были знакомы лет восемь, давно перешли на «ты» и в обеденные перерывы выпили вместе немало стаканчиков вина в баре напротив полицейского управления. Вентури был потрясен. Он хотел ударить кулаком по столу и заорать: «Что вы здесь устраиваете балаган! Я ни в чем не виноват». Но сдержался. Три дня, проведенных в тюрьме, изменили Марио Вентури.

— В чем меня обвиняют? — спросил он, когда первые формальности были окончены.

— Вас задержали у здания рабочего клуба, где за несколько минут перед этим произошел взрыв. Причем задержали сами рабочие. Других подозрительных лиц поблизости не было. Естественно, что сотрудники полиции до выяснения всех обстоятельств вынуждены были изолировать вас.

— Но почему же это продолжалось три дня? — вскипел Вентури.

— Расследование этого дела представляется весьма трудным, — монотонно отвечал следователь. — Ваш арест вызвал немало шума. — Он вытащил из папки несколько газет.

Вентури с ужасом увидел там свои фотографии с огромными заголовками: «Комиссар полиции подкладывает бомбы?», «Кто же такой комиссар Вентури?», «Преступник или полицейский?» и прочие в том же духе.

— Мы должны были все хорошенько проверить, — продолжал следователь, забрав у ошоропелого Вентури газеты.

— Но теперь все выяснилось? — выдал из себя Вентури.

— В общем, да. Следствие не установило вашей причастности к взрыву.

— «Не причастен». Зачем же такие казуистические формулировки? — сделал попытку улыбнуться Вентури. — Не прощ ли сказать: не виновен. Тем более что это больше отвечает реальному положению вещей, а? Неужели вы здесь настолько все свихнулись, что и в самом деле подумали, что я способен подкладывать бомбы?

Следователь ничего не ответил. Вентури внезапно стало весело. Все хорошо, что хорошо кончается. В эту минуту он даже не чувствовал особой неприязни к своим коллегам. За минуту счастья, которую он только что испытал, он готов был простить им самые страшные три дня в жизни, проведенные в тюрьме.

— Кстати, — бросил он следователю, — думаю, что могу вам помочь: там, у здания рабочего клуба, я видел парня, которого обязательно надо найти. Он выскочил из клуба перед самым взрывом. За углом его ждала машина. Его приметы...

Следователь, с лица которого не сходило каменное выражение, не изъявил ни малейшего желания что-либо записывать. Он старался не смотреть на Вентури.

Марио почувствовал внезапную усталость. Он испытывал огромное желание вернуться домой, переодеться, увидеть жену, детей, прийти в себя. Он встал.

— Я могу идти? — спросил он официальным тоном.

— Минутку, — сзади раздался знакомый голос.

Вентури оглянулся. В дверях стоял начальник полиции. Вентури и не заметил, как тот появился в кабинете.

— По-моему, вы не совсем отдаете себе отчет в том, что произошло, — начал тот. — Обвинение с вас снято за недостатком улик, так сообщено прессе. Естественно, не может быть и речи о вашем возвращении в полицейское управление. Скомпрометированный полицейский? Это невозможно. Таково не только мое мнение. Мы согласовали решение с Римом.

Вентури еще не промолвил ни слова. Следователь отошел к окну и сделал вид, что не слушает. Не дождавшись ответа, начальник полиции переключил тон:

— Послушайте, Вентури, не считайте меня вампиром. На моем месте вы поступили бы точно так же. Городская полиция не смогла бы спокойно работать, оставшись вы на своем месте. На каждом шагу нам бы говорили, что промахи полиции неувидительны, если охрану порядка поручают

преступ... подозрительным людям. Так что не держите обиды на нас. И послушайтесь моего совета: уезжайте из города. На новом месте вы еще преуспеете. А если останетесь здесь, то только наделаете глупостей.

Когда начальник закончил, Вентури разжал губы:

— Я могу идти?

— Да, конечно.

Он повернулся и, стараясь идти прямо, вышел из кабинета. Несколько полицейских, оказавшихся в коридоре, проводили его взглядами. Он шел с непроницаемым лицом.

Из «коричневой тетради» Редлиха:

«До сих пор продолжает действовать «старая гвардия» Гитлера. Прочные связи существуют между нацистами, бежавшими в разные страны. Центр, координирующий эти связи, — общество взаимопомощи бывших солдат войск СС (ХИАГ). Общество, имеющее 118 местных и окружных отделений, где ежемесячно проводятся собрания, унаследовало контакты, в свое время установленные организациями «ОДЕССА»¹ и «Шпинне»². Курьеры, прикрываясь поручениями так называемой «Службы розыска» или под предлогом сбора воспоминаний о войне, разъезжают по всему миру, координируя действия старых нацистов.

Многие бонзы «третьего рейха» бежали в Южно-Африканскую Республику. Лидеры ЮАР восхищались идеями Гитлера. Переселившиеся сюда нацисты чувствовали себя уютно в атмосфере апартеида.

Теперь в ЮАР вслед за гитлеровцами находят убежище неонацистские террористы, спасающиеся от правосудия. Из ФРГ и Италии они бегут в Лондон, где неонацистские группы «Сынвья святого Георга» и «Британское движение» укрывают их, а затем переправляют в ЮАР. Интерпол не может справиться с «коричневым фронтом».

Больше всего активных, непримиримых нацистов обосновалось в Южной Америке. Это известно всем.

Колонии нацистов расположились подальше от чужих глаз. Не раз журналисты пытались проникнуть туда, в основном в поисках Мартина Бормана. Неизвестно местонахождение лишь нескольких колоний, упрятанных так надежно, что об их существовании не подозревают и местные жители.

И все же косвенные признаки существования этих колоний, населенных отнюдь не дряхлыми стариками, можно обнаружить. То журналисты встречали человека, которого считали давно умершим, то, напротив, кто-то исчезал в неизвестном направлении, но регулярно давал о себе знать родным. То бесследно пропадали подозрительные грузы, прибывшие из Западной Европы. Люди из нацистских колоний получали их по фальшивым документам.

В последние годы увеличился поток курьеров из Западной Европы. Причем, как обнаружил один из местных журналистов, все они, прилетев, вдруг исчезали на пару дней, а затем как ни в чем не бывало вновь появлялись. Ни в одной из известных колоний нацистов их не видели. Журналист попробовал понаблюдать за двумя уважаемыми мужчинами. Они не в первый раз прилетали в Южную Америку. В аэропорту их неизменно встречали известные всему городу люди, один из которых был в свое время штандартенфюрером СС и не скрывал этого.

Журналист выехал на машине вслед за автомобилем, который повез гостей из Европы за город. Он тщательно запомнил маршрут, оказавшийся довольно запутанным, и был в полной уверенности, что по крайней мере нащупает район, где может находиться колония. Дорога стала пустынной, он увеличил дистанцию, чтобы не вызвать подозрений. У одного из поворотов его остановил патруль моторизованной полиции и попросил предъявить документы. Он полез за правами... и больше ничего не помнит. В себя пришел в больнице: раскалывалась голова, ныли руки и ноги, отказывала память. Врачи диагностировали отравление наркотиками...

Сегодня неонацистское движение состоит из трех слоев. Во-первых, крайне правые политические группировки — это в основном люди среднего возраста. Они, во всяком случае внешне, стараются показать, что придерживаются конституции и не совершают противозаконных действий. Они пытаются действовать традиционными методами, выставляя своих кандидатов на выборах. В последние годы их влияние неуклонно растет.

Во-вторых, невиданно увеличившие свою активность последние по численности группы молодых фашистов, которые признают только насильственные методы. Они открыто выражают свои симпатии и антипатии, не обращая внимания на полицию. Именно эти боевые группы ответственны за волну насилия, поднимающуюся в Западной Европе. Цель их очевидна: неумение властей справиться с хаосом, естественно, толкает обывателей резко вправо, и неонацистам (они же люди порядка!) открывается путь к власти.

И наконец, бывшие функционеры гитлеровской формации, сохранившие огромные средства — ценности, награбленные в годы второй мировой войны.

Их база расположена в Южной Америке, тут им никто не мешает. Отсюда они связываются с Соединенными Штатами, где находится координационный центр неонацизма, именуемый «НСДАП — заграничная организация». Отсюда нити тянутся к национальным неонацистским группам в Бельгии, Дании, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Японии, Испании, к организации «Мировой союз национал-социалистов».

¹ «ОДЕССА» — организация бывших членов СС.

² «Шпинне» — паук.

Уорнеру, только что прилетевшему из Токио, не пришлось ждать и минуты. Джеймс Джексон принял его немедленно. Отодвинув в сторону все бумаги, Джексон слушал его внимательно, не сводя с лица Уорнера напряженного взгляда.

Игра с «коричневым фронтом», которую вел Джексон, грозила теперь большими осложнениями, чем он предполагал. Конечно, то, что он сделал, одобрили кое-какие влиятельные люди и в Лэнгли и вне его. Джексон всегда мог рассчитывать на их поддержку. Но только в случае успеха. Только если он вытянет из «коричневого фронта» больше, чем «коричневый фронт» из ЦРУ. Для начала Джексон сдал себе неплохие козыри: «коричневый фронт» хорошо помог в операциях против красных, каналы неонацистских людей из ЦРУ во всю использовали для внедрения своей агентуры, для получения информации.

Но рассказ Уорнера напугал его. Детали проекта «Вальхалла», которые сообщил Уорнер Симидзу, зачеркивали все плюсы сотрудничества с «коричневым фронтом». «Мерзавцы, — молча бесился Джексон, — не нашли себе лучшей мишени, чем пассажирский корабль». Симидзу рассказал Уорнеру, что первую атомную бомбу, которую собрали в институте, было решено испытать в океане. Бомбу и взрыватель с часовым механизмом смонтировали на небольшом корабле, который отвели подальше от берега с помощью дистанционного управления. В последний момент наблюдатели сообщили, что к кораблю с бомбой подходит большое пассажирское судно, видимо, сбившееся с курса. Однако институт взрыва не отменил...

Джексон полагал, что если в институте и впрямь готовят бомбу, то на это уйдут многие годы. Но «коричневый фронт» оказался хитрее, вступил в сотрудничество с Преторией.

Оставшись один, Джексон глубоко уселся в кресло, прикрыл глаза и лихорадочно принялся соображать, что же ему делать.

С помощью Малькольма он добился, чтобы дальнейшее расследование истории с таинственной вспышкой над Атлантикой было передано управлению планирования, и держал его под своим контролем. Но если кто-нибудь вплотную займется институтом, поднимет соответствующие документы, то обнаружит, что именно Джексон помог организовать полеты самолетов из Токио. А соучастие в изготовлении бомбы, от которой погибли пассажиры, — из тайной ямы его не вытащит ни Малькольм, ни его друзья-сенаторы.

По идее он должен был сообщить обо всем начальству. Нет, этого делать нельзя. Джексон понимал, что перешел грань, за которой его покровители окажутся бессильными.

Действовать надо по-иному. Его партнеры в «коричневом фронте» зарвались. Институт должен прекратить работы над проектом «Вальхалла». А за «Генерала Шермана» они заплатят дополнительными услугами ЦРУ, решил Джексон. Пока что ему надо было как можно скорее переговорить с графом Гонсалвишем. Они хорошо понимали друг друга.

Джексон тут же позвонил по телефону, номер которого держал в памяти (впрочем, это был телефон безобидного торговца произведениями искусства), и попросил передать мистера Паркера, что он готов приобрести картины, о которых шла речь на прошлой неделе, и просит срочно доставить их к нему домой. Джексон не сомневался, что сегодня же Гонсалвиш будет знать о его желании встретиться.

По странной случайности именно в тот момент, когда Джексон вспомнил о графе Гонсалвише в связи с проектом «Вальхалла», сам граф беседовал на ту же тему в доме туринского прокурора.

— В конечном счете это безумие, — произнес прокурор. — Я отказываюсь понимать действия института. Эксперименты с проектом «Вальхалла» могут стоить нам слишком дорого. А ведь сейчас наконец-то наблюдается значительный сдвиг общественного мнения в нашу пользу. — Прокурор говорил, горячась и оживленно жестикулируя: — Массы благожелательнее стали реагировать на наши призывы и лозунги, теперь движению легче завоевывать сторонников. Многие начинают понимать, что без сильной руки государство распалется. Важно воспользоваться этой тенденцией и расчистить себе дорогу к власти.

Гонсалвиш слушал собеседника, не прерывая. Его холерное лицо светского человека с легким загаром от кварцевых ламп и аккуратно подстриженными усиками выражало вежливое внимание. Он дождался, пока прокурор закончит тираду.

— Не надо бояться спугнуть общественное мнение, — сказал он. — Массы уважают и признают только силу, решительность. Вот такие качества должны демонстрировать наши организации. Больше того, мы делаем ставку на террор...

— Ну, в пассивности меня не упрекнуть, — рассмеялся прокурор.

— Неужели вы думаете, я хоть в чем-то упрекаю вас? Ни в какой мере! Руководство «коричневого фронта» высоко ценит вашу деятельность в организации террора против марксистов, которых слишком много расплодилось у вас в Италии. Не беда, если мы кого и напугали грохотом взрывов. Напуганные быстрее подчиняются.

Гонсалвиш приблизил свое лицо к прокурору.

— Проект «Вальхалла» — своего рода атомный террор. Мне поручено информировать вас о его целях. — Гонсалвиш заговорил еще тише. — Если бы к моменту выступления наших друзей в Испании бомба была уже готова, еще неизвестно, как разворачивались бы события. Быть может, Испания была бы нашей. Но тогда мы успели произвести только первое испытание. Теперь же мы во всеоружии. Уже несколько дней на аэродроме института постоянно дежурит готовый к вылету самолет. На нем смонтирована атомная бомба. Предусмотре-

ны два варианта. Сейчас все внимание сосредоточено на Федеративной республике. Если завтрашний митинг Национальной партии в Западной Германии окажется удачным, предоставим бомбу в их распоряжение. Пусть шантажируют правительство, пусть популяют паршивых либералов. Если нет... Пусть, хоть «хлопнут дверью», чтобы всем стало страшно. А есть еще один вариант.

Гонсалвиш встал и пошелся по комнате.

— Самолет-то американский. У нас есть двое ребят, фанатично преданных движению. Они не пожалеют жизни ради наших идей. Пошлем самолет с бомбой в сторону русских и их союзников. Стравить Москву с Вашингтоном тоже неплохо. Ведь янки нам тоже мешают. Объединенная, сильная, монолитная Европа под властью движения — вот мой идеал. А кроме того, мы в долгу перед ЮАР, которая нас всегда поддерживала. В конце концов и проект «Вальхалла» стал возможен благодаря содействию Претории. ЮАР окружена врагами, и если ей придется особенно тяжело, то мы придем на помощь. Бомбу можно сбросить и на черномозгах.

Гонсалвиш остановился у окна, приподнял край легкой кружевной занавески. В это мгновение раздался выстрел.

Вентури включил радио и чуть прибавил звук. Подошел к столу, открыл центральный ящик — там был смонтирован маленький сейф, где он хранил наиболее важные бумаги и пистолет. Не спуская глаз с плотно прикрытой двери, быстро вытащил из сейфа пистолет. Убедившись, что патроны еще есть, сунул оружие в карман пиджака. Уловив какой-то звук за дверью, быстро задвинул ящик стола, схватил книгу.

В комнату заглянула жена.

— Марио, ты будешь ужинать?

Не отрывая от книги напряженного взгляда, Вентури отрицательно покачал головой.

— Нет, мне надо уйти ненадолго.

— Хорошо, — покорно согласилась жена и плотно прикрыла за собой дверь.

Вентури немедленно вскочил, отбросил в сторону книгу.

На первом же перекрестке он сел в такси. Откинувшись на заднем сиденье, Вентури смотрел прямо перед собой.

Освобождение из тюрьмы стало началом еще больших страданий, о которых он и не предполагал, мечтая в камере о свободе. Он оказался в вакууме. Телефон молчал, словно мертвый. Когда он или его жена звонили друзьям, те торопились закончить разговор. Соседи спешили отвернуться, перейти на другую сторону улицы, завидев Вентури.

Он перестал выходить из дома. По ночам не мог уснуть. В голове вертелась какая-то мешанина из тюремных воспоминаний, улыбающегося туринского прокурора, начальника полиции. Рядом тихонько плакала в подушку жена. Карла уговаривала Вентури уехать в другой город, в Рим, за границу, куда угодно.

Вентури велел водителю остановиться, не покусился на чаевые. Когда такси отъехало, внимательно осматрелся. Здесь всегда было пустынно — квартал местной элиты. Света фарами, проехала машина. Вентури мгновенно повернулся к ней спиной. Луч света выхватил из мрака его напряженную фигуру, руки, засунутые в карманы.

Перед хорошо знакомой ему виллой Вентури остановился, потрогал низенький столбик ограды, будто проверяя на прочность. Зачем-то посмотрел на небо и перешагнул через ограду.

В вилле светилось только одно окно. Вентури вытащил пистолет и поставил на боевой взвод. Он собрался подобраться поближе, но в ярко освещенном окне вдруг появился силуэт крупного мужчины. «Это он!» — мелькнуло в голове Вентури. Не раздумывая, он вытянул руку с пистолетом. Звук выстрела показался нереальным в тишине спокойного летнего вечера.

Когда человек за разлетевшимся стеклом осел, Вентури прижал пистолет к виску и нажал курок.

Возле небольшого дома на окраине Кельна остановилась машина. Стоявший у дверей молодой человек с вежливой улыбкой встретил гостей.

В гостиной на втором этаже навстречу им поднялся широкоплечий человек, портрет которого вместе с написанной громадными цифрами датой предстоящего митинга третью неделю мозолил глаза жителям Кельна. Он подчеркнуто уважительно пожимал руки гостям, со значением глядя им в глаза. За огромным столом уже сидело несколько человек. Эти люди представляли руководителей трех концернов, входящих в военно-промышленный комплекс Федеративной республики. Хозяин дома слушал собравшихся так же внимательно, как и их могущественных боссов. Он привык к таким посещениям. Правда, обычно приходил кто-то один, сегодня пришли семеро. И это означало многое. Он не был ни самым приятельным, ни самым умным, ни самым богатым из всех присутствующих. Однако они приехали к нему, а не он к ним. На то были причины.

Он обладал уверенными манерами, хорошо поставленным, звучным голосом, фотогеничной внешностью, умел пожимать сотни протянутых ему рук, часами выстоять на трибуне. Его сочли наиболее подходящей фигурой, чтобы возглавить Национальную партию, которая успешно преодолевала один барьер за другим, захватив уже немало мест в земельных ландтагах, реалась в бундестаг. Даже политические соперники признавали, что он один из самых динамичных политиков в Федеративной республике.

— Мы хотели бы вас предостеречь от необдуманных шагов, — заговорил один из гостей. — Именно поэтому и решились побеспокоить вас в поздний час, тем более накануне

столь ответственного для руководителя Национальной партии дня. Завтрашний митинг может быть не более чем пробой сил. Некоторые ваши чересчур радикальные сторонники говорят о некоем «походе на Бонн», который вы должны объявить с трибуны. Выказывая эти проникливы в прессу и могут вам повредить. Разве уже настало время для подобных заявлений? Разве в ваших руках полиция, армия? Вам еще многое предстоит сделать, прежде чем можно будет претендовать на Бонн. Сегодня вы еще недостаточно сильны. Вы или мы, не стоит спорить из-за слов. И поверьте, наш приезд продиктован чувствами весьма и весьма дружескими. Надеюсь, вы не забыли, что мы сделали и делаем для Национальной партии?

Проводив гостей, лидер партии вернулся к себе, сбросил пиджак, распустил галстук, устало присел на стул. Завтра он будет спать очень долго, и никто не посмеет его разбудить. Потому что завтра он должен, как никогда, быть в отличной форме. Руководство «коричневого фронта» возлагает на Национальную партию серьезные надежды. Но почему нет Гонсалвиша, который должен был привезти последние инструкции?

Сегодняшние гости заставили его немного призадуматься. В самом деле, не слишком ли торопит его руководство «фронта»? Пожалуй, завтра не стоит пережимать, хватит и обычного набора лозунгов. Надо сказать Гонсалвишу, чтобы в институте отменили вылет самолета. Бесплезно. О Бонне и в самом деле пока что рановато думать.

В доме, где набирался сил перед митингом лидер Национальной партии, в гостиной на первом этаже бодрствовали три человека. Они расселись в креслах вокруг небольшого стола и как зачарованные смотрели на черный телефонный аппарат.

— Дьяволышка какая-то! — не выдержал один из них. — Я больше ждать не могу. У меня нервы не железные. Поеду в гостиницу и все выясню.

Двое переглянулись.

— Валия, Манфред, — разрешил сутулый человек с зачесанными назад седыми волосами.

Визит в гостиницу означал нарушение всех правил, однако другого выхода не оставалось: прошли три часа после назначенного срока, но граф Гонсалвиш не появился.

Был известен не только точный час его прилета, но и номер комнаты в гостинице, которая ему была заранее забронирована. Он должен был привезти последние инструкции руководства «коричневого фронта». Эти трое были лидерами подпольной неонацистской боевой группы, накануне митинга сконцентрировавшейся в городе. Все было готово для того, чтобы превратить завтрашний день в крупную сватку, продемонстрировать силу крайних правых, спровоцировать столкновение с полицией, открыто провозгласить поход на Бонн.

Они отчаянно нервничали, седой начал грызть ногти — привычка, от которой отделался еще в школьном возрасте. Сидели молча. Каждый боялся сказать то, о чем все думали: единственной причиной странного отсутствия Гонсалвиша мог быть только его арест.

Ровно через двадцать минут Манфред Кноль вернулся. Двое уставились на него. Минуту или две Кноль стоял молча, засунув руки в карманы и прислонясь спиной к двери. Двое не сводили с него глаз.

— Граф в гостинице не приезжал. Никаких известий от него нет. Как в воду канул, — медленно проговорил Кноль.

Он прошел в угол комнаты, вытащил из шкафа портфель, начал лихорадочно закидывать в него бумаги. С трудом застегнув замок, решительно направился к двери.

— Куда это ты? — заговорил третий, помалкивавший все это время. — Мы же должны передать графу просьбу шефа об отмене самолета.

— Сматываю удочки, — рявкнул Кноль, — и вам советую. Особенно тебе, Байер, — кивнул он человеку, задавшему вопрос. — Не гадаешь, что карточкой с твоей запоминающейся физиономией снабдили каждого полицейского? Байер угрожающе приподнялся. Седой остановил его жестом.

— Успокойтесь, Кноль прав: раз графа нет, значит, надо уходить.

Джексон не получил ответа от Гонсалвиша ни в субботу, ни в воскресенье утром. Это был первый случай, когда предложение о встрече просто игнорировали, не потрудившись дать объяснения. Весь уик-энд Джексон напрасно проторчал у телефона в управлении, отказавшись от поездки за город и от ужина у старого приятеля, чем никогда не пренебрегал. Жену его дела несколько не интересовали, она преспокойно отправилась к подруге. Джексон в одиночестве бесился в управлении, где сидели только дежурные.

В воскресенье к вечеру Джексон понял, что ждать ответа бесполезно. Скорее всего Гонсалвиша арестовала полиция на континенте.

Эта мысль напугала Джексона. Не потому, что его беспокоила судьба графа: на допросе могли всплыть какие-то подробности, подтверждающие контакты Гонсалвиша с ним, Джексоном. Удар необходимо было как-то предупредить, но даже изобретательный ум Джексона не шел дальше повинной Малькольму, что в любом случае означало уход из ЦРУ.

На городской площади соорудили огромную трибуну, украшенную плакатами с изображением лидера Национальной партии. Кристиан сразу же оценил замысел организаторов митинга: собравшиеся на площади взирали на оратора снизу вверх, маленькие перед гигантской трибуной, а усиленный

мощными микрофонами голос рокотал над ними, заставляя прислушаться, заглушал все остальные звуки, подавляя.

Кристиан еле пробрался к площадке. Все улицы, которые вели к ней, были запружены толпами стремившихся на митинг людей. Женщины были принаряжены, от мужчин пахло пивом. Кристиан встроился в общий поток и, стиснутый чужими плечами и спинами, оказался среди тысяч, ожидавших обещанного им открытия.

— Охраны-то сколько, — заметил стоявший рядом с Кристианом старик с седыми усами, как у кайзера Вильгельма.

— А ты как думал, — набросился на старика широкоплечий мужчина, — вокруг полно всякой нечисти, которая только и думает, как уничтожить нашего вождя. Не нравится им, что он правду говорит. — Окинув Кристиана тяжелым взглядом, он отвернулся.

Старик собирался что-то возразить, но в этот момент на трибуне возникла фигура лидера партии. Он протянул в приветствии руки к толпе, и толпа всколыхнулась навстречу ему. Площадь задрожала от криков. Справа и слева от себя Кристиан видел горящие глаза. Он оглох от повторенного тысячу раз приветственного рева. И вдруг все стихло. Оратор заговорил.

Лидер партии выступал не часто, чтобы не обесценивать своих речей. Его «встречи с народом», как эти митинги именовались в отчетах третьего отдела федерального управления Национальной партии, занимавшегося пропагандой, должны были надолго оставаться в памяти. Зато он много ездил по стране, останавливался в небольших городах и деревушках, заходил в кабачки, пил пиво с местными жителями, пел с ними старые немецкие песни и вел долгие беседы. Это тщательно подготовленное и продуманное «общение с простыми людьми» расписывали журналисты из пресс-группы, сопровождавшие его повсюду. Завсегдатаем крошечных пивных лыстико, когда такой известный человек подсаживался к их столику, расспрашивал о жизни, сочувственно кивал, когда люди жаловались на трудности, ругал продажных политиков, которым плевать на интересы собственного народа. Образ простого и доступного стража национальных интересов создавался десятками тысяч экземпляров партийной газеты, в кассе которой всегда было достаточно денег, чтобы издать бесплатное иллюстрированное приложение или специальный выпуск об очередном вожде лидера.

Оглядываясь вокруг, Кристиан пытался понять, что же привело сюда всех этих людей. Большинство составляли женщины, старики и молодежь — те, кто в наибольшей степени считал себя не удовлетворенным жизнью в Федеративной республике. Многие из собравшихся искренне восхищались человеком, который обещал после прихода к власти Национальной партии дать всем работу, в два счета покончить с ростом цен, навести во всем порядок.

Кристиан видел вокруг себя напряженные лица людей, старющихся не пропустить ни единого слова оратора. Он попытался прислушаться к голосу, разносившемуся над площадью.

— До каких пор мы, немцы, будем бояться собственной тени и трусливо поджимать хвост, когда паршивые иностранцы упрекают нас за неведомые грехи? До каких пор наше собственное правительство будет потакать внутреннему врагу, тем, кому ненавистен подлинно немецкий дух, и позволять им безнаказанно оскорблять лучших сынов немецкой нации? Доколе, я вас спрашиваю? И мы, немцы, великая нация, сняв шляпы, вынуждены покорно выслушивать поучения, словно школяры перед учителем.

Кристиан был потрясен беззащитностью этой демагогии, напором, с которым лидер Национальной партии преподносил слушателям самые дешевые сенсации из стандартного набора пропагандиста «третьего рейха». Но собравшиеся на площадке не разделяли его чувств. Напротив, толпа негодовала, когда негодовал оратор, возмущалась, когда нотка возмущения слышалась в его голосе.

— И вот тех, кто нашел в себе мужество вступить за честь немцев, подвергают гнусным нападкам, делают мишенью дурацких острот и карикатур. Кто это делает? Красные, недоучившиеся студенты, которые поклоняются чужой культуре, иностранцы, которые не имеют права жить на нашей земле. Эти люди навязывают свою волю правительству, пишут гнусные статьи в журналах. Они живут за ваш счет и позволяют себе издеваться над вами...

Ропот пробежал по толпе.

— Он до них доберется. Это я тебе обещаю, — восторженно прошептал Кристиану стоящий рядом толстяк, — он всех выведет на чистую воду.

— Они виноваты в ваших несчастьях. Они сидят на ваших местах, поэтому вам не хватает работы. Они живут в ваших домах. Они едят ваш хлеб. И если вы спросите меня, какова главная цель Национальной партии, то я вам отвечу: вернуть Германии утраченное достоинство, покончить с засильем чужестранцев, вернуть вам, простым немцам, то, что принадлежит вам по праву. Тот из вас, кто чувствует себя обиденным в жизни, пусть поймет: ему никто не поможет, кроме нас.

Толпа ревели от восторга. Высоко подняв руки, люди безостановочно аплодировали. Откуда-то появились плакаты с лозунгами: «Отдадим голоса Национальной партии!» В бушевавшей толпе только окружавшие трибуну молодые парни сохраняли удивительное спокойствие.

Кристиан стал протискиваться назад. Его пинали, толкали, проклинали — ведь он мешал им видеть оратора.

Окончание следует.

СМЕНА ТВОЕ БОЛШОЕ СВОБОДНОЕ РЕШИ ВРЕМЯ ПРИДУМАЙ НАПИШИ

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО» Второй тур

Пятый год проводит «Смена» конкурсы эрудитов. Судя по письмам, рубрика прижилась, полюбилась читателям. Вот как, например, сказала об этом рабочая Валентина Гусарова из поселка Средняя Ахтуба Волгоградской области: «В прошлом году участвовала в конкурсе «Наша Родина», но мои ответы были очень слабыми и поверхностными. Оказывается, нужно лучше вникать в суть вопроса, побольше знать и уметь работать с литературой».

Инженер В. Гужов из колхоза имени Ленина Архангельской области написал, что наши конкурсы навели его на мысль вести несколько тематических альбомов, постоянно пополнять их новыми материалами. Систематизировать материалы по различным темам начали многие участники конкурсов. Надо полагать, большинство из них не остановятся только на собирательстве фактов и знаний. Ведь отсюда совсем близко до самостоятельных занятий по тому или иному вопросу.

Конкурсы эрудитов учат даже находчивости, утверждает В. Гужов. Отвечая на вопросы второго тура конкурса «Наша Родина», он в доступной ему литературе не смог найти имя трехмиллионного жителя Туркменистана. Когда до последнего срока отправки ответов оставалось два дня, читателя осенило: а почему бы не послать телеграмму в редакцию газеты «Туркменская искра»? Так и сделал. «Ответ не заставил себя долго ждать», — пишет В. Гужов. — «Ровно через сутки телетайп в Шенкурске отстучал: «Байрамгельды» — по-русски: «Праздник пришел».

А теперь выдержка из письма Эрнестины Фирюлиной из г. Молодечно, ставшей в числе других победительницей конкурса «Наша Родина»: «Бюро минского молодежного туризма «Спутник» предложило мне по присужденной «Сменой» путевке поездку по маршруту Минск — Львов — Ужгород — Минск. Я путешествовала вместе со студентами. Поездка очень понравилась. Все было хорошо организовано: четкий распорядок дня, интересные экскурсии, хорошее питание. Осталась добрая память о городах Украины, где я побывала впервые. Больше вам спасибо за награду».

Но перейдем к сегодняшнему конкурсу «Литература и искусство». Вопросы первого тура «Смена» опубликовала в шестом номере журнала; откликнулись читатели со всех концов нашей страны. Жюри заканчивает подведение итогов, которые будут обнародованы в одном из ближайших номеров.

Вопросы второго тура мы по сложившейся практике отобрали из ваших писем. Участвовать во втором туре конкурса «Литература и искусство» могут все читатели, в том числе, конечно, и те, кто по каким-либо причинам пропустил первый тур. Тридцать участников второго тура, которые лучше других сумеют справиться с заданием, ожидают призы: книги, альбомы, почетные дипломы. Как и прежде, при подведении итогов главный критерий — точность ответов. Разумеется, обстоятельность их тоже не пройдет мимо внимания жюри.

Просим участников конкурса по возможности облегчить работу жюри и отвечать на вопросы в таком же порядке, как они заданы. Желательно указывать источники, где вы нашли ответы. Писать надо аккуратно и разборчиво, на одной стороне листа. Самые существенные места лучше выделять цветным карандашом.

Если вы прокомментируете задание второго тура и назовете вопросы, которые показались вам самыми трудными или, наоборот, самыми легкими, будем вам благодарны. Это поможет редакции лучше готовить будущие конкурсы.

Сумев ответить только на какой-либо один вопрос, все равно присылайте письмо. Вдруг ваш ответ окажется самым интересным или вы нашли литературный источник, неизвестный жюри. Если же вы ответили на два и больше вопросов, тут и сомневаться не надо, отсылать ли письмо. Конечно, отсылать!

Удачи вам, дорогие читатели!
Итак, задание второго тура конкурса «Литература и искусство»:

1. С какой картины начиналась советская живописная Лениниана? На какой выставке, где и когда она впервые была показана?

Н. СУТЯГИН,
Брянск

2. В дни празднования десятой годовщины Таджикской ССР состоялась премьера первой национальной оперы. Назовите эту оперу и ее автора.

Ю. ЕФИМОВ,
пос. Кара-Кала
Красноводской области

3. С чем связано название балета «Абакаяда» и кто его авторы?

А. ВЛАСОВ,
г. Борисов Минской области

4. Как известно, А. С. Пушкин написал пять повестей Белкина. Кто из советских писателей создал шестую повесть Белкина? Как она называется?

В. КЛИМЧУК,
г. Рахов Закарпатской области

5. В 1833 году знаменитый иностранец побывал в русском городе, где поклялся посвятить свою жизнь борьбе за свободу своей родины. Под его руководством страна была освобождена от чужеземного ига и воссоединена. Назовите город и национального героя, в память о пребывании которого там сооружен обелиск.

В. РОМАНОВА,
Свердловск

6. Назовите русского композитора и его жену, чей образ запечатлен И. Е. Репиным в картине «Царевна Софья». Какие четыре оперы написаны ею? К одной из опер, успешно поставленной в Москве и Киеве, выдающийся русский художник написал эскиз декорации. А в опере, показанной в мамонтовском театре, одну из ролей исполнял знаменитый русский певец. Назовите эту оперу, художника, певца и роль.

Г. КОЗЫРЕВА,
Москва

7. Раннее проявление творческих способностей личности широко известно. Творческой силой отличался уже в детстве и один из самых плодовитых писателей мира. Стихи он начал сочинять с пяти лет. Их записывали другие под его диктовку. Перу этого писателя принадлежат 1800 пьес, причем все в

стихах. Ни над одной из них он не работал дольше трех дней. О каком писателе идет речь? Книги каких древнеримских авторов и почему он, когда начинал писать свою пьесу, запирали в шкаф?

А. ШАРОНОВ,
Дальнегорск Приморского края

8. Какие самые древние музыкальные инструменты сохранились в виде конкретных экземпляров до наших дней? Сколько им лет?

П. ТВЕРДОХЛЕБ,
Донецк

9. Какое произведение П. М. Третьяков приобрел для своей галереи последним?

В. ШАПКИН,
Донецк

10. В Антарктиде на могиле капитана Роберта Скотта и его сподвижников есть надпись: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Советский писатель сделал их девизом героев своего романа. Назовите писателя и его роман. Из какой поэмы и какого поэта эти строки?

М. КОЗАРЧУК,
г. Пушкино Московской области

11. Какую работу по дереву русских резчиков выдающийся французский скульптор Огюст Роден в конце прошлого века назвал «гениальным произведением народного искусства»?

С. и М. КОРТНЕВЫ,
Воронеж

12. Почему во многих странах мира столетний юбилей Пинокио, известного у нас как Буратино, отмечают уже третий год? В произведении о деревянном мальчишке в пересказе А. Н. Толстого есть палиндром: «А роза упала на лапу Азора». Кто сочинил эту фразу-перевертыш?

А. ЩЕРБИНА,
г. Николаев

13. Назовите четырех поэтов, прославивших своим имена на полях сражений и в застенках ради счастья народов и написавших бессмертные произведения.

Т. и А. ЛИХАЧЕВЫ,
Воронеж

14. «Есть два способа не любить искусство. Один — это просто его не любить. Другой — любить его рационально». Какому английскому писателю принадлежит это высказывание?

В. СЕМЕНОВ,
Златоуст Челябинской области

15. Когда и кем была издана первая в мире печатная книга?

М. ИВАНОВ,
Ижевск

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ ВТОРОГО ТУРА. ПОСЛЕДНИЙ СРОК ИХ ОТСЫЛКИ ДО 1 АВГУСТА.

«СМЕНА»-83. ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Дорогие читатели!
По вашей просьбе сообщаем:
на журнал «Смена»
вы можете свободно подписаться
во всех агентствах «Союзпечати».
Оформить подписку
необходимо за 30 дней.
Хотите получать
журнал с августа?
Пожалуйста, зайдите в «Союзпечать»
до 30 июня. О своих просьбах
и пожеланиях редакции пишите нам
по адресу: 101457, ГСП, Москва, А-15.
Бумажный проезд, 14.

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Пока жюри подводит итоги первого тура турнира любителей спорта («Смена» №№ 6, 7), публикуем вопросы второго тура. Напоминаем, что победители будут определены как по итогам каждого тура в отдельности, так и по сумме очков.

Многие читатели, принявшие участие в первом туре, попутно высказали пожелание — предлагать больше вопросов, связанных с историей советского спорта. Эту просьбу каменщик В. Белоусов из Ростова-на-Дону мотивирует тем, что в последнее время издано много справочников по спорту, и в поисках ответов читатели, особенно молодые, смогут подробнее познакомиться с историей развития нашего спорта, узнают даже больше, чем необходимо для ответов на вопросы. Такой же точки зрения придерживается инженер С. Власов из Иркутска, которому помогают отвечать на наши вопросы двое его сыновей.

Выполняя просьбы читателей, мы решили большинство вопросов второго тура связать с историей выступлений советских спортсменов во всесоюзных и международных соревнованиях.

Второй тур

1. Когда был впервые введен физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР»? Когда был создан Всесоюзный совет по комплексу ГТО? Кто является его председателем?

2. В каком году состоялся первый чемпионат СССР по боксу? Какие советские боксеры впервые стали чемпионами Европы и когда? Кто из наших боксеров и в каком году впервые стали олимпийскими чемпионами?

3. Кто из советских велосипедистов (мужчин и женщин) и когда впервые выиграл чемпионат мира?

4. Когда впервые было проведено первенство СССР по гимнастике среди мужчин и среди женщин? Кто из наших гимнастов и гимнасток впервые завоевали звание абсолютных чемпионов Олимпийских игр?

5. Назовите вратарей сборной СССР по хоккею, впервые выигравшей чемпионат мира. Где и в каком году проходил этот турнир?

6. Какая команда выиграла первый чемпионат СССР по футболу? В каком это было году?

7. Вспомните первого советского стрелка, ставшего олимпийским чемпионом. В каком упражнении и какой результат он показал?

8. В каком году советские легкоатлеты впервые выступили в чемпионате Европы, сколько золотых медалей они тогда завоевали? В каком году Федерация легкой атлетики СССР вступила в Международную легкоатлетическую федерацию?

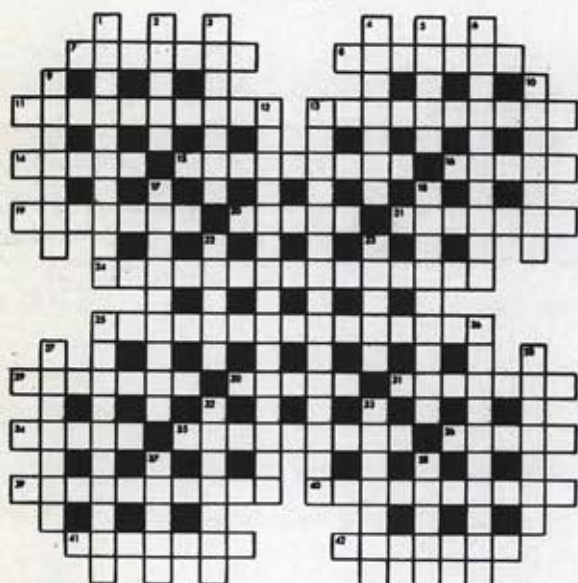
9. Некоторые Всесоюзные спортивные федерации возглавляют летчики-космонавты СССР. Назовите их и виды спорта, развитию которых они отдают свое свободное время.

10. Какие советские спортсмены — чемпионы мира, Европы, Олимпийских игр — добились успехов на научном поприще?

Письма с ответами на вопросы второго тура «Турнира любителей спорта» присылайте не позже 15 августа с. г. (по почтовому штемпелю). В левом углу письма не забудьте сделать пометку: «Турнир любителей спорта. 2-й тур».

КРОССВОРД

Составил В. ФЕДОСЕЕВ,
Чебоксары

По горизонтали:

По вертикали:

7. Пристройка к дому. 8. Соединение военных кораблей. 11. Комплекс физических упражнений. 13. Человек, показавший высший результат в одном из видов спорта. 14. Житель социалистического государства. 15. Руководство постановкой спектакля. 16. Печь для выплавки чугуна. 19. Устройство для запуска двигателя. 20. Небольшой городской сад. 21. Измерительная лента. 24. Столица Византии. 25. Начальный этап социалистического преобразования деревни. 29. Озеро в Челябинской области. 30. Народ, живущий в Иране. 31. Огнестрельное оружие. 34. Пьеса В. Н. Билль-Белоцерковского. 35. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 36. Кинокартина. 39. Руководитель группы певцов. 40. Способ многокрасочной печати. 41. Солдат. 42. Салатное растение.
1. Город в Хакасии. 2. Правовед. 3. Боевой корабль. 4. Черный тополь. 5. Коренное население Новой Зеландии. 6. Древнегреческий философ и ученый. 9. Река в Павлодарской области. 10. Картина П. Пикассо. 12. Инженер, разрабатывающий летательные аппараты. 13. Отрасль сельского хозяйства. 17. Английский физик и инженер XIX—XX веков. 18. Пристань на реке Тара в Омской области. 22. Строительный измерительный инструмент. 23. Город в Польше. 25. Прибор для измерения количества теплоты. 26. Преддосевная обработка семян. 27. Советский поэт. 28. Химический элемент. 32. Крепостное укрепление. 33. Персонаж итальянской комедии масок. 37. Советский певец, народный артист СССР. 38. Роман Ф. М. Достоевского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

По вертикали:

5. Секанс. 7. Лионез. 10. Листопад. 11. Батискаф. 14. Шелли. 15. Интендант. 16. Татры. 19. Лермонтов. 22. «Скоморохи». 23. Надолба. 24. Вантоз. 25. Агелад. 26. Вентер. 27. Футбол. 29. Байбак. 32. Телегин. 34. «Соколинец». 35. Кариатида. 38. Зинин. 39. Омбромметр. 40. Индия. 43. Дифосген. 44. Лавретка. 45. Юрмала. 46. Хвитау.
1. Жесть. 2. Шампиньон. 3. Костяника. 4. Вепсы. 6. Сидней. 7. Лебедь. 8. Цикламен. 9. Гамадрил. 12. Резерв. 13. Проход. 17. Антология. 18. Эмиграция. 20. Варенец. 21. Портрет. 22. Сборщик. 27. Флорин. 28. Тропинин. 30. Ботаника. 31. Кадмий. 32. Термограф. 33. Наставник. 36. Гринда. 37. Ямалих. 41. Добро. 42. Метан.

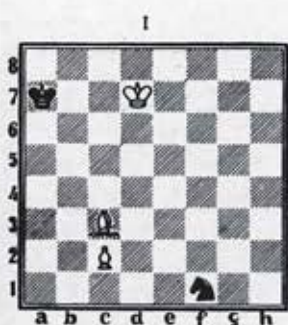

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Среди заданий очередного тура нашей шахматной олимпиады — три этюда. Просим читателей в своих ответах подчеркнуть ходы главного варианта решения этих этюдов.

Двенадцатый тур

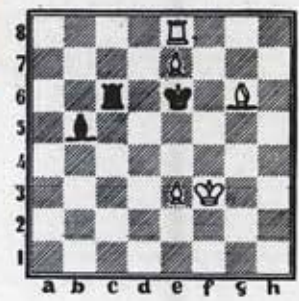

Белые: Kpd7, Cc3, п. c2 (3).
Черные: Кра7, Kf1 (2).
Белые начинают и выигрывают (1 балл).

Белые: Kpg2, Ld2, Cb4, nn. b3, g7 (5).
Черные: Krb6, Lb1, Lh1 (3).
Белые начинают и выигрывают (3 балла).

Белые: Kpf3, Ла7, Kb1, Kg1 (4).
Черные: Kpf1, Cg5, nn. b7, d5, e3, f4, h4 (8).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (3 балла).

Белые: Kpf3, Ле8, Cg6, nn. e3, e7 (5).
Черные: Кра6, Лс6, Cb5 (3).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Белые: Kpg2, Ld2, Cb4, nn. b3, g7 (5).
Черные: Krb6, Lb1, Lh1 (3).
Белые начинают и выигрывают (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 12-й тур». Последний срок присылки ответов — 30 августа (по почтовому штемпелю).

Антанас Чеснулис работал трактористом в питомнике Друскининкайского лесхоза. Никто не умел так прилежно регулировать машины и механизмы, как он. Пышно зеленели в питомниках посеянные и ухоженные им ряды сосенок, через его противопожарные полосы никогда не проходил нижнеярусный лесной пожар. Что делал — делал хорошо.

Однако никто не подозревал о скрытом в нем таланте художника, о том, что Антанас три года посещал отделение живописи Вильнюсской государственной средней школы искусств. Но вот построил он себе красивый дом и сам изготовил мебель: столы, шкафы, кровати, табуреты, уютно украсил дом ориги-

дивая из кривых сучков окна сувенирного киоска...

Изобретательный Антанас успевал всюду: показывал фильмы, ремонтировал аппаратуру, электропроводку и здания, ковал, рисовал, сваривал металл и резал по дереву.

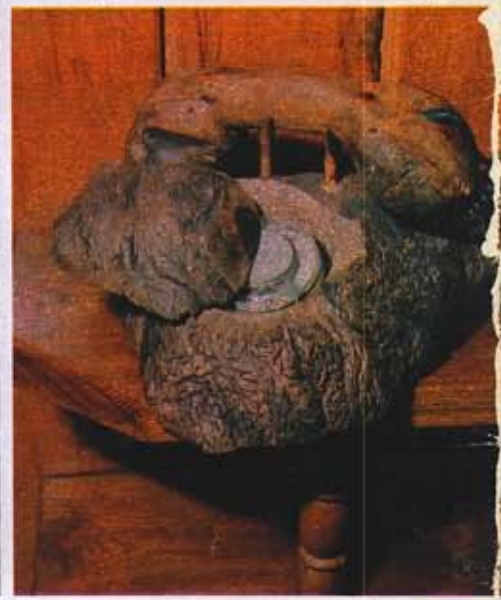
В «Лесном эхе» была устроена первая авторская выставка Чеснулиса. Портреты, экслибрисы, деревянные барельефы, светильники, скульптуры. Первая крупная его работа — скульптурная группа по мотивам литовской народной сказки «Ель — королева ужей». Особенно много поисков форм выразительности пришлось на фигуры Эгле, Ажуоласа, Дрябуле.

воина и жреца; Паесляйскому колхозу — монументальный столб.

Мы радовались, когда Чеснулиса впервые пригласили участвовать в семинаре — сборе народных умельцев. На первом семинаре Антанас создал и подарил Литовскому национальному парку скульптуру ковшика быка. Позднее на семинаре создана и подарена детскому саду колхоза имени А. Снечкуса красивая работа «Два петушка». Каждый год Антанас участвует в семинаре Общества народного искусства на Куршской косе и снова творит и трудится...

Чеснулису присвоено почетное звание народного мастера. Он полон творческих замыслов, молод

ЛЕСНОЕ ЭХО

нальными люстрами, художественными карнизами, занавесями. Все сделал сам.

Когда в лесничестве построили домик для лесников и когда, осваивая его, почувствовали нехватку рабочих разносторонних способностей, пригласили Чеснулиса.

С Антанасом было легко работать: с полуслова понимал, что нужно делать, и благодаря его художественной интуиции каждая вещь к своему месту прекрасно подходила, на работу его приятно было взглянуть. Посетителей радовали изготовленные Антанасом светильники, лавки, столы, табуреты. Чем дальше, тем сложнее работы поручали мастеру. Из основных наростов изготовил он художественные футляры телефонных аппаратов, сделал массивные деревянные заслоны... Много труда приложил, скла-

Скульптуры так органично вписались в красоту парка, что без них, казалось, не было бы того глубоко эмоционального настроения в «Лесном эхе».

У Антанаса много дел. Надо оформить стенд, изготовить сувенир, исполнить экспонаты для ВДНХ СССР, оформить интерьер зала или холла, написать красивым шрифтом объявления, плакаты, указатели, буклеты выставок... Антанас отдавал этому все свободное время. Работа выполнялась не только в срок, но и, как говорится, сама себя хвалила. Такой уж душевный человек наш Антанас.

Молва о способном мастере быстро распространилась по всей республике. Антанас стал украшать не только родной питомник. Для Паневежского производственного объединения лесного хозяйства изготовил стол лесоруба; Пуняйскому бору — скульптуры

ДЕРЕВЯННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ НАРОДНОГО МАСТЕРА АНТАНАСА ЧЕСНУЛИСА УКРАШАЮТ МНОГИЕ ПАРКИ И ЗАПОВЕДНИКИ ЛИТВЫ.

энергичен, трудолюбив, поэтому у тридцатилетнего художника, как говорится, самые зрелые работы еще впереди. Пусть сопутствует успех этому талантливому мастеру в украшении родины деревянными скульптурами.

**Альгидрас ВАЛАВИЧЮС.
Фото Анатолия ИОЛИСА**

Перевела с литовского
Данголе БАЛЧУНАЙТЕ.